

Глеб Нагорный

Лайф- Лайф

Пьеса

Глеб Нагорный

Лайф-Лайф

Пьеса

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
Н16

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Нагорный Глеб

Н16 Лайф-Лайф : Пьеса / Глеб Нагорный. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 146 с.
ISBN 978-5-4490-5960-4

«По большому счёту, „Лайф-Лайф“ — это пьеса о наших метаморфозах, туда можно посмотреть, как в зеркало, и ужаснуться».

Алексей Битов, театральный критик

«Пьеса — современный городской трагифарс (одновременно и психологический триллер), в котором ощутимы мистические традиции Юрия Мамлеева. Пьесу можно было бы назвать „Затерянные под землёй“ — поскольку речь идёт о вагоне метро, остановившемся в туннеле... Перед нами оказался некий ковчег современников...»

Ольга Игнатюк, «Страстной бульвар, 10»

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-5960-4

© Глеб Нагорный, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Театральный аргумент	5
Московское метро по-литовски	7
Лайф — это не Жизнь	9
Life, зачем ты нам дана? Ставропольский академический театр драмы им. М. Ю. Лермонтова	13
LIFE-LIFE, или новый взгляд на современное общество ..	17
Тольятти. Юбилейная тольяттинская осень	20
ЛАЙФ-ЛАЙФ	23
Действие первое	26
Действие второе	73
ПОСЛЕСЛОВИЕ	107
Исюминки и безуминки в современной драматургии	107
Русский Хэллоин — не бессмысленный, но беспощадный	114
Писатель — это стиль	123
Искусство призвано рождать, а не разрушать	130

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ

В Русском драматическом театре Литвы премьера, которую можно приравнять к крупному событию, дающему повод порассуждать о процессах в культурной жизни русской общины. В страстные споры о роли театра в деле сохранения русской культуры буквально влетела пьеса талантливого драматурга Глеба Нагорного, члена Международной федерации русскоязычных писателей (Лондон, Будапешт).

Сначала о пьесе. Она называется претенциозно — «Лайф-Лайф». Это вызывает смутные подозрения: уж не происходит ли творчество автора из высокомерной и часто малопонятной стихии андеграунда, тем более что действие спектакля — в «подполье», в вагоне метрополитена. Но с первых эпизодов становится ясно: таким названием автор обозначил горькое ироническое отношение к грустным реалиям нашей жизни.

«Лайф-Лайф» в применении к узнаваемым персонажам — от простых людей с их забавным суржилом до представителей псевдоэлиты и фальшивых правдолюбцев — как обобщенный символ инородного влияния на наши исконные порядки. Вот и «лайфист» — чудаковатый парень из некоей фирмы психологических услуг под названием «Лайф-Лайф» — назойлив со своими никчемными советами.

Г. Нагорный и режиссер Юрий Попов ставят двойной эксперимент. Один мы наблюдаем — он в сюжете пьесы. В другом участвуем сами — заденет ли за живое кажущаяся искусственной фабула, на самом деле списанная из жизни, но творчески переосмысленная.

Автор поместил героев в замкнутое пространство — вагон

московского метро. Где-то происходит авария. Вагон стоит на путях. Пассажиры — представители разных слоев общества — вынужденно общаются. И вдруг выясняется, что один из них в сутолоке, возникшей из-за торможения, убит. Пассажиры начинают разбираться, и каждый обнажает свою суть. Но по ходу действия в финале мы узнаем: над ними фактически поставили эксперимент, жестокий и инородный для русской земли, но, к сожалению, приживающийся. Какой?

Этот секрет откроется театрам, которые еще не видели спектакля. Скажу лишь, что внедрение образа «Лайф», довлеющего над персонажами, стало своеобразным тестом для героев и зрителей, каждый из которых по-своему воспринимает то испытание, или подарок природы, который называется «Жизнь».

Если бы дело сводилось просто к появлению хорошей постановки, то и повода для заметок не возникло бы. Что говорить о добротных театральных буднях, если к ним уже привыкли? Вот ведь в прошлом году театр порадовал отличным спектаклем — пьесой Николая Васильевича Гоголя «Игроки», замечательно поставленной и отлично сыгранной. Но не было неожиданности, а был очередной приятный сюрприз, даже некая традиция, выразившаяся в обращении к творчеству великого писателя. Ну и другие постановки, очень даже приличные, не выходили все-таки за рамки традиции, поскольку дань отдавалась произведениям известных, раскрученных авторов. В этом нет ничего плохого. Хорошо поставленная русская и иностранная классика, а также модные пьесы помогли театру вернуть зрителя. Аншлаги — тому свидетельство...

И тут афиши объявили о новой премьере — пьесе «Лайф-Лайф»... Эти английские слова вызвали смутные сомнения, и чтобы быть готовым к неприятному сюрпризу, я специально связался с Г. Нагорным и попросил показать пьесу. Открыл в Интернете текст и прочитал. И понял, что опасения напрасны...

Потом было лишь волнение — а что сделают с пьесой в театре? Какое особое прочтение предложат? В программке значится «трагифарс», так написано, наверное, для того, чтобы раскрутить

спектакль. Действие носит черты фарса, но на самом деле все так узнаваемо, смешно и грустно, что лучше бы назвать пьесу трагикомедией.

Однако пишу не рецензию, пусть этим занимаются театральные критики, а просто делюсь впечатлением в связи с теми тревогами, которые часть общины связывает с очагом русской культуры в Литве — Русским драмтеатром, и пытаюсь предугадать его судьбу. При короткой встрече с Й. Вайткусом он сказал мне о работе Глеба: «Я ее выбрал, потому что это хорошая пьеса». Тогда я еще не видел спектакля. А теперь понял, что независимо от причин смены руководства нет задачи погасить очаг культуры, иначе Й. Вайткус не дал бы «зеленый свет» этой пьесе. Могут быть проблемы, связанные с различием менталитетов, но для настоящего искусства это не барьер...

Юрий СТРОГАНОВ

«Экспресс-неделя»,

50 (618), 11 декабря 2008 г.

МОСКОВСКОЕ МЕТРО ПО-ЛИТОВСКИ

«Life-Life» по-русски

В минувшем году в одном из московских издательств вышла книга Антона Некрасова «Метро 2008», издатели которой определили сей труд как роман-бомбу и снабдили своеобразным эпиграфом: «Поезд дальше не идет» — самая большая ложь метрополитена». То, что происходит в столичной подземке, переваривающей за сутки около 10 миллионов пассажиров, как и в менее масштабных подземных транспортных дворцах других городов, способно вызвать у читателя чувство ужаса. В конце того же 2008 года в Вильнюсе в Русском драматическом театре Литвы поставили спектакль по пьесе Глеба Нагорного «Life-Life». На программке — знаменитый фонтан «Дружба народов», ставший символом ВДНХ. Глеб Нагорный — сам родом из Литвы. Получил там юридическое образование, имел хорошую практику, но в какой-то момент все бросил и уехал

в Москву учиться кинорежиссуре, причем у классика Марлена Хуциева. Написал роман, а теперь и пьесу, рассказывающую о монстре под названием Московский метрополитен. Эта пьеса, дающая возможность занять разновозрастную труппу любого театра, с хорошими женскими и мужскими ролями, должна иметь успех на просторах России. К тому же нехватка современных пьес все еще остро ощущается в современном театре.

Обычный рядовой день в столичной подземке. Люди спешат по делам, у каждого свои планы, в которые совсем не входит длительное времяпрепровождение в вагоне. Но поезд отчего-то дальше не идет. И люди, незнакомые еще несколько минут назад, вступают в определенные отношения, сообразно возникшей ситуации. Вагон становится своего рода микромоделью социума. В одном пространстве оказались бомж, женщина с ребенком-инвалидом, пенсионер с кроссвордом, тетка с пакетами, которые очень пригодятся, поскольку в них еда, а сидеть под землей придется довольно долго, инженер, деловой человек, бизнес-леди, по чистой случайности спустившаяся в метро... Если внимательно присмотреться к тем, кто едет с нами в вагоне ежедневно, увидишь примерно ту же картину. Ситуация, как говорится, модельная. Из разговоров, столкновений в вагоне, страхов не выйти из него вообще никогда рождается понимание того, чем, собственно, все мы живем, будь то мегаполис или небольшой городок.

Удивительно все это было видеть в Литве, ставшей совсем европейской, живущей спокойной и на первый взгляд мирной жизнью. Если не считать того, что в дни пребывания в Вильнюсе как раз прошел марш протеста и люди вышли на центральную улицу, чтобы выразить недовольство тем, что происходит в стране в дни кризиса. Среди них – работники культуры. Все мирно, цивилизованно. Но разбиты стекла учреждений, и несколько человек серьезно пострадали от резиновых пуль, выпущенных теми, кто призван был охранять порядок. Картинка, возникшая на экранах телевизоров в блоке новостей, была устрашающей. А на взгляд обывателя, все мирно и спокойно. Так

и наша жизнь — все вроде бы идет своим чередом, но только до определенной поры. Социум оказывается встревоженным ульем. Таковы особенности современной жизни.

Сценограф Андриус Жибикас воздвиг на сцене самый настоящий вагон. Воссоздано все в деталях. Вплоть до объявлений, звучащих в метро. Режиссер Юрий Попов не акцентирует замкнутость пространства. Оно как раз открыто, широко открыто, тут словно бы гуляет ветер, который может внести любое дуновение, самое непредсказуемое развитие событий. Они и не предсказуемы. Есть и труп, и его исчезновение, и даже откуда-то взявшийся милиционер, начинающий расследование, словно специально для того подосланный...

В последнее время никакой другой спектакль в этих стенах не вызывал такого наплыва публики.

Светлана ХОХРЯКОВА

«Культура», №8 (7671),

26 февраля — 4 марта 2009 г.

ЛАЙФ – ЭТО НЕ ЖИЗНЬ

Новый сезон краевой драматический театр открыл спектаклем «Лайф-Лайф», что в переводе с английского значит «Жизнь-Жизнь».

Драматург придумал сюжет, изобилующий неожиданными поворотами. Рассказать обо всех хитросплетениях интриги нельзя. Это приблизительно то же самое, что в начале истории о запутанном преступлении ткнуть пальцем в персонажа: «Убийца он». И хотя «Лайф...», в общем-то, не детектив.

С другой стороны, как посмотреть: убийство имеет место. Нечто вроде расследования тоже. А совершенно неожиданный финал, к криминалу отношения вообще не имеющий, его по какому жанру числить?

Атмосфера

Вы входите в зал и видите, что привычного занавеса нет. Тяжелая ткань служит для разграничения разных миров. Погаснет свет, и распахнется вход в чудесный мир, не похожий на будничную реальность.

Для «Лайфа...» это противопоказано. Здесь прямо перед первым рядом пространство, где будет разыграна наша действительность.

Ожидая начала действия, вы долго всматриваетесь в черные, словно закопченные стены с выгоревшими фризами, изображающими счастливую жизнь. Московское метро? Но в подземных вокзалах картинки сияют яркими веселыми красками. А этот склеп словно взят из романа Дмитрия Глуховского.

Наконец, появятся люди. Пассажиры. Все они одеты в одинаковые прозрачные плащи, похожие на костюмы противорадиационной защиты. Эти дождевики — символ замкнутости каждого из героев в собственном коконе. Ты отгорожен и от других, и от мира, пораженного невидимой, не имеющей цвета, вкуса и запаха отравой. А поскольку все оболочки сходны, на сцену вываливает толпа одинаковых людей.

Потом поезд помчится по туннелям, случится авария, и 14 человек, запертых в вагоне, начнут вынужденное общение.

Действующие лица

Глеб Нагорный не задавался целью глубоко разработать характеры. В спектакле действуют типажи, каких можно встретить на улице города. Приблатненный мужик. Менеджер компании «Лайф-Лайф». (За немалые деньги здесь обучат вас, как правильно, позитивно относиться к жизни. То есть ничего не принимать близко к сердцу.) Мама с сыном-калекой, интеллигент с двумя высшими образованиями («Корячусь теперь на заводе за 10 тысяч в месяц»). Девушка неопределенных занятий, но вполне определенной внешности. Студент. Преуспевающие предприниматели. И другие узнаваемые лица и костюмы, уже не дождевики. Случайный, но вполне репрезентативный срез

общества.

Что станут обсуждать эти люди? Темы, которые у всех «на слуху». То есть самые болезненные вопросы современного бытия и существования: развалили и разворовали великую страну или дали возможность со вкусом жить энергичным людям? Как всегда: кому на Руси жить хорошо, кто виноват и что делать?

Застрял посреди темного туннеля поезд? Под конвоем привычных ассоциаций является соображение: теракт. Начинается вполне фарсовая реприза «Поиски бомбы». Когда смотришь на таких же обывателей, как сам, со стороны, их страхи выглядят уморительно смешными. А глубоко внутри шевелится ужас человека, которому хоть раз да довелось оказаться в одной остановке, в пяти минутах или, не дай Бог, в эпицентре очередной катастрофы. В жизненный опыт россиянина это вошло неотъемлемой частью.

Потом обнаружится труп одного из пассажиров с огромным кухонным ножом в груди. Начнется новая реприза – «Расследование». Основополагающая ситуация классического детектива – душегубство в замкнутом помещении, поиски злоумышленника среди ограниченного «контингента» персонажей. От «Убийства в Восточном экспрессе» до «12 разгневанных мужчин» театр и кино создали законы и поэтику подобного зрелища.

Только вот Нагорному дедуктивный метод абсолютно не интересен. Да оно и логично, кто может представить себе Шерлока Холмса, разъезжающего по современной Москве на метро? Наши соотечественники будут устанавливать преступника иными, более привычными, чем умозаключения, способами. Например, руководствуясь правилами модной игры «Мафия». И расследование оборачивается пародией на детектив, доходящей до фарса, когда выяснится, что покойник умудрился исчезнуть из вагона.

Миражи – это наша жизнь

Как только мы осознаем это, становится понятным, почему пьеса и, соответственно, спектакль складывается из отдельных

«реприз». Сюжет здесь состоит не из действий или событий, а из движения по господствующим «мифам» времени.

У типичных персонажей, какими их создал драматург, «крупноблочное мышление». Каждый сресся с идеями, мыслями, фразами, пришедшими из газет и с телеэкранов, из гламурных журналов или даже из должностных инструкций, отождествил себя с ними. Индивид превращается в рупор укоренившегося мифа («Меньше негатива. Позитивнее мыслить надо»). А миф, овладев умами, в полном соответствии с учением превращается во вполне материальную силу. Горячие, до мордобоя, споры, которые ведут герои, в большой мере столкновения не личностей, а социальных установок. Подобные образования Бэкон называл «идолами сознания», а Ницше подступал к ним с молотком.

Для каждого из действующих лиц однажды наступает «момент истины», когда обстоятельства сдирают защитный панцирь убеждений, и перед нами — слабый, беззащитный и жалкий человек, не защищенный милицейской инструкцией, нарядом от «Дольче» или статусом менеджера преуспевающей фирмы. В этот миг в зрительном зале рождается сочувствие. Потому, наверное, что мифы разделяют людей на «такое» и «инако» верующих. А сострадание должно существовать на уровне главного инстинкта, а не какой бы то ни было идеологии.

Собственно, спектакль получился именно об этом — о тьме мелких обманов, соединившихся сегодня в идеологию, в представление о том, какова жизнь. О том, что каждый из нас зомбирован и подготовлен к тому, чтобы им управлял кто угодно — партия, фирма, секта. И неожиданный финал воспринимается как абсолютно логичное завершение действия. Вся история и должна была оказаться еще одной манипуляцией. Отличие от предшествовавших только одно: теперь героям наглядно показали, как пляшут они, «марионетки в ловких и натруженных руках».

Необходимо заметить, что существует еще один вариант понимания (трактовки) спектакля. Люди попали в критическую ситуацию, под ее воздействием открыли свои души и в этот мо-

мент узнали, что были только подопытными мышами в нехитром лабиринте.

Интерпретации можно предлагать любые. Главное, каждому зрителю запомнится финал: растерянные, уязвленные люди, точно такие же, как мы с вами. Их, как сказал бы персонаж американского боевика в русском переводе, только что в очередной раз поимели, даже не поцеловав. Они долго, долго уходят по некогда сиявшим яркими красками, а ныне словно выжженным коридорам метрополитена.

Геннадий ХАЗАНОВ

«Наше Ставрополье»,

№122 (517), 30 октября 2010 г.

**LIFE, ЗАЧЕМ ТЫ НАМ ДАНА? СТАВРОПОЛЬСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ДРАМЫ ИМ. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

В декабрьской афише Ставропольского академического театра драмы им. М. Ю. Лермонтова девять (!) спектаклей отмечены красной надписью «премьера». По отношению к нему можно назвать еще несколько впечатляющих цифр. Например, из 400 тысяч населения краевого центра 120 тысяч ежегодно бывает на спектаклях; из них 80 тысяч — дети разных возрастов...

Смотреть в театре есть что: спектакли по произведениям Лермонтова, Гоголя, Гольдони; почти половину афиши составляют пьесы современных авторов (явление нечастое на нашем театральном пространстве) — Мамлина, Мережко, Полякова, Ладос, Юрченко, Нагорного, Шендеровича. Плюс классики советской драматургии Арбузов и Цагарели...

«Лайф-Лайф» («Life-Life») поставил режиссер из Литвы Юрий Попов (бывший ростовчанин), и нынешний ростовчанин Анатолий Шикун оформил спектакль как сценограф и автор костюмов... в основу ее автор положил один из кочующих сюжетов мировой драматургии: то группа людей оказывается запертой в комнате, из которой нельзя выйти; то в отеле, заваленном сне-

гом; то в салоне автобуса; то в тюремной камере... Как правило, в замкнутом пространстве представлен социальный срез общества, и хватает двух часов сценического времени, чтобы его социальные язвы обнажить. По мере расследования неизбежного в таких сюжетах убийства (или мнимого убийства) подозрение поочередно падает на каждого (или почти на каждого) из персонажей, и чего только мы не узнаем о них по мере того, как они вынуждены оправдываться и отбиваться!

Все это у Глеба Нагорного наличествует, но в традиционный жанр внесены существенные коррективы. Я бы назвала жанр язвительной комедией, в которой серьез или даже надрыв в чьей-то речи тут же снимается иронической репликой товарища по временному заточению.

Художник выстраивает на сцене две подвижные конструкции — две половины вагона московского метро. Сдвигают и раздвигают их сами исполнители — то в одну линию, то друг против друга, то по диагонали. 14 человек, неразличимых в прозрачных плащах с капюшонами, входят в вагон. Сняв их, они вскорости обнаружат разность характеров, точек зрения и наклоностей. Вполне сегодняшнюю историю художник растягивает во времени — на целое столетие, нарядив персонажей в свободное шелковое платье начала века, в пиджак довоенного кроя, в тусклый костюмчик 50-х, в вельветовую пару 70-х, спортивный костюм 80-х и, наконец, в майки, высокие шнурованные ботинки и яркие колготки нулевых годов. То есть история с остановкой вагона и выяснением отношений могла произойти когда угодно, и люди вели бы себя точно так же.

То, что природа советского человека не успела кардинально измениться, подтверждает и финал: выкатывается, весь в тросах, огромный бюст вождя революции — откуда-то свергли его; может, с какой-то станции метро. В общем, метафора представлена «грубо, зримо» и столь же «грубо и зримо» перечеркивается верноподданнической речью Инженера в кепке: какие бы перемены в жизни ни произошли, большинство людей по-прежнему себя под Лениным чистит.

Герои «Лайфа» колоритны и играют со вкусом: громогласный обличитель власти Игорь Сергеевич (тот самый Инженер в кепке) — Михаил Новаков; Петр (Мужик) с замашками бывалого урки, что и окажется правдой, — Владимир Зоря; Арнольд (Лайфист), энтузиаст оздоровления сознания, беззаветный труженик фирмы «Лайф-Лайф» — Евгений Задорожный; Баба с пакетами и неутолимимым аппетитом (в ресторане горбатится) — Светлана Колганова; вроде бы неприметный, себе на уме Белов (Мужчина с кейсом) — Александр Ростов; здравомыслящий простецкий парень без особых примет, именуемый «Просто мужчина», — Владимир Петренко...

Первое действие подкидывает зрителям интригу за интригой, оно увлекательно и стремительно. Репризный текст летает, как шарик в пинг-понге, от одного персонажа к другому. В комедийной заостренности ситуации ощущаются естественные ограничения в виде чувства меры, не позволяющего артистам принажать на остроумные реплики, придав им эстрадную броскость.

Эффектен финал первого действия: свет в вагоне гаснет, пассажиры исчезают, на заднике загорается перспектива подземки — это тщательно сработанная видеоинсталляция. Таинственные черные своды над рельсами — путь, ведущий неизвестно куда. В тишине явственен звук падающих капель. Вполне апокалипсическая картинка.

Второе действие больше катит по сюжету, чем открывает что-то новое в людях, про которых нам уже все ясно. Они повторяют себя. Даже те, что снабжены длинными монологами. Мне кажется, изящная, без нажима роль Натальи Зубковой, играющей неколебимую, умную, умеющую пользоваться своими чарами Аллу Григорьевну, тускнеет, когда эта Женщина с длинными ногтями горячится и кликушествует. Думается, напрасно Игорь Сергеевич, стоя перед микрофонами реалити-шоу (в которое всех пассажиров втравили), благодарит правительство с тем же пафосом, с которым он только что поносил режим. За его спиной стояли еще не остывшие от приключения спутники, и он наверняка, при всей своей бессовестности, слегка стеснялся их —

такие люди чаще делают подлянку тихой сапой, понизив голос, чтобы и в одной, и в противоположной стороне выглядеть значительными.

А вот в маленькой сцене с Парнем (Денис Криштопов) абсолютно уловлен родовый признак типа, который представляет Инженер в кепке. Народ в вагоне перекусывает неистощимыми запасами сердобольной Бабы с пакетами, а возмущенный разум Инженера все кипит. Ему якобы не до прозы жизни, хотя есть охота — это видно по взгляду, который он демонстративно отводит от жующих. Парень подсаживается к нему и осторожно, точно кусачему псу, пододвигает пластиковую коробочку с бутербродом, тихонько увещевая: «Поешьте... Поешьте...». И тот, смиряя гордыню, откусывает от бутерброда, в следующую же секунду продолжая свой демагогический марафон. «Как жить?» — драматически выдыхает он, не успев прожевать.

В своеобразном Ноевом ковчеге, где кого только нет: от хозяев жизни до маргиналов — молодая поросль представлена именно этим Парнем (студентом) и Девицей в мини (Марина Каткова). Возраст их не объединяет; видимо, росли они, играя в разных песочницах. Скепсис юноши-студента по отношению к общей передрыге в целом распространяется и на эту барышню в частности. Он ее вычислил моментально, что было несложно. Зрителям тоже. По прискорбно элементарному сленгу, подчеркнуто разболтанному шагу, застывшему взгляду и жующим челюстям...

В финале ликующие организаторы реалити-шоу в слепящих после мрака красных костюмах ведут себя как на параде, становясь «в фигуры» под бодрый голос Олега Газманова («Москва, гремят колокола...»), а люди, которых разыграли, медленно уходят восвояси уже не теми, что входили сюда в одинаковых дождевиках...

Людмила ФРЕЙДЛИН

«Страстной бульвар, 10»,

№5–135/2011.

LIFE-LIFE, ИЛИ НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

14 сентября Молодёжный драматический театр (МДТ) Тольятти открыл свой юбилейный 20-й творческий сезон премьерой спектакля «Life-Life» по пьесе современного российского прозаика и драматурга Глеба Нагорного в постановке тольяттинского режиссёра Владимира Хрущёва.

После спектакля, который прошёл при полном аншлаге, городские и областные деятели культуры торжественно поздравили коллектив театра с юбилеем. Так МДТ открыл свой юбилейный 20-й творческий сезон.

По словам директора театра МДТ Владимира Коренного, это современный спектакль. «В пьесе всё отвечает сегодняшнему дню, тому, что происходит у нас в стране. И неважно отрицательные или положительные эмоции уносит с собой зритель, людям надо показывать, что так жить нельзя».

Режиссёр Хрущёв всегда отличался особым неконъюнктурным взглядом. Все его постановки отвечают сегодняшнему дню, он никогда не подыгрывает зрителю, а открывает новый светлый пласт, на который интересно смотреть.

Несмотря на кажущуюся злободневность сюжета, в спектакле практически отсутствует модная ныне политическая подоплёка. Показаны определённые обстоятельства, в которых максимально раскрываются люди. Как отметил сам Владимир Хрущёв: «У театра нет задачи реагировать на политическую жизнь. Театр, прежде всего, исследует человека в его многообразии. И мне интересен сам человек». Собственно, поэтому для своих постановок режиссёр старается подбирать темы, не теряющие актуальности и через годы.

Поскольку пьеса «Life-Life» современная и тема незаезженная, она стоит отдельного внимания. Действие пьесы происходит в вагоне московского метро. На линии произошла авария, и совершенно разные люди по воле случая оказались на пару часов вместе. Своеобразный срез современного общества: бизнесмен

и гастарбайтер, интеллигент и вор, успешная леди и бомж, гламурная девица и пенсионер, милиционер в штатском и обычные люди. Только что они были просто пассажиры. Внешне чуть разные, но в целом мало отличающиеся друг от друга люди. И вот нестандартная ситуация. Она и помогает раскрыть каждого человека, кто он есть на самом деле.

Авария — нежеланный и неожиданный сбой в привычном жизненном укладе. Что делать? В начале некоторые пытаются извлекать из ситуации личную выгоду. Например, так поступает агент-распространитель, раздавая визитки и скидки на новые курсы-тренинги «Лайф-Лайф», якобы обучающие людей правильно жить и позитивно смотреть на мир. Но что толку от этих курсов, если поезд продолжает стоять и проблема не решается? В результате люди всё больше нервничают, ситуация накаляется и дело доходит до драки. Немного успокоившись, пассажиры обнаруживают в вагоне труп убитого мужчины-пенсионера, ехавшего с ними. И вот уже, как в игре в «Мафию», все озабочены другим вопросом — кто убийца? И снова эмоции, снова провокации, снова драка и поиск крайнего. И вскоре опять: «Почему стоим?» В конце концов наступает стрессовое успокоение и люди перестают удивляться происходящему. Поезд стоит, в вагоне труп, но ведь и в такой ситуации нужно как-то жить дальше и что-то делать. Люди есть люди. Одни начинают растаскивать личные вещи убитого, кто-то играет в кроссворд, другие просто решили перекусить. А есть и такие, кто, глядя на происходящее, задумывается о смысле жизни, о своей нелёгкой судьбе, о родине и всём человечестве.

В ходе разговоров звучит вполне здравая мысль, что каждый человек — это, образно говоря, отдельно взятый вагон, а всё человечество — это поезд. И чтобы двигаться и развиваться, нужен локомотив, общая идея. Каждый в отдельности, без осознания своей принадлежности к целому, так и будет топтаться всю жизнь на одном месте, стоять на своей или, того хуже, чужой станции или ехать в чужом вагоне. И только поняв себя, объединившись, осознав и поставив общую задачу, можно дви-

гаться вперёд.

Но, пока люди говорили друг с другом, пытались наладить диалог, что-то придумать, произошло ещё кое-что. И тут по радиации сообщается, что авария устранена, и вагон трогается с места, все радуются, но на ближайшей остановке пассажиров вагона и зрителей ждёт неприятная правда о новой реальности...

Сама пьеса «Life-Life» читается замечательно, в ней ощущается литература, есть юмор и большое количество разнообразных персонажей из реальной жизни. Сюжет, люди, диалоги, мысли, ирония – всё это ещё долго не потеряет актуальности, поскольку отражает нашу современную жизнь.

Глеб Нагорный написал эту пьесу ещё в 2006 году. По его мнению, самое страшное в современной драматургии – конъюнктура. Поэтому в его пьесе нет известных нам популярных лиц. Зато есть совершенно обычные люди – сильные и слабые, местами похожие на нас с вами. В чём-то с каждым из них можно согласиться, а где-то и поспорить. Ведь и в жизни нет чёрного и белого, она вся состоит из полутонов. Пьеса соответствует современному обществу, и это, по мнению автора, должно обеспечить ей долгую жизнь. Кстати, пьеса уже поставлена в Русском драматическом театре Литвы, Ставропольском академическом театре драмы им. М. Ю. Лермонтова. Кроме того, готовится постановка в Мурманском областном драматическом театре, а теперь этот замечательный спектакль в постмодернистском стиле появился и в репертуаре тольяттинского Молодёжного драматического театра.

Думаю, практически любой зритель может увидеть в спектакле себя. Разнообразие характеров и ситуация, которая может произойти внезапно в жизни каждого из нас, а также отсутствие главного героя, придаёт спектаклю ощущение реальности происходящего. Здесь, как и в жизни, не зависимо от того лидер ты по природе своей или ведомый, есть моменты, когда каждый из нас играет ключевую роль. Этого, возможно, не хватает современной драматургии.

Несмотря на «голую» правду о жизни, которую стремится по-

казать нам автор пьесы и режиссёр-постановщик, в спектакле много весёлых моментов. А приятные эмоции после просмотра остаются, может быть, ещё и потому, что спектакль и в самом деле получился неконъюнктурный. На протяжении всего просмотра пребываешь в абсолютном неведении относительно концовки. Спектакль начинается с почти обычной детективной истории, а заканчивается оглушительным шоу, которое, если задуматься, и составляет нашу современную реальность.

Татьяна РУФЕЕВА

«Литературная Россия»,

№40 (2578), 5 октября 2012 г.;

«CityTraffic.ru», 19 сентября 2012 г.

ТОЛЬЯТТИ.

ЮБИЛЕЙНАЯ ТОЛЬЯТТИНСКАЯ ОСЕНЬ

14 сентября Молодежный Драматический Театр города Тольятти торжественно открывал свой юбилейный XX сезон. Весь город поздравлял юбиляра, праздник кипел и на площади возле театра и в самом здании, на всех этажах которого готовился торжественный вечер... С крыши пускали салют — словом, все, как полагается в такой знаменательный день...

История тольяттинского Молодежного Драматического Театра началась двадцать лет назад. Он был открыт в 1992 году, первоначально предназначался для детей и юношества и имел статус ТЮЗа. Организаторы предполагали с его помощью сделать для юных тольяттинцев свой особый островок нравственности и порядочности в том беспокойном мире, который нас окружал. С тех пор и поныне основу репертуара театра составляют лучшие произведения отечественной и мировой драматургии...

Интересы МДТ самые широкие: классика и авангард, история и современность, драма и детские спектакли. Экспериментаторство и поиск актуальной новой пьесы — в обязательной программе МДТ, учитывая молодежную ориентацию всей его жизни и деятельности.

Именно свежей, не известной в Тольятти пьесой «Life-Life» открывался новый сезон, и на торжественную премьеру был приглашен из Москвы сам автор, Глеб Нагорный. После Вильнюса и Ставрополя, в Тольятти состоялась уже третья постановка этой пьесы.

Интересно, что драматург предоставил постановщику Владимиру Хрущеву право абсолютно вольного обращения с его текстом: «Я не из тех авторов, которые бьются за каждую фразу. Есть такие графоманы, которые говорят: „Ни в коем разе не режьте меня, потому что это все очень важно, это лучшие фразы из текста“. Я даже не знаю на самом деле, что Владимир сократил. Если ему что-то нужно для дела — то ради бога, потому что по результату должен быть спектакль, а не пьеса для читки, как это сейчас очень модно в той же Москве. То есть — когда читки стали выдаваться за полноценные спектакли, и им дают уже Золотые Маски — что, на мой взгляд, является абсолютным беспределом. Поэтому — как Владимир Хрущев сделает, так оно и будет. Тут, конечно, приоритет за режиссером, а не за драматургом».

Автор вообще показал себя человеком веселым, симпатичным и открытым. На пресс-конференции по поводу своей премьеры был крайне остроумен и щедро делился впечатлениями о московской театральной жизни...

Его пьеса — современный городской трагифарс (одновременно и психологический триллер), в котором ощутимы мистические традиции Юрия Мамлеева. Пьесу можно было бы назвать «Затерянные под землей» — поскольку речь идет о вагоне метро, остановившемся в туннеле, где пассажиры в страхе и панике вынуждены были провести всю ночь.

Перед нами оказался некий ковчег современников — конечно же, с извечными русскими экзистенциальными разговорами, которые начинаются с мелочей и переходят к размышлениям о смысле жизни и к катарсису. Ведь в вагоне имели место и убийство, и момент «точки невозврата» героев, переступивших границы своего обыденного мышления, и авантурный фи-

нал.

Пьеса сама по себе очень литературна, изобилует подробнейшими ремарками и собственной, авторской «режиссурой характеров» с исчерпывающим описанием внешности и поведения каждого. Словом, бери и ставь все, как написано, пользуйся авторской щедростью! Но Владимир Хрущев решительно пошел своим путем: и, если пьеса развивалась с добротной подробностью, то режиссура внесла динамизм, которого в ней не было — чуть ли вполонину сократив текст и поставив действие на рельсы стремительного движения. Непрерывно «ломающееся» пространство, рассыпающиеся в стороны стены злополучного вагона создавали ритмы тревоги и страха. Сочетание иронии и жутковатой inferнальности довершали стиль злой притчи о мельчающем современном человеке, который с годами не становится лучше...

Ольга ИГНАТЮК

«Страстной бульвар, 10»,

№3–153/2012.

ЛАЙФ-ЛАЙФ

Пьеса в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Парень – лет 20–23, одет в рваные модные джинсы с пуговицами на задних карманах и в черную футболку. На ней – рисунок карты метрополитена г. Москвы. Кроссовки качественные, но не очень дорогие. Негламурный.

Девушка в мини – примерно того же возраста. Постоянно жует жвачку. Юбка-мини, чулки, высокие сапоги, топик, пупок с пирсингом, курточка. Всё яркое, кричащее и дорогое. Гламурная.

Мужик (Пётр) – 40–45 лет. Балагур и насмешник. Широкие штаны и летняя куртка, несвежая майка, китайские кроссовки. Всё дешёвое, по цвету – мрачное. С рынка.

Инженер в кепке (Игорь Сергеевич) – хорошо за 50. Интеллигент на нерве. Без харизмы. С амбициями. Из-под дерматиновой темной кепки, которую он то и дело снимает, выглядывают сальные волосы. На лице – скорбь, наложенная двумя высшими образованиями. Серый галстук, такого же цвета костюмчик, коричневые сандалии и светлые носки. Всё из универсама советских времен. Антигламурный.

Лайфист (Арнольд) – к 30. Тощий и манерный – с характерной латентностью. Косит под интеллигента, но не интеллигент. Без харизмы. Представитель компании, занимающейся проведением курсов психологических тренингов личностного роста «Лайф-Лайф». Костюм ни дорогой, ни дешёвый, классический – синий в светлую полоску. Галстук – нежных тонов. Туфли модные. Узкие.

Женщина с длинными ногтями (Алла Григорьевна Величина) – с хорошим возрастом. И с большой буквы. С харизмой. Хо-

леная. Умная. Практичная. В меру цинична. Платье. Обувь. Сумка. Всё самое лучшее... Ногти.

Мужчина с кейсом (*Андрей Викторович Белов*) — в возрасте, но еще «вполне». Полноват. Очки, часы, кейс. Внутри кейса — ноутбук. Костюм качественный — почти фирменный. Туфли дорогие. Не узкие.

Просто мужчина — просто мужчина. И просто костюм. Не без иронии и отличительных черт, но в толпе теряется. Без особых амбиций. Возраст неизвестен.

Лейтенант (*Филимонов*) — классический милиционер в штатском. Иронии мало, отличительных черт тоже. Внешне можно перепутать с **Просто мужчиной**, возраст тот же.

Баба с пакетами — гастарбайтерша без возраста. Что-то в районе 40–60. Из-за разновеликих сумок и пакетов непонятно, во что одета.

Пенсионер с кроссвордом — возраст «к закату». Молчун, очкарик. Дужка очков перевязана изолентой. Рубашка клетчатая, штаны коричневые, подтяжки. На ногах тапочки. В руках брошюра с кроссвордами и сканвордами.

Мальчик с железной дорогой (*Саша*) — не девочка. Пяти лет. Сандаletteки, майка с мультипликационными вагончиками, шортики, разбитые коленки. Коробка с игрушечной железной дорогой.

Мама — мама **Мальчика с железной дорогой**. В соку. Одета по моде.

Бомж — классика. В «трениках» и шубе. От 20 до 60.

Седой мужчина — категорически 55. Подтянут, ироничен. Себе на уме. В джинсовом костюме, благородных тонов водолазке и светлых мокасинах.

Группа «Метрополитен» — 10–15 человек разного пола и разных возрастов, тщетно пытающихся одеваться, как **Седой мужчина**. Они же **массовка** в начале пьесы.

Фойе театра.

На стенах фойе красуются рекламные щиты. Тут и там видны названия станций — м. «Чеховская», «Китай-город», «Петровско-Разумовская», «Кузьминки». Местами попадаются хулиганские надписи. Некоторые фрагменты представляют собой движущиеся вагоны метро. На одной из стен изображен эскалатор с круглыми стоящими лампами. По нему едут люди.

*У гардероба лежат **актеры**, переодетые в бомжей. На стульях в фойе устроились актрисы с челночными сумками. При входе в зрительный зал, как в метрополитене, стоят турникеты. Около них — билетерши в форме работников подземки. Программки раздаются, как флаеры и листовки-завлекаловки в переходах метро, бесплатно, но с надрывом: «Да возьмите же, наконец! Возьмите!»*

Зрительный зал.

На левой стене — огромные окно и двери вагона, с картой метрополитена между ними. На правой — рекламные плакаты и, в середине, внушительное сигнальное устройство для экстренной связи с машинистом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Раздается грохот движущегося поезда: «Тудум-тудум, тудум-тудум...» Шум постепенно затихает.

Сцена освещается – она выполнена в виде вагона метро. В левом верхнем (по отношению к зрителю) углу сцены висят электронные часы, которые показывают [23:45 00] [00:00]. Под обитыми дерматином скамьями вагона – металлические ящики.

*Во время звучания песни поезд останавливается – из вагона быстро выходят люди. Часть пассажиров остается на своих местах. Из динамиков раздается голос: «Уважаемые пассажиры! При выходе из последней двери последнего вагона будьте осторожны». В вагон входят **Девушка в мини, Парень и Баба с пакетами**. Парень и Девушка в мини встают по разные стороны около средних задних дверей. Парень прислоняется к ним спиной, Девушка в мини берет за поручень. Баба с пакетами оказывается около Парня и ставит свою поклажу на пол. Вагон трясется – поезд продолжает движение. «Тудум-тудум, тудум-тудум». Часы гаснут. Баба с пакетами, балансируя, роется в пакетах и сумках, что-то перекладывает, ищет. Наконец вытаскивает целлофановый мешочек, приподнимает и внимательно на него смотрит, шевеля при этом губами, – видимо, пересчитывает находящиеся в нем яйца. Рядом, на скамье, восседает **Мужик**. В руках у него почти пустая бутылка пива. Он делает несколько глотков и недовольно бросает бутылку на пол. Вздыхает. Озирается, словно ищет у присутствующих сочувствия. Напротив Мужика сидит человек, слишком для мужчины ухоженный – это **Лайфист**. Мужик смотрит на него и брезгливо морщится. Поворачивает голову влево (по отношению к зрителю вправо) и чуть нагибается. На своей скамье видит **Мужчину с кейсом, Женщину с длинными ногтями** и какого-то серого типа, читающего газету, – **Инженера в кепке**. На следующей устроились задумчивый **Пенсионер***

*с кроссвордом, который слюнявит карандаш, и **Мальчик с железной дорогой** в коробке. Рядом с мальчиком сидит его **Мама**. Из ее сумочки выглядывает бутылочка «Фанты». Вдалеке, в левом конце вагона, дремлет **Бомж**. В ногах у него баул, а на коленях – бутылка с «бормотухой», повернутая дном к пассажирам. Мужик смотрит вправо и видит в противоположном конце вагона **Просто мужчину** и, чуть поодаль, мужчину обычного, сидящего напротив Просто Мужчины. Он явно спит, поскольку голова у него запрокинута. Это **Лейтенант** в штатском. Мужик, естественно, об этом не знает.*

Время позднее, поэтому людей в вагоне немного.

Вдруг поезд резко тормозит. Пивная бутылка катится в конец вагона, в котором спит Лейтенант. Девушка в мини, держась за поручень, делает круговое движение, больше подходящее для танца с шестом в стрип-баре. Парень успевает широко расставить ноги, поэтому сохраняет равновесие. Остальные по инерции сильно дергаются в сторону движения, затем возвращаются в исходные положения. Лейтенант мотает головой, но не просыпается. Бомж недовольно ворчит во сне.

Баба с пакетами хватается за поручень. Раздается хруст скорлупы.

Парень. Да сколько можно! Второй раз за неделю!

Мужчина с кейсом. Кажется, опять застряли.

Женщина с длинными ногтями (как бы про себя). Зря я на метро поехала. Лучше бы такси взяла.

Инженер в кепке (без уверенности и куда-то вдаль). Может, еще поедем...

Баба с пакетами (в растерянности смотрит на мешочек, из него текут разбитые яйца). Ой, лышенько, шо теперь делать?!

Мужик. Это, мамаша, на сковородку неплохо б... Сальца порежешь с лучком, и сальмонеллой сверху...

Баба с пакетами. Та шо ж такэ?

Мужик. Чё, не видишь, приехали?

Баба с пакетами. Та мне ще три станции ехать!

Мужик. Опусти ты свою смятку на пол... растеклась. Говорю тебе, приехали. Ща захват поезда начнется, порежут нас всех — на шварки... *(Гогочет.)*

Баба с пакетами. Ах ты ж! Ах ты ж! *(Продолжает держать мешочек, не зная, что с ним делать. Переступает с ноги на ногу и задевает Парня.)*

Парень *(нервно).* Бабка! Да убери ты от меня барахло свое в конце-то концов! *(Показывает на футболку, внизу которой разползается мокрое пятно.)* Испачкала же!

Баба с пакетами. Ой, хлопчик...

В этот момент раздается голос из динамика:

«Уважаемые пассажиры! Пожалуйста, соблюдайте спокойствие и оставайтесь на своих местах. Поезд скоро отправится».

Баба с пакетами сворачивает мешочек, прячет в одну из многочисленных сумок, роется в ней и, наконец, достает — по виду ресторанную — клетчатую салфетку. Вытирает ею руки и протягивает Парню. Тот промокает низ футболки и возвращает Бабе с пакетами. Та подхватывает свой скарб и плюхается около слишком ухоженного человека — Лайфиста. Ему она неприятна, мужчина пытается отодвинуться, но некуда: с другой стороны поручень. Девушка в мини оценивающе рассматривает «прикид» Парня.

Девушка в мини *(Парню, свысока).* Не «Дольче»...

Парень *(окидывая Девушку в мини хмурым взглядом).* Сама давно от сохи?

Девушка в мини *(перекатывая жвачку во рту, отчего видно, как искривляются ее ярко накрашенные губы).* Че-е-его-о-о?

Парень. Хватит пялиться, я не витрина.

Девушка в мини. Ка-азел!

Парень. Выдра щипаная.

Мужчина с кейсом *(достает мобильный телефон, пытается позвонить).* Нельзя ли потише? *(Смотрит на дисплей.)* Связи нет.

Совсем.

Мужик. Куда тише-то, считай, в могиле все... В братской. Ща черви шахидские приползут.

Мужчина с кейсом (*поворачиваясь к Мужику*). Перестаньте народ пугать. Тут женщины, дети...

Мужик. А чё нас пугать?.. То лагеря, то дефолты, то чучмеки разные... с поясочками... Нам теперь в пасть дьяволу попади – так он, поди, поперхнется... Так мы закалились.

Лайфист (*прокашливаясь, словно пробуя голосовые связки на ощупь*). В вас, уважаемый, очень много негатива. Знаете, я мог бы порекомендовать вам замечательные курсы оздоровления сознания.

Мужик (*набычившись*). В морду хошь?

Лайфист. Я серьезно. (*Достает из внутреннего кармана пиджака визитницу, из нее – карточку. Протягивает Мужику*). Возьмите. Тут адрес и схема проезда. Для вас, с этой карточкой, – пятипроцентная скидка.

Мужик (*вертит карточку в руках, читает*). «Лайф-Лайф». Чё за гавкотня такая?

Парень. Это «Жизнь-Жизнь» по-английски.

Мужик. А чё, одной мало?

Лайфист. Это тренинги такие специальные...

Мужик. Типа «Адидас»?

Лайфист. Это для головы.

Мужик. «Треники» для головы? А штанины на уши надеваются?

Парень (*усмехаясь*). На уши, на уши.

Лайфист (*не реагируя на Парня*). Это психологические тренинги. Для позитивного восприятия мира и достижения поставленных целей.

Парень. И стоят, как десять «Адидасов».

Лайфист. Деньги – не главное. Их всегда можно занять.

Парень. И бегать потом, бегать... От кредиторов. В «трениках» с пузырями на коленях.

Инженер в кепке на миг отрывается от газеты, смотрит на Парня, одобрительно кивает и снова углубляется в чтение.

Мужик. Пацан, не бузи. Дай чела послушать. А то ща как шахиды эти...

Лайфист (*поднимается*). Вот с чего вы взяли... вас, кстати, как зовут?

Мужик. Пётр.

Лайфист (*протягивает руку и манерно представляется*). Арнольд.

Мужик (*руку игнорирует и спрашивает с подозрением*). Чё за имя такое «голубиное»?

Лайфист (*озабоченно рассматривает зависшую ладонь, наконец прячет ее в карман и пожимает плечами*). Имя как имя.

Парень. У меня так попугая в детстве звали. Сдох.

Мужик (*хмыкает*). Какое у тебя детство тяжелое было...

Парень. А тритона – Арчибальдом. Тоже ласты склеил. Оказалось, плавать не умел. Топором на дно аквариума – фига-ась!

Лайфист. Вы знаете, мне кажется, вам бы тоже про «Лайф-Лайф» все-таки послушать не мешало.

Парень. Ага, чтоб самому коньки отбросить.

Лайфист. Очень много негатива. Очень.

Мужик. Ладно, Арноша, давай, валяй свой «Гав-гав». А то ща эти с детонаторами ворвутся... «Всэм лэжать! Нэ двыгаться!»

Мужчина с кейсом. Перестаньте травмировать людей!

Лайфист. И откуда в вас это?

Мужик. Чего откуда?

Лайфист. Негатив.

Мужик. Так Москва ж... туды ее растуды. Столица – мать наша... Златоглавая... Ты калякать-то будешь?

Лайфист (*прибодрившись*). Психологический тренинг «Лайф-Лайф» пришел к нам из Америки...

Парень. Кто б сомневался...

Девушка в мини. Клёво!

Баба с пакетами. А шо, в нас своево нэма?

Просто мужчина (*направляясь к сидящим из конца вагона*).
Вначале страну профукали, теперь мозги.

Лайфист. Я смотрю, вам тоже интересно. Присаживайтесь.

Просто мужчина садится около Бабы с пакетами.

Лайфист (*совсем бодро*). Так вот, «Лайф-Лайф» – это психологический тренинг, направленный на межличностное общение. Что же мы все с вами понимаем под таким простым, но одновременно сложным, а стало быть, универсальным термином, как «межличностное общение»?

Проговаривая это, Лайфист заглядывает каждому в глаза.

Баба с пакетами. Шо?

Лайфист (*бодро-бодро*). А понимаем мы под ним общение индивидуума с окружающим миром, то есть взаимодействие человека в семье, в кругу друзей, в команде единомышленников. Иными словами, под «межличностным общением» мы понимаем эффективность в партнерстве. С клиентом.

Парень (*подмигивая Девнице в мини*). Слышала? С клиентом...

Девница в мини. Ка-азел!

Лайфист (*не снижая темпа*). Большое внимание в тренинге уделяется повышению личностной самооценки, обретению своего «я» и нахождению контакта с ним, выявлению истинных целей и приоритетов в жизни великого создания, именуемого Человеком! Более того, основной курс тренинга дает возможность начать осваивать полный спектр жизненного, творческого и духовного потенциала, который скрыт в вас, словно бутон цветка, но который, на последующих курсах, обязательно расцветет великолепным лотосом счастья и благополучия, если вы пройдете полный, повторяю, полный курс наших психологических тренингов. Поверьте мне – это ноу-хау!

Парень. Вот если его сейчас не выключить, он вещать будет, пока в нем батарейки не сядут.

Мужик. Да ладно те, душевно впаривает. Ни хрена непонятно, но — красиво...

Просто мужчина (*массируя виски*). У меня даже голова разболелась.

Девушка в мини. Супер! А можно мне карточку?

Лайфист. Конечно. С пятипроцентной скидкой. Обязательно приходите!

Парень. «Мы вас прозомбируем...»

Женщина с длинными ногтями (*мелодично смеясь*). Мунисты были, сайентологи были, теперь еще и лайфисты объявились. Это и правда очередное ноу-хау по выкачиванию денег... А ведь есть совсем другие методики — куда более действенные и прогрессивные...

Лайфист (*не обращая внимания на последние реплики и подняв палец*). Но это еще не всё!

Парень. Да?! Кранты нам теперь, если из метро вылезем, то всё одно — путь в Кашенко обеспечен...

Лайфист. Зря вы так, молодой человек. Вот приходите к нам — тогда всё своими глазами и увидите... Какими люди счастливыми могут быть...

Парень. Ага, увидел один уже... Приятель мой...

Девушка в мини (*зло*). Тоже попугай?

Парень. Почему попугай? Нормальный парень был. В школе вместе учились... А потом бац, и в секту... С концами... Только мы его и видели — в простыне да с пятками голыми по Арбату ходит, в бубен бьет...

Лайфист (*срываясь на лай*). «Лайф-Лайф» не секта!

Мужик. Ага, питомник для болонок...

В этот момент раздается голос из динамика:

«Уважаемые пассажиры! Отправление поезда по техническим причинам задерживается. Убедительная просьба оставаться на своих местах и сохранять спокойствие. На линии произошла авария».

Просто мужчина. Ё-о-о! Когда же этот беспредел закончится?!
Парень. Попадаलोво!

Все достают мобильные телефоны и пытаются прозвониться. Баба с пакетами ныряет в сумки в поисках своего чудо-аппарата. Наконец, достает нечто невообразимое – размером в половину человеческой руки. Тычет в кнопки. Безумно орет: «Алле-е! Алле-е!» Девица в мини, вооружившись ярким телефоном, выдавливает из себя: «А-алло-оу! А-алло-оу!» Парень, быстро поняв, что всё безрезультатно, просто забавляется мобильником – пальцы его семят по кнопкам. Видимо, он играет в «закачанную» в телефон игру.

Мужчина с кейсом (*растерянно вертит в руках мобильный*). У меня же завтра сделка! Что же делать? Черт! (*Распаляясь*) Черт! Черт побери этот город с его городничими!

Женщина с длинными ногтями (*спокойно достает свой мобильный из сумочки, мельком смотрит на него и тут же кладет на место*). Ну... Этот город уже давно не в компетенции городничих...

Мужчина с кейсом. Да все они... Кого не спросишь... «Это не в моей компетенции...» Только дачи строят...

Женщина с длинными ногтями (*иронично*). Дачи – это к премьерам... Которые пасьянсы из земельных участков раскладывают...

Мужчина с кейсом (*взрываясь*). Да какая разница, женщина! Все они одинаковы – энергетики эти, нефтяники, газовики... А у меня нормальная сделка, в отличие от них! Че-ло-ве-че-ская! Простите меня... Не выдержал... Понимаете, наша компания теплоизоляцию поставить должна. Я строительством занимаюсь... И всё «в белую»...

Женщина с длинными ногтями (*удивленно*). Строительством? «В белую»?

Мужчина с кейсом. Представьте себе.

Женщина с длинными ногтями. Это, конечно, довольно

странно, но, как минимум, заслуживает уважения. В наше-то время... *(Пауза.)* Дайте я вам руку пожму. Признаться, первый раз такого человека вижу... *(Пожимает руку. Запрокидывает голову – думает, что-то прикидывает.)* Теплоизоляция, говорите? А утеплитель на кровлю у вас есть?

Мужчина с кейсом. Обижаете.

Женщина с длинными ногтями. Это очень интересно. А вы знаете, у меня есть деловое предложение. У нас с мужем одно из направлений деятельности связано со строительством, так-то мы вообще в фармацевтическом бизнесе, но если у вас есть утеплитель, кубов шесть-восемь, мы бы взяли. Я еще точно не знаю, сколько понадобится. Сметы окончательной нет.

Мужчина с кейсом *(вяло).* Шесть-восемь – это мало...

Женщина с длинными ногтями. Я имела в виду шесть-восемь тысяч... Мы недавно с друзьями развлекательный центр решили открыть.

Мужчина с кейсом *(нервно дергает головой, точно отказывается поверить в услышанное).* С этими? *(Показывает вверх пальцем – на потолок вагона.)*

Женщина с длинными ногтями *(кивая головой в сторону).* Нет, с теми... Ну, помните, там еще рынок взорвали у станции... Как же ее?.. Хорошее место оказалось, и друзьям очень дешево предложили. Мы согласились, естественно.

Мужчина с кейсом *(с восхищением).* Конечно, конечно... я вам прайс-лист вышлю...

Женщина с длинными ногтями. Высылайте. Думаю, договоримся... *(Достает из сумочки визитку.)* Вот вам мои координаты. Единственное... *(Пауза.)* Мы по безналу только часть можем... Надеюсь, войдете в наше положение?.. *(Подмигивает.)*

Мужчина с кейсом. Для вас – без проблем. *(С благоговением рассматривает визитку, поправляет очки, читает вслух.)* «Общество с ограниченной ответственностью „Совтранстелефарма“. Алла Григорьевна Величина. Консультант». *(Очарованно смотрит на Женщину с длинными ногтями.)* Понимаю, понимаю... Величина! *(Открывает кейс, прячет визитку, вынимает ламинирован-*

ную карточку, протягивает ее Женщине с длинными ногтями.) Белов Андрей Викторович... Там не смотрите, это так... Главное, телефоны и е-мэйл.

Женщина с длинными ногтями (*бросив беглый взгляд на карточку, кладет ее в сумочку.*) Спасибо. Только я – Величина. Знаете, в визитке же не будешь ударение ставить.

Мужчина с кейсом. Да, да... Скромно так...

Мужик (*убирает мобильный в карман куртки и хлопает себя ладонями по коленям.*) Ну, всё ясно! Откапывать нас будут только завтра!

Лайфист. У вас установка неправильная. А вот по системе «Лайф-Лайф» тренинг личностного роста напрямую связан с позитивным мышлением. Приходите, Пётр, не пожалеете. Мы настроим вас на правильную волну, которая вынесет ваш корабль в океан тепла и взаимопонимания, откроет вам новые горизонты возможного, раскроет ваш самобытный потенциал. И это только основной курс... а есть еще и продвинутый!

Парень (*не поднимая головы от телефона, продолжает играть*). Для особо тупых пользователей.

Лайфист (*прохаживаясь по вагону взад-вперед*). Как же вы не правы, молодой человек! Как не правы! Продвинутый курс даёт возможность пересмотреть свою жизнь и справиться с тем, что не позволяет индивидууму жить целостно и гармонично; помогает освободиться от ограничений, накладываемых на него его прошлым и, по большей части, деструктивным опытом. «Лайф-Лайф» – это возможность создать себя заново, с чистого листа, так, чтобы былые неудачи, обиды и низкая самооценка уже не могли повлиять в будущем на успешное достижение целей.

Девушка в мини (*надувает огромный жвачный пузырь и взрывает его*). Суперски!

Лайфист (*от неожиданности подпрыгивает, поворачивается к Девушке в мини и оценивающе смотрит на нее*). Девушка, это еще не суперски! Вот лидерский курс – это да, это суперски! Он позволит вам закрепить знания, полученные на предыдущих

курсах. Вы сможете поднять на небывалую высоту свою самооценку, стать желанным игроком в любой команде, значительно повысить стоимость своего труда и, как следствие, увеличить свой доход и ускорить карьерный рост.

Парень (*засовывая телефон в карман джинсов*). Про карьерный рост, это ей неинтересно. Вот про желанного игрока в любой команде и повышение стоимости труда – тут поподробней.

Лайфист. Карьерный рост – это не главное... Вы все сможете добиться вообще любых своих целей и выполнить личностную миссию в социуме, которую укажут вам консультанты «Лайф-Лайф»!

Парень. У нас одна миссия – из вагона метро выйти. Не научите?

Просто мужчина. Бредятина какая-то...

Лайфист не отвечает на вопрос, принимается суетливо раздавать карточки всем присутствующим в вагоне. Подходит да же к спящему Лейтенанту и аккуратно засовывает ему в нагрудный карман пиджака одну из них. Возвращается к остальным. Бомжа игнорирует.

Лайфист. Пять процентов скидка, пять процентов! Тренинги личностного роста и персональной эффективности, корпоративные тренинги и тренинги для акционеров, индивидуальная тренировка или VIP-коучинг, тренинги для молодежи и родителей, тренинги и семинары духовного роста... Возьмите же... У вас есть? Не хотите брать?.. Жаль... Пятипроцентная акция скоро заканчивается... Берите, я серьезно... У нас после основного курса – уникальная система скидок...

Парень (*кивая на Мальчика с железной дорогой*). Пацану не забудьте дать. Вырастет. Придет.

Лайфист (*не почувствовав иронию*). Я уже его маме дал. Вы же мама, да? Вот с папой и приходите. Всей семьей приходите. С родственниками. Это и сыну вашему будет полезно. Пусть только подрастет...

Парень. А то материал еще сырой... Лепить не из чего...

Лайфист (*воодушевленно, не реагируя на Парня и картинно раскидывая руки*). ...Это же как шкатулка со сказками...

Женщина с длинными ногтями. Только оттуда почему-то чертики выскакивают.

Лайфист. Женщина, женщина, что вы понимаете...

Женщина с длинными ногтями (*с красивой усмешкой*). Да уж побольше вашего... Ар-нольд...

Просто мужчина (*Лайфисту*). А не хило вы вообще зашибаете, если так подсчитать...

Мужик. Так, я не понял... а сколько твой «Гав-гав» стоит?

Лайфист. Для вас всех, всех (*обводит присутствующих нежным взглядом*) – первая лекция вообще бесплатно... Вы же для меня теперь как родные...

Парень. Ага. В семье не без уroda.

Инженер в кепке (*молча складывает газету, кладет рядом с собой, медленно поднимается и вдруг выкрикивает*). Всё это профанация! И вы, Альберт, это прекрасно знаете!

Лайфист (*в растерянности*). Арнольд.

Инженер в кепке. Всё равно!

Мужик (*радостно*). По-«голубиному»!

Мужчина с кейсом. Пётр, хватит. Здесь все-таки приличные люди.

Мужик. Он приличный? (*Показывает на Лайфиста*.) Да ладно те...

Инженер в кепке. Так вот, Арнольд. Всё, что вы все... нам тут всем... на протяжении уже лет пятнадцати на уши вешаете – всё это просто ужасно! Это кошмар просто какой-то! Эти тренинги. От чего эти тренинги, я вас спрашиваю? От правды? От реальности? От метро вот от этого? От пробок сплошных? От него вот?

Инженер в кепке, не разворачиваясь, указывает на Бомжа, похрапывающего в конце вагона. На коленях у того бутылка «бор-мотухи», которую он даже во сне держит аккуратно, словно дорогую технику.

Инженер в кепке (*подходит к Лайфисту, упирает палец ему в грудь*). Вот такие, как вы... всех нас в метро и спустили... как в отстойник... нам ни вздохнуть, ни выдохнуть... Вы скажите, скажите всем, сколько ваше мозго... не при женщинах... мозготерство стоит? Скажите... А методы, вами используемые? А НЛП? А гипноз? Вот вы — знаете, как это всё работает? Знаете, конечно... как же вам не знать... Но и я знаю! Мы все — знаем. Вначале нам помогают разобраться со своими проблемами, дают установки, работают с нами, по головушке поглаживают... Мы, дурни, смотрим — а сработало! Правда, помогло! И с женой как-то... и так... Позитив появился... На второй уровень переходим... Пла-тим, естественно... якобы со скидочкой, но в двойном размере... И тоже всё по делу... всё срабатывает... добиваемся намеченных целей... Тут уж не за горами и третий уровень — лидерский... И вот, если мы на первом уровне воспринимаем все ваши трели как правду, а на втором — почитаем за истину, то лидерский — мы уже само собой принимаем за слово Божье... Только дело в том, что на третьем уровне нам цели-то и подменяют. А мы так устроены, что два раза поверив, на третий — верим безоговорочно. И нет уже ни машины, ни квартиры. Цели подменены. Были в тренингах, стали — в «трениках»... (*Указывает на Бомжа, затем кивает в сторону Парня*.) Прав был молодой человек.

Лайфист. Как-то вы так... как-то... И у нас не уровни — курсы.

Женщина с длинными ногтями. Не вижу принципиальной разницы.

Мужик (*Лайфисту*). Чё скажешь в свое оправдание? Дури-те нас?

Лайфист (*опустив глаза и суетясь*). Мы, мы...

Мужик (*встает и берет его за грудки*). Ты не «мыкай»... Дуришь, спрашиваю? Бесплан нам в башке устроить хочешь? Ну-ка, давай мысли быстро! И позитива побольше.

Лайфист. Я вообще-то только недавно этим...

Мужчина с кейсом. Вот! Я же говорил! (*Поворачиваясь к Женщине с длинными ногтями, точно ища поддержки*.) Они все так... недавно... консультанты только... Извините. (*Отводит взгляд*

в сторону.)

Женщина с длинными ногтями. Да всё правильно вы, Андрей Викторович, говорите. Всё правильно, к сожалению.

Баба с пакетами. А я спытаты хотела: шо це такэ — Эн-Лэ-Пи? Эн-Лэ-О знаю...

Парень. Это, бабка, нейролингвистическое программирование. С тобой говорят, говорят, улыбаются, в глаза заглядывают, а потом ты под поезд вдруг бросаешься. Каренина в метрополитене...

Баба с пакетами (*хлопая глазищами*). Ой...

Девушка в мини. То есть я правильно секу, что этот ваш «Лайф-Лайф» — полный отстой?

Парень (*усмехаясь*). Естественно!

Мужик. Кидалово это всё!

Инженер в кепке. Нет, мужчина, это не кидалово! Это больше, чем кидалово! За всем этим ва-а-жные люди стоят! Они, если хотите, лидерским уровнем заправляют. Они и по телемосту на весь мир вещают, и интервью направо-налево раздают... А мы их всё ищем, ищем... Будто это фантомы какие-то, призраки... Поймите, это выгодно — быть призраком!

Мужик (*отпуская Лайфиста и обращаясь к Инженеру в кепке*). А как это с тренингами связано, чё-то я в толк не возьму?

Инженер в кепке. Так потому что всё это одно — дурилово!

Парень. У вас как-то, того... ассоциативный ряд слегка нарушен.

Инженер в кепке (*набирает обороты*). Он не у меня нарушен, он у вас у всех перевернут. Мы вот тут в метро сидим, а там наши дети наверху гибнут, между прочим... Вот за что они гибнут? За какую такую страну?! Нет же страны! Разворовали всю! Руины кругом! Но нет, всё кичимся, всё цивилизованных из себя корчим, вместо того чтоб поднять самолеты да и сровнять кого надо с землей. (*Режет рукой воздух.*) Но нет, не по-европейски это... По-европейски — это с умным видом на вопросы телезрителей отвечать, а потом руками разводите. Да, мол, слажали, слажали... исправим... будем теперь рождаемость в стране по-

вышать.

Лайфист. Эта ваша позиция... Много негатива.

Инженер в кепке (*взорвавшись*). Я вам покажу позитив сейчас! Вы сами-то верите в то, что делаете?! Какой может быть позитив, когда я с двумя высшими образованиями, инженерным и философским, должен за десять тысяч на заводе корячиться!

Мужик. Это ты еще хорошо устроился...

Просто мужчина. Не надо было философский заканчивать.

Парень (*имитируя голос Лайфиста*). А вы к нам приходите на «Лайф-Лайф», вместе погавкаем...

Инженер в кепке (*не реагируя на реплики*). Вы вообще понимаете, хоть на минутку отдаете себе отчет, до чего мы страну довели?

Парень. Нормальный такой «приход»...

Инженер в кепке. Это не приход — это коллапс! Страна лайфистов! Всё хорошо, всё очень хорошо, сейчас деньги ваши станут нашими, и всем от этого станет еще лучше... Что хорошего? Я вас спрашиваю!

Девушка в мини. Вы, блин, злой какой-то. Завидно, да? Десять штук — я, блин, столько за вечер трачу.

Инженер в кепке. Это потому что сучка... Извините, женщины.

Инженер в кепке замолкает, падает на свое место, срывает кепку, нервно теревит в руках и качает головой из стороны в сторону. Затем поднимается, прохаживается по вагону. Останавливается около сигнального устройства экстренной связи с машинистом, смотрит вверх него — на рекламу. Из пиджака достает блокнотик, записывает.

Мужик. Чё ты там пишешь?

Инженер в кепке (*совершенно спокойно, будто и не распаялся*). Тут работу предлагают. (*Читает вслух.*) «Служба электроснабжения метрополитена приглашает...»

Мужик. Кого?

Инженер в кепке (*читает дальше*). «...электромонтеров тяго-

вых подстанций... Третьего-пятого разрядов... Интересная работа, стабильная заработная плата, премиальные...»

Мужик. Не. Я — пас.

Просто мужчина (*Инженеру в кепке*). Вы ж философ, кажется?

Женщина с длинными ногтями. Для нашего метро это норма.

Инженер в кепке (*высокомерно*). Не забывайте, у меня два образования.

Просто мужчина. Толку-то.

Инженер в кепке не удостоивает его ответом и углубляется в чтение.

Парень (*посмеиваясь, смотрит на Лайфиста, затем обращается к Инженеру в кепке*). А коучеры для пассажиров там не требуются? Так, чтоб каждому пассажиру — по коучеру?

Инженер в кепке (*разворачиваясь*). Нет — кучера не требуются. Тут только эти... ну... надзиратели для торгашей. Идите сами смотрите.

Парень (*подходит к Инженеру в кепке, читает*). Торговая компания набирает супервайзеров для промоутеров. Оплата высокая... (*Посмеиваясь, отходит, чешет затылок*.) Да, ну мы даем, конечно...

Останавливается около Девуцы в мини. Инженер в кепке прячет блокнотик, возвращается на место и застывает памятником с «двумя образованиями» — кепкой на голове и газетой в руках.

Парень (*к Девуце в мини, ухмыляясь*). Что ж ты на метро ездишь, если десять тысяч в день просаживаешь?

Инженер в кепке отмирает, прислушивается.

Девуца в мини. Тачка заглохла.

Парень. А такси?

Девушка в мини. А чё-то в лом было...

Парень. Ясный пень. Небось у метро хачи какие-нибудь выкинули.

Инженер в кепке выпрямляет спину.

Девушка в мини. Я? С хачами?!

Парень. Ну, за деньги, небось, всё равно с кем.

Девушка в мини. Ты ваще лузер! На свой прикид глянь.

Парень. Да уж, не «Дольче» твое гребаное... *(Пританцовывает и кривляется, пародируя девушку из рекламы мороженого.)*
Вау! Вау! Вау! Вау!

Девушка в мини. Иди-ио-от!

Наконец Инженер в кепке отбрасывает газету, вскакивает, вытягивается и принимается трясти головным убором в сторону Девушки в мини.

Инженер в кепке. Нет, это какая-то страна бреда! Бреда и брендов! Вот вы мне, девушка, можете объяснить, чем ваше облачение от одежды, ну не знаю, вот кого-нибудь из нас отличается? *(Указывает кепкой на остальных, приглаживает другой рукой нечистые волосы.)*

Девушка в мини. Не «Дольче».

Инженер в кепке. У вас что, швы не на тех местах? Пуговицы как-то иначе пришиты? Что не так?

Девушка в мини. Всё. Не гламур.

Инженер в кепке. Поймите, девушка, платье и обувь должны тело закрывать, а вы этим «Дольче» себе мозги компостируете... Вы — зомби.

Девушка в мини. Сам ты — зомби! Лох в кепке!

Парень. А он дело говорит, между прочим. Вот ты мне можешь объяснить, что в твоём «Дольче» особенного?

Девушка в мини. А так не знаешь! Не каждому... вот... потому что... *(Интенсивно жует.)*

Парень. Почему же «потому что»?

Девушка в мини. Потому что — вот...

Парень. Что?

Девушка в мини. Не каждому...

Мужик. Это вы на каком языке сейчас чирикали?

Парень. Это мы, Петь, в пинг-понг играем — всё равно стоим... Так хоть размяться.

Инженер в кепке. Именно, именно! Размяться! Всю жизнь только и делаем, что разминаемся, а как до дела доходит, мы сразу занедуживаем! Потому что шарики-мячики сплошные в голове!

Парень. Что-то вы передергиваете сильно...

Лайфист. Негатива много. Вот на «Лайф-Лайф»...

Просто мужчина. Да заткнитесь вы все! Давайте лучше решать, как выбираться отсюда. Уж минут двадцать стоим... Надо с машинистом связаться. *(Обращается к Лайфисту.)* Нажмите на кнопку, пожалуйста. Вон она, рядом с вами.

Мужик. Не нажимай. Взлетим. Это они специально так сделали, вмонтировали в блок связи мину, знают же, гады, что мы первым делом на кнопку захотим нажать.

Лайфист *(подняв руку и поворачиваясь к Просто мужчине).* Нажимать?

Просто мужчина. Конечно, нажимайте. Что вы его слушаете.

Лайфист. А если он прав?

Парень *(ухмыляясь).* Вот и проверим. *(Подмигивает Мужичу.)* Да, Петь? Вжих, и на кусочки...

Женщина с длинными ногтями. Вы, юноша, не по годам циничны. Мужчина, нажимайте же скорей.

Лайфист. Может, вы... что-то я... признаться... а вдруг он прав... вдруг...

Мужик *(смеясь).* Чё?... Задрейфил? Да, пошутил я, нажимай.

Лайфист. Нет, знаете, давайте вы. Если что, то вы и отвечать будете. А вдруг на самом деле...

Парень. Если вдруг, то уже никто ни за что отвечать не будет. Нажимайте, что вы, будто в своем «Лайф-Лайфе», отключились...

Лайфист. Сами идите и нажимайте, в конце концов!

Просто мужчина. Да что вы как маленький, в самом деле. На кнопку нажать сложно? Берете указательный палец...

Парень ...направляете в сторону кнопки...

Женщина с длинными ногтями. ...нажимаете...

Мужик (*широко раскинув руки*). ...Ба-бах!

Лайфист (*отскакивая в сторону*). Ну уж нет. Вас вон сколько, а я один.

Парень. Вообще-то тут и одного достаточно будет.

Мужик. Чтоб взорваться...

Лайфист молча отходит в сторону, садится, что-то бубнит себе под нос, закрывает глаза и, откидываясь на спинку скамьи, затихает.

Мужик. Так, один готов. Сапер номер два... Кто следующий?

Никто не двигается.

Мальчик с железной дорогой. Мама, я боюсь.

Мама. Не бойся, солнце, дяди шутят... Скоро поедем... Там сломалось что-то...

Мальчик с железной дорогой (*успокаиваясь*). Мама, а когда починят?

Мама. Скоро, сынок, скоро...

Мальчик с железной дорогой. А мы не взорвемся?

Мама. Нет, конечно...

Пауза.

Парень. Что за ерунда... Давайте я нажму. (*Направляется к сигнальному устройству экстренной связи с машинистом.*)

Мужик. Если увидишь зеленый и красный проводки – рви зеленый.

Парень резко останавливается. Топчется.

Мужик (*ухмыляясь*). Ну, чего? Жми...

Парень. Тут три.

Все. Что три?!

Парень. Проводка три.

Мужик. Да ну? Кончай лапшу на уши вешать!

Парень (*зло*). Не верите, идите и посмотрите.

Отходит от кнопки. Все срываются со своих мест. Смотрят на сигнальное устройство.

Мужик (*почесывает затылок*). Да, дела... Слышь, инженер... Глянь, это по твоей части больше.

Баба с пакетами (*голося*). Мы загынемо уси, да?! Загынемо?!

Мальчик с железной дорогой (*начинает всхлипывать*). Мама! Мама!

Мама. Сынок... не бойся...

Инженер в кепке. Да это проводка просто вылезла.

Мужик. Ну, так нажимай тогда.

Инженер в кепке (*показывает в сторону сигнального устройства*). Да мне и сказать-то туда нечего вроде... Я, собственно, не спешу.

Мужчина с кейсом. Дайте я нажму. Никакого толка от вас. А у меня завтра сделка важная... поспать хоть чуть-чуть...

Все расступаются. Мужчина с кейсом подходит к сигнальному устройству. Всматривается. Делает бессмысленные шаги вперед-назад.

Мужчина с кейсом. Странные проводки все-таки... И кнопка блестит как-то... подозрительно, что ли...

Мужик. Кончай болтать. Нажимай. Она затерта просто. У нас же все, кому не лень, нажать норовят.

Мужчина с кейсом. А почему я?

Мужик. Ну ты же спешишь. Так ведь?

Мужчина с кейсом. Нет, ну, я спешу, конечно, но не так чтоб... Да и проводки... *(Проходит на свое место, садится.)*
Странно всё это как-то... странно...

Мама. Да нажмите же кто-нибудь на кнопку, наконец! Сколько можно? У меня ребенок плачет.

Мужик. Да, ситуация...

Просто мужчина. Шутить надо было больше...

Мужик. А я чё, знал, что так получится?

Просто мужчина. Вот и нажимайте теперь.

Мужик *(показывает кукиш).* На-ка, выкуси! Тебе надо, ты и нажимай.

Просто мужчина. Это вопрос принципа, понимаете – принципа. Вы это всё завертели – теперь и нажимайте.

Мальчик с железной дорогой. Мама, мама, я писать хочу!

Мама. Нажмите вы эту кнопку дурацкую, сколько можно ждать! У меня ребенок!

Мужик. Ну так вперед!

Мама. Я – женщина!

Мужик. И чё? Нажать нечем?

Мама встает, идет к кнопке.

Мужик. Хочешь сына лишиться? Валяй – дело твое... Детоубийца...

Мама *(останавливаясь и обращаясь к Инженеру в кепке).* Вы уверены, что это просто проводка?

Инженер в кепке *(отводя глаза).* Ну как вам сказать...

Мама. Вы не юлите! Это проводка, или там все-таки бомба?

Инженер в кепке. Откуда мне знать, в конце концов? Я, что ли, собирал?!

Мама. То есть вы не знаете, что там?

Инженер в кепке. Да нет, конечно. Откуда бы мне.

Мама. Бомба, значит. *(Садится на место.)*

Мальчик с железной дорогой. Мама, в туалет...

Мама (*закрывая голову руками*). Терпи... Будь мужчиной... Боже, что же это делается...

Парень (*с издевкой*). Будь мужчиной, малыш. Вырастешь – поможешь нам на кнопку нажать.

Просто мужчина. Подождите, давайте мыслить здраво. Попробуемся хотя бы... Ведь если бы нас хотели уничтожить, то, думаю, это уже давно бы сделали. Это во-первых... Ну, а во-вторых, вы же сами слышали, что это авария на линии, ведь не в первый раз... так почему...

Баба с пакетами. Это они хитрые... Я знаю, *д*онька моя замуж *в*ыходыла, а *в*ин *у*зяв та с Нэлькой *з*акрутив *о*дразу ж *п*осля *с*вадьбы, *з*лыдэнь.

Просто мужчина. Женщина, подождите... при чем тут...

Баба с пакетами. А ты не перебивай, дослухай. Он же ж и прописался у ней, у *д*оньки моей, и «Жигули» мы им подарува-лы, а сервизов, сервизов *с*кільки...

Просто мужчина. И?..

Парень. Не поддавайтесь на провокацию. Она вас заговорит сейчас.

Баба с пакетами. *З*араз ни «Жигулей», ни сервизов *н*эма, а *д*онька у нас *ж*ивэ.

Просто мужчина. Так это он из-за сервизов?

Баба с пакетами. Туфик *в*ин, шо тут ще *к*азаты...

Девушка в мини (*Парню*). Твоему попугаю прокатило б...

Парень. Иди ты...

Просто мужчина (*опомнившись*). Женщина, вы к чему это всё ведете?

Баба с пакетами. Та хитрые они *д*уже... И нас *з*араз тэж, да? (*Обращается к Мужу*)

Мужик. Да, да...

Просто мужчина. Вы меня слушаете вообще все – или нет? Вы поняли, что я сказал?

Инженер в кепке. Конечно... В-третьих, там на самом деле бомба оказаться может.

Просто мужчина. Да это идиотизм просто какой-то! Взрос-

лые же люди вроде!

Просто мужчина вскакивает и подбегает к кнопке. На него тут же наваливаются остальные. Увлекают за собой Пенсионера с кроссвордом. На своих местах остаются только спящий Лейтенант, Мама и Мальчик с железной дорогой, а также Женщина с длинными ногтями. В своем углу на скамье валяется Бомж, он что-то мямлит во сне. Свалка. Крики. «Я тебе нажму! Я тебе нажму!», «Взорвать нас всех решил!», «Да вы что, в своем уме?!», «Вали его на пол!» От криков просыпается Бомж. Сонно-пьяно поводит глазами. Поднимается. Пошатываясь, подходит к дерущимся. Смотрит по сторонам, видит сигнальное устройство и направляется к нему. Кто-то замечает его намерение и кричит: «Нет! Нет!» – но этому кому-то не дают вырваться из толпы. Бомж нажимает на кнопку. Ничего не происходит. Чей-то крик: «Он нажал! Нажал!» Все резко перестают драться, наблюдая за тем, как Бомж стоит и давит на кнопку, словно звонит в дверь. В этот момент просыпается Лейтенант. Широко зевает, потягивается. Заинтересованно склоняет голову, но никаких действий не предпринимает.

Бомж (заплетающимся языком). За-кры-то...

Поворачивается лицом к своему месту, видит оставленный баул, возвращается, плюхается на сиденье и делает несколько жадных глотков «бормотухи».

Лайфист манерно поправляет галстук. Мужчина с кейсом, сняв пиджак, чистит рукава. Девушка в мини пудрит носик. Парень считает количество дыр на рваных модных джинсах – не образовалось ли новых. Инженер в кепке прохлопывает свой костюмчик головным убором. Баба с пакетами массирует то локоть, то колено, приговаривая: «Ах ты ж... Ах ты ж...» Просто мужчина, запрокинув голову, пытается остановить кровотечение из носа. В руке у него носовой платок. И только Мужик сидит довольный и сладко пофыркивает: «Хорошо размялись! Эх, хоро-

шо!»

Мальчик с железной дорогой. Мама, я домой хочу... Писать...
Пить...

Мужик. Ты определись, пацан.

Мама (*успокаивая сына*). Потерпи. (*Обращается к остальным*.) Он же описается сейчас... Что мне делать?

Инженер в кепке. Меньше химией пичкать надо. (*Указывает на бутылочку «Фанты», торчащую у Мама из сумочки.*) И так всю страну отравили... Только и знаем, что всякую гадость со-сем...

Мама. Опять вы за свое.

Мужик (*кивая на Лайфиста*). Ага, негатива много. Весь позитив выжрал...

Инженер в кепке. Помолчите! Такие, как вы, с вашими шуточками, только беспорядки наводят. Вы посмотрите, что из-за вас произошло, кто эту дурацкую историю с кнопкой затеял!

Мужик. Я?! Я?! Чё ж ты сам не нажал?!

Инженер в кепке. Я не нажал, потому что вы... (*Тыкает в его сторону пальцем.*)

Мужик. Чё — я?

Инженер в кепке. Потому что вы, вы перевернули во мне всё!

Парень. Какой вы внушаемый.

Инженер в кепке. А вы? Что же вы не нажали?

Девушка в мини. Это он всё. (*Указывает на Мужика.*)

Просто мужчина. Перестаньте, наконец. (*Убирает носовой платок в карман.*) Как выбираться будем? С машинистом же связи нет. Что нам дальше делать?

Мальчик с железной дорогой. Ма! Писать!

Инженер в кепке. Дальше, дальше... (*Подходит к Мальчику с железной дорогой.*) Тебя как зовут?

Мальчик с железной дорогой. Саша.

Инженер в кепке. А меня — Игорь Сергеевич. Давай, Саша, так попробуем. Не «писать, пить»... А наоборот — «пить, писать»

... Ты напиток свой допей, а потом отойди в сторонку и пописай в бутылочку.

Мужик (*восхищенно*). Ну ты инженер!

Мальчик с железной дорогой (*Маме*). Можно?

Мама. Конечно, дядя правильно говорит.

Мальчик с железной дорогой выпивает остатки «Фанты» и отходит в сторону. Отворачивается к присутствующим спиной.

Мужик. Влазит?!

Мальчик с железной дорогой (*поворачивает голову к Мужику*). Ага...

Мужик (*зогочет*). Главное, чтоб не застрял...

Девушка в мини. Ка-азел!

Мужик. Овца!

Мама. Перестаньте вы, в самом деле!

Мужик. Тебя не спросил. Ты с мое поживи...

Просто мужчина (*кивает в сторону Мужика, затем показывает на пустую бутылку пива в конце вагона*). ...попей...

Мужик. Я смотрю, у кого-то нос восстановился. Или мне кажется?

Просто мужчина. А не пошли бы вы... Я так и знал, что это вы мне нос разбили.

Мужик. Кто ж еще... Я старался.

Мама (*Инженеру в кепке*). Спасибо вам.

Инженер в кепке. Да не за что.

Мужик (*переключаясь на Инженера в кепке*). Он всегда так делает. Выпьет... (*Пауза*) ...и в бутылку! В бутылку!

Инженер в кепке. Я вам сейчас... сейчас... (*Пауза*) ...По роже дам!

Мужик. А ты дай! Дай! Один уже дал такой! (*Кивает на Просто мужчину*.)

Мальчик с железной дорогой (*возвращается к Маме, протягивает бутылочку с жидкостью*). На.

Мама. Саша, Саша, что ж ты так... Дай я уберу. *(Завинчивает бутылочку и ставит ее под ноги.)*

Мальчик с железной дорогой. А что с дядей?

Мама *(имея в виду Инженера в кепке).* А что с ним? Он разве тоже хочет?

Мальчик с железной дорогой. Не с этим. С тем. *(Показывает пальцем в сторону.)*

Все смотрят в направлении, которое указал Мальчик с железной дорогой. На полу в скрюченной позе лежит Пенсионер с кроссвордом. Подтяжки на его спине перекручены. Из-под рубашки торчит майка. Правая нога подвернута под живот. Штанна, оголив икру, задралась. Лицо упирается в тапок. Очки съехали. В руке зажата брошюра с кроссвордами и сканвордами.

Парень. Так... *(Подходит к телу. Наклоняется. Трогает за плечо.)* Эй, эй... Вставайте. Холодно же... На полу...

Мужик. погоди, дай я... *(Направляется к Пенсионеру с кроссвордом, пинает его ногой. Затем склоняется над телом и переворачивает его на спину.)* У нас того... Кажется, э тот...

Инженер в кепке. Кто?

Мама. Кто там?

Баба с пакетами. Шо там такэ?

Женщина с длинными ногтями. Пётр, не тяните. Что там случилось?

Мужик *(возвращается на свое место, озирается, молчит, пыхтит и, наконец, выдавливая).* Кто, кто... Никто уже... Жмур там.

Просто мужчина. Опять вы со своими шуточками дурачками...

Мужик. Ну, ежели человек может жить с ножом в груди...

Мама *(испуганно).* Как – с ножом?

Мальчик с железной дорогой. Мама, дяди шутят?..

Просто мужчина *(подходит к телу, внимательно смотрит).* Нет, мальчик. Дяди уже не шутят.

Женщина с длинными ногтями. Доигрались! Следовало ожидать.

Баба с пакетами. Ой! Ой! Человека *вбылы!* *Вбылы!* Милиция!

Мужик. Заглухни, бабка!

Баба с пакетами (*продолжает голосить*). А-а-а! *Вбылы!* Сэр-эд *била дня вбылы!*

Просто мужчина (*замечает*). Вообще-то уже первый час ночи...

Мужик (*Бабе с пакетами*). Заткнись, говорю! А то рядом ляжешь!

Баба с пакетами замолкает, лезет в сумки, достает колбасу и нервно откусывает. Жует.

Мужик. Поминки справляешь? Не рано?

Баба с пакетами. Так *отж*, (*снова кусает*) я, как нервничаю, всё *йим* та *йим*, *йим* та *йим*... *Сынку*, *шматочек* хочешь? (*Протягивает колбасное кольцо Мужуку*)

Мужик (*морщась*). Аппетита нет...

Мальчик с железной дорогой вздрагивает и начинает плакать.

Мужик. Пацан, кончай реветь! Будь мужиком!

Парень. Вы еще скажите — «слезами горю не поможешь», — так, чтоб совсем его успокоить.

Инженер в кепке. Что же теперь делать?

Мужик (*чешет затылок*). Чё, чё... Убийцу искать. Надо мыслить, из нас кто-то...

Просто мужчина. Дельное замечание, учитывая, что мы в замкнутом пространстве находимся...

Лейтенант. Милиция! Всем оставаться на своих местах!

Подходит, демонстрируя в развернутом виде удостоверение. Все поворачиваются в его сторону.

Баба с пакетами. Та мы и так на своих!

Мужик. О! Вот и рояль в кустах... Ты кто, боец?!

Лейтенант. Лейтенант Филимонов.

Мужчина с кейсом (*Лейтенанту*). Позвольте полюбопытствовать...

Лейтенант (*не выпуская удостоверения из рук и близко-близко поднося его к лицу Мужчины с кейсом*). Убедились? (*Быстро прячет удостоверение в карман*.) Ваши документы!

Мужик. Ты, лейтенант, успокойся. Сядь.

Лейтенант. Я не вас спрашиваю.

Мужик (*хлопает его по плечу*). Да брось ты, какие документы в наше время...

Лейтенант. Вы мне не тыкайте. Ваши документы. (*На этот раз обращается к Мужику*)

Мужик. Ща, разбежался.

Отворачивается от Лейтенанта, но тот резким движением заламывает ему руку за спину и пригибает к сиденью.

Мужик. А! А!

Лейтенант. Я сказал — документы!

Мужик. Да отпусти ты руку! Больно же!

Лейтенант отпускает руку Мужика. Тот медленно выпрямляется, разворачивается, трет запястье, что-то бубнит под нос. Вдруг делает резкий выпад и бьет Лейтенанта в челюсть. Последний теряет равновесие и падает на пол.

Мужик (*подбегает к распластанному телу*). Лежать, с-сука! Лежать, я сказал!

Мужик вдруг яростно начинает пинать Лейтенанта ногами, к нему подскакивают мужчины, с трудом оттаскивают и усаживают на скамью. Баба с пакетами быстро дожевывает колбасу и снова лезет в сумку.

Мужик (*порываясь вскочить*). Менты! Ментяры поганые! Достали уже! Тут двести, там пятьсот... «Где ваша регистрация?! Почему не зарегистрировались?!» Сволота! Наверху от них продыху нет, так они еще в метро, как крысы! Как крысы!.. И по куску нас! По куску! Зарплата у всех копеечная, а ездят, суки, на джипах!

Инженер в кепке. Вы и его убили...

Мужик. Мало! (*Вскакивая*.) Таких расчлнять надо. Крысы!

Инженер в кепке (*раскачивается из стороны в сторону*). Это — конец. У нас теперь два трупа.

Парень (*ходит по вагону и нервно смеется, останавливается, зажимает нос руками, имитирует голос переводчика американских фильмов*). «Уорнер Бразерс» представляет: «Мертвые в метрополитене — 2».

Женщина с длинными ногтями (*Парню*). Вы с ума сошли!

Просто мужчина. Это у него нервное.

Девушка в мини начинает дико хохотать, но тотчас получает пощечину от Просто мужчины и затихает. Мужчина с кейсом и Женщина с длинными ногтями лихорадочно хватаются за мобильные телефоны, но сразу же понимают, что связь не восстановилась. Баба с пакетами почти целиком запихивает в рот бутерброд с сыром.

Тем временем лейтенант приходит в себя. Садится на пол. Покачивается взад-вперед. Все тут же успокаиваются. Раздается возглас Парня: «Уф! Отпустило, кажется». Со своих мест подхватываются Лайфист и Мама.

Мама (*почему-то обращаясь к Женщине с длинными ногтями*). Помогите же кто-нибудь.

Женщина с длинными ногтями. Пусть мужчины... У меня — маникюр.

Инженер в кепке (*задумчиво*). Что нам жизнь человеческая... Маникюр, педикюр — это да... это — жизнь...

Подходит к Лейтенанту, вместе с Лайфистом и Мамой, усаживает его на скамью.

Мама. Вам плохо?

Лейтенант (*обводит всех затуманенным взглядом, останавливается на Мужике*). Это сопротивление представителю власти...

Мужик (*кивает на тело*). Ща компанию составишь! Представителям рая...

Лейтенант. Вот приедем...

Лайфист (*Лейтенанту*). Не злите его. У вас, кстати, в кармане пригласительный на наши курсы психологического тренинга. Со скидкой. Я вам положил, пока вы спали. Приходите. (*Пауза*.) Тоже.

Парень. Мы вас полечим...

Мама. Вы как?

Лейтенант. Вроде ничего... Голова только кружится и подташнивает...

Мужик. Это взятки наружу просятся — пережрал...

Лайфист. Не слушайте его. Негатива много. Вот если бы он на «Лайф-Лайф» пришел...

Мужик (*взрываясь*). Молчать! Молчать, урод!

Лайфист прижимается к спинке скамьи и защищается, делая руками неуклюжее движение, походящее на букву «Х».

Инженер в кепке (*Мужику*). Держите себя в руках. Вы хоть понимаете, что произошло? Вы человека убили.

Мужик (*часто моргая*). Кто? Я?!

Инженер в кепке. А то кто же? Мы все свидетели.

Мужик. Да вы чё? Зачем? Я его ваще первый раз вижу! (*Кивает в сторону трупа*.)

Инженер в кепке. Ну, вы же сами признались.

Мужик. Когда?!

Инженер в кепке. После того как лейтенанта уложили. Я же

вам сказал тогда, что вы и его убили... То есть я не знал еще, что лейтенант жив... А вы промолчали...

Мужик. Да ты чё! Я тебе не ответил, потому что мне не до того было.

Инженер в кепке. А вот странно как-то, что вы не ответили... Я бы, если бы не я убил, я бы ответил... А то как-то... навевает мысли определенные...

Лайфист (*мстительно и одновременно трусовато*). Да он это, кому же еще быть. Очень негативный человек. И лейтенанта хотел... да не получилось...

Просто мужчина. Ну, нашу власть простым хуком не вырубить... Тут в пах бить надо.

Лейтенант (*Просто мужчине*). Поговорите мне!

Лайфист. Не получилось, Пётр... Так-то...

Мужик. Я те ща «Лайф-Лайф» на одно место натяну!

Баба с пакетами (*кивая на Мужика*). **Вбывэць**, вин и е **вбывэць!**

Мужик. Да вы чё, с дуба рухнули все? Я даже не знаю, кто он!

Лейтенант. На место приедем, там разберутся, знали, не знали...

Инженер в кепке. Он это, он.

Лайфист. А вот ходил бы на психологические тренинги...

Мужик (*нервно*). Вы издеваетесь, да? Скажите, издеваетесь? Вы чё? Жмурика на меня повесить хотите? Да вы заодно все! Это – сговор! (*Подбегает к Женщине с длинными ногтями, заглядывает ей в глаза*.) Женщина, вот вы, чё, вы тоже так считаете?

Женщина с длинными ногтями (*рассматривая маникюр*). Ну, я не знаю... Но, с другой стороны... А кто, по-вашему?

Мужик (*срываясь на женский визг*). Да с чего бы мне? Я ножа с собой отроду не носил. Зачем мне этот геморрой, когда менты постоянно шмонают?! Я чё, самоубийца – нож с собой таскать?!

Лейтенант. Приедем – разберемся. Еще срок добавят. (*Направляется к трупу, приседает, щупает пульс на запястье*

и ше.)

Мужик. За что?!

Лейтенант (*отходит от трупа*). Мертвый.

Парень. Вы б ему еще искусственное дыхание сделали при таком раскладе.

Лейтенант. Ты не умничай. (*Мужику.*) За сопротивление!

Мужик. Да ты же первый начал руку мне выкручивать!

Лейтенант. Имею право. Я – представитель власти!

Мужик. Какой, на хрен, представитель! Сейчас эти ксивы на каждом углу купить можно! И ваще ты в штатском! Может, он и не легаш вовсе, чё вы ему все верите?!

Лейтенант. Еще и за оскорбление сотрудника правоохранительных органов намотают...

Мужчина с кейсом. Он документ показывал. Я видел. А нож, кстати говоря, всегда спрятать можно.

Мужик. Да мало ли чё там понаписано – в липе этой? А насчет ножа, так в чемодане – самое то его прятать. Туда даже топор влезет.

Просто мужчина. Кстати, кстати... (*Подходит к трупу.*) Рукоятка большая. Петру негде было его спрятать, а вот в дипломате...

Мужчина с кейсом (*в полной растерянности*). Да вы... вы... чего вы... Я вообще крови боюсь.

Просто мужчина. Ну можно ведь и зажмурившись...

Лейтенант (*Просто мужчине, в нетерпении*). Что вы там ходите взад-вперед? Закройте труп чем-нибудь, наконец!

Просто мужчина. Чем я его закрою?

Лейтенант. Да хоть пиджаком своим!

Просто мужчина. Решительно не буду. Он же испачкается. У вас свой есть – вот и закрывайте, если вам надо.

Лейтенант подходит к телу, демонстративно скидывает с себя пиджак и набрасывает на труп.

В этот момент Мужчина с кейсом вдруг начинает производить непонятные манипуляции с чемоданчиком: то ставит в ноги, то вновь кладет на колени, открывает и закрывает, показы-

вая содержимое присутствующим: «Видите? Тут ноутбук. Нож бы уже не влез». Некоторые склоняются, покачивают головами, кто-то говорит: «Но если сбоку, то – влез бы». После чего Мужчина с кейсом резко захлопывает кейс и прячет за спиной.

Мужчина с кейсом (*Просто мужчине*). Да не я это! Не я! Из-за вас, между прочим, драка началась! Вы ее спровоцировали! Спе-ци-аль-но!

Просто мужчина. Да я больше всех в этой драке пострадал. Мне нос разбили.

Мужчина с кейсом. Э... не... это вы так... для отвода глаз... А сами... с ним вот сговорились... (*Кивает на Мужика*.) Чтoб он якобы вас... и вы вроде как ни при чем...

Лейтенант. Это уже соучастие получается.

Просто мужчина. Ерунда какая-то... Так вы вообще до абсурда договоритесь. Будто мы вместе с ним (*показывает на Мужика*) по метрополитену ходим и пенсионеров режем.

Лейтенант. Так, может, это вы на прошлой неделе в Кузьминках?..

Просто мужчина (*не выдерживая*). Да! Я! А вечером – еще девочкой в Битцевском парке закусил. Вы не лейтенант, вы... вы!..

Лейтенант (*предупредительно поднимает указательный палец*). Внимание – статья!

Просто мужчина. А вы не при исполнении! И вообще (*озирается по сторонам в поисках жертвы*), может, это... Парень вот этот или девица. Что вы привязались ко мне?

Парень. Мне это всё игру в «мафию» напоминает...

Лейтенант (*задумчиво почесывая переносицу*). Мафия, значить... Так я и знал. То есть вы тут все в этом деле замешаны...

Парень. Вы, уважаемый Филимонов, вслушивайтесь во фразы. Игра в «мафию»... это означает именно игру, знаете, ну, как в «прятки» или «догонялки». Вам это должно быть знакомо.

Лейтенант. Не умничай, я сказал...

Парень (*с юношеским максимализмом*). А вы не тыкайте! Са-

ми же недавно на Петра обижались... *(Кивает на Мужика.)* Уважайте сограждан.

Лейтенант *(недовольно)*. Ладно, извините. Игра какая-то... что там еще за игра...

Парень *(ко всем)*. Ну, если интересно, могу рассказать.

Мужик. Валяй. Рассказывай.

Парень. Правила очень простые. Собирается группа милых приятелей и друзей. Вот почти как мы с вами. Все рассказываются вокруг уютного стола, желательно круглого, чтоб углов у него не было, а то негатив, сами понимаете... *(Лайфист, как болванчик, кивает головой.)* Выбирается ведущий, который раздает всем бумажки. Бумажки чистые. И только на одной нарисован крестик. Крестик – это и есть «мафия». При этом по правилам никто свою бумажку другим показывать не может. А дальше начинается правда жизни. Город милых, добропорядочных граждан засыпает. Ведущий говорит: «А теперь глаза открывает только „мафия“». И тот, у кого был крестик, открывает глаза – знакомится таким образом с ведущим, а потом снова закрывает. После чего ведущий мило вещает: «„Мафия“ себя показала. А теперь город добропорядочных граждан, матерей-героинь и защитников Родины, просыпается, просыпается...» Игроки распахивают очи и ударяются в поиски «мафии». Кто он, где он? Но поскольку никто не знает, кому выпала бумажка с крестиком, то выбирают кого попало. Кто-то кому-то не нравится из-за внешних данных, кто-то на кого-то не так посмотрел... А кто-то в компании просто самый говорливый и, значит, самый противный... *(Кидает беглый взгляд на Инженера в кепке.)* Слово за слово – выбор сделан. Ведущий объявляет: «Голосуем. Кто „за“? Кто „против“? Ваше последнее слово...» Встает новоиспеченный «мафиози» и начинает бить себя кулаками в грудь: «Да я, да вы что, я ж за Родину воевал», – и прочую пафосную лабуду. А остальные ему: «Ты бумажку, бумажку покажи». А он: «Да не я это, не я...» – «Как не ты? Ты. Кому еще быть? Ты вон даже кадыком нервно дернул, когда на свою бумажку смотрел». – «Я сглотнул». – «А чего это ты сглотнул?» – «Так просто. В горле пересохло». – «Что это у тебя в горле пере-

сохло, а у нас нет?.. Разворачивай давай бумажку». Ну, он разворачивает... а там, там... Там-то и пусто. Тут ведущий и говорит: «Дамы и господа, так сказать, поздравляю вас. Только что вы убили одного из своих... А сейчас, солнечные мои чикатилки, закрываем глазки и спим». Настоящая «мафия» открывает глаза и жёсткими показывает ведущему на свой выбор. Ведущий кивает и произносит: «„Мафия“ сделала свой выбор. „Добропорядочные“ Джеки-Потрошители открывают свои глазоньки и... и... — тут важно сделать паузу... — и просыпаются без Ивана Ивановича. Иван Иванович, вы у нас уже того — в веночках». Вот тут обычно и начинается самая игра. Все начинают обсуждать: «А почему Ивана Ивановича убили, кто на него зуб держал?» Некоторые перемигиваются: «Ну, мы-то знаем, Иван Иванович с женой Венедикта Соломоновича, нет, мы сказать ничего не хотим, мы просто подумали... Перемигиваемся только... Хотя, если вспомнить, то и здороваются они на людях как-то так, натянуто, что ли, будто кислоту из одной пробирки пьют...» На словах же получается следующее: «А может, это Венедикт Соломонович, а? Что это вы, Венедикт Соломонович, молчите? Вы что, не с нами? Почему не обсуждаете никого? А?..» — «Ну я так, я правила еще плохо знаю». — «Да ладно вам, вы ж в прошлый раз „мафией“ оказались...» И кто-нибудь: «Точно он! Он нас в прошлый раз всех пошел... Ну так что, вы снова „мафия“? Признавайтесь. Вы или нет? Что у вас в оправдание?» — «Я, честно говоря, не очень сегодня...» — и Венедикт Соломонович, отказываясь от последнего слова, разворачивает бумажку, в которой, как несложно догадаться, тоже дырка от бублика... Дальше опять все спят, «мафия» открывает глаза, и город новоиспеченных маньяков просыпается без Розы Арнольдovны...

Мужик. Нам тут Арнольдик тоже бумажонки какие-то впаривал... Со скидкой.

Лейтенант. Пётр, не встревайте. *(Парню.)* Ну а суть в чем? Что-то я не пойму.

Лайфист. Маму только больше не трогайте.

Парень *(Лайфисту, удивленно).* Что, попал? Попал?

Лайфист. Дважды. Меня в честь деда назвали, а мама — Роза.

Парень. Не может быть. Нет, честно?

Лайфист. Да.

Парень (*усмехаясь*). Извините, случайно.

Девушка в мини. При-и-кол!

Лейтенант. Повторяю вопрос. В чем суть?

Парень. А в том, кто же победит — «мафия» или «народ»? (Пауза.)

Инженер в кепке (*вскакивает*). Мафия, однозначно! Мафия у нас у всех давно вот тут сидит! (*Хлопает себя по шее*.) Вот как, как можно вначале всю страну до дефолта довести, а потом атомной энергетикой управлять? Уму непостижимо. Вы хоть понимаете, что у нас за управленцы? Хотя на минутку задумайтесь. Мы же все на реакторе сидим, который вот-вот... (*Подпрыгивает на сиденье, точно от взрыва, и резко встает*.)

Лейтенант (*Инженеру в кепке*). Сядь... (*Смотрит на Парня*.) Сядьте...

Инженер в кепке. Хватит уже! Насиделись! Время подниматься пришло!

Женщина с длинными ногтями. Нам еще в вагоне революционеров не хватало...

Мужик (*тихо, поглядывая на Лейтенанта*). Ща власть свергнем...

Лейтенант. Да погодите вы все... Что, фишка просто в том, кто кого... так?

Просто мужчина. Фишка игры в том, что мы готовы ближнего своего просто так... просто потому, что кому-то что-то вдруг померещилось... просто взять, и... убить!

Парень. Совершенно верно. Ведь, как правило, «мафия» почти всегда выигрывает. Потому что каждый руководствуется своими, какими-то только ему понятными умозаключениями. Кто-то до игры в «мафию» на кого-то не так зыркнул, кто-то чужую жену... что-то там... И что интересно, у так называемого добропорядочного гражданина цель, как ни странно, не просто выжить —

но убить, чтобы выжить... А для «мафии» норма — и провокатором быть, и путать всех; более того, если на него вдруг укажут, он же имеет право на последнее слово и, если у него хорошо подвешен язык, он легко может всех переубедить и перевести стрелки на кого-нибудь другого... Но поскольку каждый играет сам за себя, то сплоченной команды у игроков не получается... Вот «мафия» и убирает всех по одному... А если много играющих, и «мафии» две... То вообще нереально выжить. Поскольку один «мафиозник» другого еще и прикрывает.

Инженер в кепке. Мафия всегда одна!

Парень. Я не об этом.

Инженер в кепке. А я об этом! Об этом! У них школы с детьми взрываются, электричество постоянно вырубается, вагоны в метрополитене стоят, а они все с обложек журналов щерятся и щерятся!.. Всё починим, всё поправим...

Мужчина с кейсом (*усмехаясь*). Правильно, к дачам же энергию подвести надо...

Лейтенант. Так, а ну-ка все! Кончайте мне тут балаган устраивать! Власть им не нравится... Я, между прочим, представитель!..

Парень (*задумчиво*). Вот такая игра в «мафию»...

Все молчат. Каждый занят своими мыслями. Инженер в кепке начинает вздыхать. Баба с пакетами, будто что-то поняв, вдруг застывает над сумками, но потом продолжает движение и погружается в них с головой. Мальчик с железной дорогой ложится Маме на колени, дремлет. Мама нервно перебирает кудри сына. Просто мужчина ходит взад-вперед по вагону и приговаривает: «Да, да... да, да... мафия, мафия... По одному...» Лейтенант чешет затылок, Бомж что-то бормочет во сне, будто разговаривает с невидимым собеседником. Видимо, ему снятся кошмары. Лайфист с интересом поглядывает на Мужчину с кейсом. Тот отводит глаза.

Женщина с длинными ногтями. Гнусно это всё...

Инженер в кепке. Куда уж гнуснее! Парень дело говорит, мафия всегда выигрывает. Пока мы тут в метро... Они там наверху жируют!

Просто мужчина (*остановившись*). Вы не так поняли... Суть игры в том, что простой человек — он как раз и есть мафия... Чтоб найти настоящую мафию, надо почти всех убить... В нас в каждом убийца живет.

Инженер в кепке. Знаете, вы всех под свою гребенку... Не надо вот этого.

Просто мужчина. Да? А вы забыли, как на Петра накинлись? Вы что, видели, как он убил? Или вам померещилось, а? Парень правильно говорил — чтоб себя выгородить... Может, все-таки это вы — мафия, а?

Парень (*поправляя Просто мужчину*). Убийца, вы хотели сказать.

Просто мужчина. Да одна петрушка... Ты ж понимаешь... Я никого не обвиняю, но мы ведь правда — еще чуть-чуть, и невинного бы обвинили... Вот просто так, потому что нам показалось...

Мужик. А ты чё его выгораживаешь, может, вы того?.. В сговоре?

Просто мужчина. Я имен их даже не знаю... (*Кивает на Мужчину с кейсом, а затем на лежащее тело.*) О чем вы говорите?..

Мужик (*хмыкая*). Ну, убийство еще не повод для знакомства...

Баба с пакетами. Так кто *вбыв*, *колы* никто нэ *вбывав*?

Мужик. Да ты, бабка, и замочила. Вон у тебя сумки какие. Там нож самое простое спрятать... Арнольд! Ко мне! Искать! Нож, сумка, сумка, нож... (*Погавкивает.*) «Лайф-Лайф»!

Лайфист (*гордо дернув головой на тонкой шее*). Не смейте со мной в таком тоне!

Мужик. А в каком бы тебе тоне, голуба моя, хотелось?.. Ладно, сбрызни... Ты острее пилочки для ногтей ничего не держал, куда тебе...

Девница в мини. Так кто старпера прихлопнул?

Парень. Начинается...

Просто мужчина. А мы все... Вы не поняли?

Мужик. Ну уж нет. Я на себя групповуху брать не буду. *(И тут его озаряет.)* Слушайте, а давайте его за окно выкинем! А то милиция, у меня регистрация опять же просрочена... *(Смотрит на Лейтенанта.)* Звоняйте, запоматовал, тут же у нас представитель как бы...

Поднимается, подходит к окну вагона, дергает вбок фрамугу.

Лейтенант. Стоять! Стоять, я сказал! Два шага назад!

Мужик *(набычившись)*. Ты чё, чё ты... Давно не чмырили?

Лейтенант. Сядьте на место! Никому никаких действий не предпринимать!

Женщина с длинными ногтями. Правда, Пётр, садитесь. Зачем нам еще сокрытие улик... Вы в своем уме?

Парень. Сокрытие улик при милиционере — это будет бомба...

Мужик. Ну, сесть я, положим, всегда успею. *(Все-таки возвращается на место.)*

Мужчина с кейсом. Давайте размышлять логически. У кого мог быть нож?

Парень. Да у кого угодно... Вот хоть у лейтенанта.

Лейтенант. Я?!

Девушка в мини *(хлопая жвачным пузырем)*. А вай нот?

Парень. Вы вроде как с нами едете. Или не с нами? Или вы в другом вагоне?

Лейтенант. В каком другом?

Парень. Правильно. Другого-то и нет... Мы же в последнем едем, а перед нами — сломанный. *(Показывает в сторону предполагаемого вагона.)* Вон, свет не горит, и внутри — никого.

Просто мужчина. Символично как всё... Мы все едем в последнем вагоне...

Парень. Да, да... За нами тоннель, а впереди — пустышка.

Лейтенант. Я и без тебя... вас... это знаю, вы к чему это?..

Парень. А к тому, что раз вы с нами ехали, то тоже причастны.

Лейтенант. Я же в драке не участвовал...

Парень. Разве?

Лейтенант. Я спал, вы что?! Я же после драки проснулся... И подошел уже только тогда, когда вы тут... труп сделали.

Женщина с длинными ногтями. То есть вместо того чтобы, как представитель власти, разнять драку, вы...

Инженер в кепке. Они всегда так: как что-то происходит, милицию не дозовешься.

Мужик. Зато они на трупы, как вороны, слетаются... Стаями.

Лейтенант *(повторяясь)*. Да вы же сами знаете, я ж из конца вагона к вам подошел! После драки уже.

Парень *(пожимая плечами)*. Нет, не знаем. Честно, не знаем. Я, например, могу предположить, что вы во время драки подбежали, сделали свое мокрое дело и на место вернулись — типа спите...

Лейтенант. Пацан, ты что?! Опух?! Я спал! Спал!

Мужик. Во! Власть труп проспала.

Инженер в кепке. А что вы хотите, если у нас на Красной площади...

Просто мужчина. Да погодите вы со своим политиканством! Скажите, Филимонов, это правда, что вы, как парень сказал...

Мужик *(продолжая измыываться)*. Исподтишка кокнул. Негоже, негоже. Нас бы позвал, мы б подсобили кто чем.

Лейтенант *(в панике)*. Да это бред! Просто бред какой-то! Вы все больные! Вы рехнулись! Я не мог отреагировать! Я спал!

Мужик. А надо было реагировать! Надо было не спать!

Лейтенант *(пятится, показывая на каждого пальцем)*. Это вы, вы...

Парень *(задумчиво)*. Ну это как посмотреть... Не видать вам теперь звездочек новых.

Лейтенант. Это просто мафия какая-то! Вы же сами про игру рассказывали! Вы шутите, да?

Парень. Какие уж шутки теперь, когда труп в вагоне.

Лейтенант (*бьется в истерике*). Но там же отпечатки!

Просто мужчина. Отпечатки? Вы в каком веке живете? Будет убийца в такой ситуации отпечатки свои оставлять, он что, умышленный?

Лейтенант. Вот приедем на место, там разберемся. Должно же было что-то остаться...

Все осуждающе и недобро смотрят на него, кивают головами, будто говорят: «Знаем, как же, не вы это...»

Не убивал я! Честное слово, не я это!

Мужик (*расслабившись, садится на лавку*). Так, ну убийцу мы походу нашли. Да, Арнольдик?

Лайфист делает вид, что не слышит.

Просто мужчина. Кстати, там на теле столько отпечатков... и все, между прочим, наши... А вот рукоятка ножа, думаю, чистая. Убийца же не дурак.

Мужчина с кейсом. Откуда такая уверенность?

Парень. Фильмов посмотрелся.

Просто мужчина. Это ваше поколение на сериалах и блокбастерах выросло. А я за нашей Родиной не первый год замужем. Опыт — будь здоров... Не будет там отпечатков на ноже.

Мужик. Ваще это всё на подставу какую-то смахивает. Только вот в чем — не пойму.

Женщина с длинными ногтями. Что же тут непонятного — труп на нас повесили. На всех причем.

Инженер в кепке. Мафия — это всё.

Девушка в мини (*обращается к Просто мужчине*). А если там наши отпечатки, на боди, так, мож, его почистить?

Мужик (*к Бабе с пакетами*). Пылесоса со «стиралкой» в сумке не завалилось? А? Ну ладно... жуй дальше... (*Девушке в мини*). Чем ты его чистить собралась, дура?

Парень (*зловецше*). «Тайдом»... Мы идем к вам. Белый ли у вас

саван?

Просто мужчина. Так его не отчистишь, разве что нитки какие от нашей одежды снять... или еще что-нибудь... *(Склоняется над трупом.)*

Лейтенант *(вскакивает)*. Ничего не трогать! Это улики! Не трогайте, вам говорят!

Просто мужчина. Раньше надо было думать. До драки еще.

Лейтенант. Я спал!

Просто мужчина. Вот и идите спать. Зачем людей подставляете? Вдруг рядом с телом чей-то предмет, а его обладатель к убийству никакого отношения не имеет. Мы ведь вашу братию знаем. Затаскаете потом.

Инженер в кепке. Правильно. Всю страну то сажаете, то выпускаете, то сажаете, то выпускаете! Будто мы скот какой!

Лейтенант. Не позволю!

Подбегает к телу, дорогу ему преграждает Мужик.

Мужик *(выпячивая грудь)*. Стоять, бояться!

Лейтенант несильно толкает его в грудь. Мужик хватается за руку. К Мужiku присоединяются остальные. Начинается новая драка. Мужчина с кейсом бьет Лейтенанта чемоданчиком в лицо. Лейтенант падает около трупа. Его пинают ногами. Женский голос: «Вы убьете представителя власти, убьете!» Этот крик действует на всех отрезвляюще. Пассажиры впадают в ступор. Лейтенант опирается на труп, засовывает руку под пиджак, скрывающий тело, и выдергивает нож. Встает, пошатывается. С лезвия стекают кровавые капли. Лейтенант направляется к обидчикам, те разбегаются.

Баба с пакетами. Цэ вин, вин – вбывець!

Просто мужчина *(направляется к Лейтенанту)*. Бросьте нож! Не-ме-дле-нно!

Лейтенант топчется на месте, что-то для себя решает, ошалело смотрит на пассажиров и, наконец, бросает нож на пол. Бьет по нему ногой. Нож скользит по вагону, оставляя на полу неровный малиновый след, и замирает около Бомжа, который давно проснулся и копается в своем скарбе. Бомж приподнимает баул и ставит поклажу прямо на нож. Лейтенант падает на сиденье и закрывает лицо, трясется, кажется, что он плачет. Все постепенно возвращаются на свои места.

Просто мужчина (подходит к Бомжу). Поднимите, пожалуйста, сумку. У вас под ней важная улика.

Бомж. Не по-дни-му.

Просто мужчина. Это нож. Хотите в тюрьму попасть?

Бомж. Там хоть... кор-мят... *(Тычет бутылкой Просто мужчине в лицо.)* Вали отсюда. Ва-ли, я сказал!

Мужик *(кричит)*. Оставь его! На него и спишем! У кого нож, тот и убийца!

Просто мужчина возвращается. Бомж продолжает меланхолично рыться в бауле. Нож из-под днища не достает. В этот момент просыпается Мальчик с железной дорогой и начинает плакать. Мама его успокаивает. Через какое-то время Мальчик с железной дорогой принимается икать.

Мама. Дайте воды... Кто-нибудь...

Баба с пакетами вытаскивает из сумки двухлитровую бутылку минералки и протягивает Маме.

Мама. Спасибо.

Мальчик с железной дорогой продолжает плакать. Мама разворачивает коробку, вытаскивает вагончики, дает сыну минералку, — тот пьет и через какое-то время затихает, играет, возит вагончики по скамье: «вжих, вжих...» Икать тем не менее

не перестает. Мужик поднимается со своего места, раскачивается – с вызовом смотрит на Лейтенанта, затем направляется к трупу. Склоняется, что-то поднимает.

Мужик. О, оторвалась. (Вскидывает руку.) Чья пуговка?

Все принимают осматривать свою одежду.

Парень (обнаружив недостающую деталь на заднем кармане джинсов). Моя.

Мужик. Иди, бери. Вещдок.

Лейтенант (не предпринимая никаких действий). Я... Я... Это статья!

Мужик (с довольным видом хлопывает его по плечу). Ты не переживай. Отпечатки пальцев у нас теперь есть. А может, и бомжара на себя грешок возьмет.

Парень подходит к Мужику и забирает пуговицу. Остальные тоже потихоньку подползают к убиенному, скидывают пиджак Лейтенанта и, стараясь не дотрагиваться до тела Пенсионера с кроссвордом, принимают снимать с его одежды кто нитку, кто ворсинку. Отчищают его штаны от следов обуви. Мужик шарит в карманах убиенного. При всех достает кошелек, раскрывает, пересчитывает деньги, со словами: «Не густо» кладет себе в карман. Мужчина с кейсом вынимает из руки трупа брошюру с кроссвордами и сканвордами, возвращается на свое место, садится около Женщины с длинными ногтями. Лайфист заботливо прикрывает тело пиджаком Лейтенанта, отходит к скамье и умиротворенно садится.

Лейтенант (чуть не плача). Что же вы... что же вы...

Мужик. Глохни уже... представитель...

Женщина с длинными ногтями (кивает в сторону трупа и обращается к Мужчине с кейсом). Пенсионера кроссворд?

Мужчина с кейсом. Да... всё равно... там уже (машет в на-

правления лежащего тела брошюрой) перевернули всё...

Лейтенант (*Мужик*). Мародер.

Мужик. Убийца!

Парень. Не зря мы в одном поезде застряли. Одни стрелочники...

Мужик. Это ты мне?

Парень. Это я нам всем. Ну вы даете... Я же пошутил. При чем здесь лейтенант?

Мужик. Ну, не... так дело не пойдет. Ты ж сам сказал, что это он.

Парень. Я только предположил, имея в виду, что это и он может быть. Вы разницу чувствуете между «может быть» и «есть»? Мы же сейчас и его чуть не убили... Из-за ерунды какой-то! Еще чуть-чуть и... у нас бы на самом деле два трупа было! Понимаете, не один, а — два!

Мужик. Не жалко. Одним ментом меньше.

Просто мужчина. Да, если вдуматься, уродство колоссальное. Мы так друг друга поубиваем всех почем зря, как в вашей «мафии».

Женщина с длинными ногтями. Уже в «нашей».

Мужик подходит к трупу, приподнимает безымянный палец правой руки убиенного, которая выглядывает из-под пиджака Лейтенанта.

Просто мужчина. Что вы там делаете?

Мужик (*напряженно*). Да кольцо обручальное. Только сейчас заметил. Ч-черт, не снимается. Как вросло прям!

Просто мужчина (*таким тоном, что Мужик отскакивает от тела*). А ну-ка, займите свое место немедленно, а то я за себя не ручаюсь! Скажите спасибо, что мы на кошелек глаза закрыли.

Мужик (*возвращаясь на место*). А чё — я? Вот он кроссворд взял. Каждому свое. Ему-то зачем теперь?

Инженер в кепке. Ну и страна! По клочку, по нитке, лишь бы

успеть. У трупа уже... Во дошли! Никого не стесняемся.

Мужик. А кого стесняться? Все ж свои.

Женщина с длинными ногтями. Да, Пётр, признаться, не ожидали мы от вас.

Мужик (*искренне*). Да зачем ему?

Просто мужчина. Затем, чтоб в гроб как человека положить.

Мужик. Да зачем ему деньги там? Тем более такие...

Женщина с длинными ногтями. Это уже не ваша забота. Он, между прочим, с нами ехал. Домой, наверное, к жене. А вы...

Инженер в кепке. Горбатого могила исправит, что ему объяснять!

Мужик. Вот только про могилу не надо! Не надо, хватит уже. Подавитесь вы своим кошельком! Натё! (*Кидает его на пол.*)

Просто мужчина. Нам чужого не надо – это ваши трофеи. И вообще, положите туда, где взяли.

Мужик (*смотрит вниз, думает, что-то решает, наконец, поднимает кошелек и запихивает в карман своих брюк*). Ну уж нет, дудки... Они мне еще пригодятся. Вам-то что... а у меня две отсидки в прошлом... и лейтенант недобитый... он-то свое веское слово вставит...

Лейтенант. Вот вы почему на меня убийство хотели повесить...

Мужик. Да пошел ты. Это пацан всё, со своей «мафией»... Запутал всех.

Парень. Это мы сами себя запутали. Только там игра, а тут...

Просто мужчина. Да... Доигрались мы. Мало того, что в застрявшем вагоне, так еще и с трупом в придачу...

Женщина с длинными ногтями. Обычно в лифтах застревают...

Парень (*недобро*). Представляю: нас всех в лифт засунуть и в «мафию» предложить поиграть... Кто бы выжил?

Мама. Хорошо хоть свет есть.

Баба с пакетами (*задумчиво*). А то бы *усих* повывали...

И тут резко гаснет свет.

Мужик. Сглазили вы, бабы! Какую нам теперь!

Парень (*на нерве, с похихикиванием и зажав нос*). «Уорнер Бразерс» представляет: «Психоделический триллер „Метрофобия“». В главных ролях: Пётр, рецидивист (*голос удаляется*), Лейтенант Филимонов в роли маньяка-убийцы пенсионеров, Игорь Сергеевич, инженер, – он же инженер человеческих душ, Арнольд – продвинутый «голубой» коучер... падшая девка в колготах... Кончай меня щипать... шучу я.

Женщина с длинными ногтями. Опять вы за свое?

Просто мужчина. Это у него нервное.

Занавес.

Антракт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Голоса в темноте.

Мужик (*со смешком*). Эй, инженер! Это по твоей части. Вкрути лампочку.

Инженер в кепке (*серьезно*). Лампочка тут ни при чем — это на линии...

Мальчик с железной дорогой. Мама, я боюсь!

Мужик (*измываясь*). Не бойся, сынку, мы — в аду...

Мужчина с кейсом. Перестаньте изгаляться! Это же ребенок!

Женщина с длинными ногтями. Нажмите кто-нибудь на кнопку! Может, сработает в этот раз!

Инженер в кепке. Да уж, пусть сработает хоть что-нибудь...

Парень. Я уже нажимал. Без толку.

Мужик. Мало того что душно, так еще и не видно ни хрена!

Баба с пакетами. А ты виконце видкрый.

Мужик (*хмыкает*). Чё, так светлее станет?

Раздается звук отодвигающейся фрамуги.

Парень. Что дальше делать будем? Кого еще уьем?

Просто мужчина. Ждать. Что еще остается...

Парень. Может, через окна попробуем вылезти?

Лейтенант. С места преступления? Не позволю!

Мужик. А ты не увидишь...

Внезапно загорается свет. Пассажиры щурятся. Мужик стоит около приоткрытой фрамуги спиной к остальным.

Девушка в мини. О! Свет врубили!

Парень. А ты в темноте не любишь, да?

Девушка в мини вопрос игнорирует.

Просто мужчина. А где?.. Где?.. *(Начинает кашлять.)* Где труп?

Все смотрят на то место, где лежал убиенный. На полу валяется только пиджак Лейтенанта.

Баба с пакетами. Втик.

Парень. Ага. С колотой раной в груди... Я так часто делаю, зарежусь на досуге — и хожу, хожу... Думаю, зачем я это сделал... маюсь — покоя мне нет...

Лейтенант. Это как так?.. Это вы его в окно, что ли?

Мужик *(поворачиваясь)*. А?

Лейтенант. Вы зачем его в окно выбросили?

Мужик *(смотрит туда, где лежал Пенсионер с кроссвордом)*. Да зачем мне? Да он бы и не пролез.

Просто мужчина. А куда он мог деться?

Мужик. Не знаю, не знаю. Может, закатился куда?..

Инженер в кепке. Так поезд же не двигался. Да и куда он закатиться мог?

Парень *(юродствуя)*. Сразу видно — ин-же-нер...

Мужик *(в растерянности)*. Ну я не знаю, может, он сам... Я читал, так бывает... после смерти... от шока...

Парень. Где это вы такую глупость читали?

Мужик. Ну или по телику... А и в самом деле, куда он?..

Лейтенант поднимает пиджак с пола, отряхивает, надевает, затем встает на скамью, высовывается в оконный проем, смотрит вниз. Разворачивается и прыгивает.

Лейтенант. Нет там никого.

Женщина с длинными ногтями. А вы хорошо смотрели? Может, он под колеса закатился?

Несколько пассажиров подходят к окну, встают на скамью, мешая друг другу, просовывают головы во фрамугу.

Просто мужчина. Хоть глаз выколи.

Мужчина с кейсом. Да нет, привыкают глаза... вроде...

Девушка в мини (*визжит*). А-а-а! Крыса!

Мужик. Ух, жирная какая... Пшла отсюда!

Инженер в кепке. Пусто.

Неповоротливо спускается. Остальные, один за другим, следуют его примеру. Очищают сиденья от следов обуви.

Девушка в мини. Отврат полный! Крысятина!

Инженер в кепке. Не мерзее нас с вами... Так где все-таки труп?

Парень (*в своем стиле*). Отлично оттягиваемся. В «нажми кнопку» уже играли, в «убей пенсионера» – тоже, сейчас будем – в «искать труп». Мне это компьютерный квест напоминает.

Просто мужчина. Я смотрю, ты у нас по части игр большой спец.

Парень. Ага, только в этой я правил не знаю. А так вообще отличная тусня...

Лейтенант подходит к Мужу.

Лейтенант. Где труп?

Мужик (*пожав плечами и скорчив глумливую физиономию; глазки бегают*). Понятия не имею.

Лейтенант. Вы у окна стояли. Значит, вы...

Мужик (*морщит лоб – делает вид, что думает*). А, вспомнил. (*Пауза.*) Это бабка окно попросила открыть, чтоб на меня всё спихнуть. А сама взяла его и съела в темноте... Они, бабки, прожорливые очень. Жрут и жрут.

Баба с пакетами (*застывая с бутербродом*). У мэнэ нервная

почва.

Мужик. Вот она ее и удобряет... трупиками.

Лейтенант. Я серьезно.

Мужик (*разводя руками*). Не брал, на хрена мне чужое.

Лейтенант (*цедя сквозь зубы*). Ладно, разберемся. Приедем только, ты у меня попляшешь...

Лейтенант достает сигареты и надолго уходит в противоположный от Бомжа конец вагона. Открывает верхнюю фрамугу, нервно закуривает и садится.

Парень (*вслед Лейтенанту*). Нас раньше диггеры найдут, чем мы приедем! (*К остальным.*) Линять отсюда надо. Тут что-то непонятное происходит.

Мама (*Лейтенанту*). Не курите в вагоне! У меня — ребенок!

Лейтенант. Отстаньте!

Просто мужчина (*Парню*). Куда линять? А если поезд поедет? Он же раздавит всех.

Парень. А мы назад пойдем.

Лайфист. За ним же следующий идти может.

Мужик (*Лайфисту*). Откуда знаешь? В паровозики играть любишь?

Лайфист. Злой вы, негативный человек!

Мужик (*хохоча*). Ну, это, голуба моя, кому как.

Парень. Но ведь не сидеть нам тут до второго пришествия?

Проходит в угол к Бомжу, дергает последнюю дверь, та не поддается; возвращается, по пути без особой надежды рвет аварийные рычаги открытия дверей, затем останавливается около средних дверей и пытается раскрыть створки. Безрезультатно.

Просто мужчина. Стой! Не по рельсам же нам идти? Хочешь, чтоб током ударило?

Инженер в кепке. В метро током не бьет, в метро — сразу

убивает.

Парень. И правда. *(Отходит от средних дверей.)* Ну что ж, тогда будем мучиться — в «найди киллера» играть. *(Обращается к Бабе с пакетами.)* Угостите чем-нибудь, пожалуйста, очень есть хочется.

Баба с пакетами *(достает из сумки пирожок и протягивает Парню).* На, поужь трошки, сынку, замори чэрвячка.

Инженер в кепке *(медленно раскачивается из стороны в сторону, набирает темп, вдруг начинает орать).* Замори... замори... заморили... Человека убили! Че-ло-ве-ка! Вот просто так — в драке какой-то... Ехал себе, ехал, и всё... и не доехал... Нам человека, как оказалось, убить — это *(показывает на Бабу с пакетами и Парня)* что пирожок съесть! Есть человек, нет его!.. Вы «На дне» Горького читали? Так это про нас про всех! *(Бегает по вагону.)* А мы даже не на дне — мы вообще под землей. В могиле! Мы — трупы все. Это не пенсионер умер! Это мы! Мы — сдохли здесь! Сегодня! Сейчас! Я еще час назад нормальным человеком был, понимаете, я жил, как простой смертный. И только сейчас оказалось, что я умер. Что не жил я вовсе никогда, если вот так просто поддался... сломался...

Все с удивленными лицами смотрят на его хаотичные передвижения и слушают сумбурные выкрики.

Мужик. Так ты убил?

Инженер в кепке *(подбегает к нему).* Да вы не понимаете... То, как мы сейчас себя ведем... это уже неважно, кто воткнул... Понимаете — не ва-жно!.. Мы ж как стервятники, — вы вот кошелек утянули, мужчина кроссворд взял, просто так вот подошел по-житейски, как будто каждый день это делает, и взял кроссворд... у мертвого пенсионера... Парень — пуговку... да и я... хо-рош...

Парень. Вы-то что?

Инженер в кепке. А я смотрел на вас и не останавливал. Я тогда точно с душой попрощался.

Просто мужчина. Классическая интеллигентская позиция. Болтать и ничего не делать.

Парень. С душой прощаться. Рефлектировать.

Инженер в кепке (*бия себя кулаками в грудь*). Согласен с вами! Абсолютно с вами согласен! Знаете, я будто всю жизнь в вагоне ехал... ту-ту, ту-ту... А куда приехал? Куда?! Всё, нет меня! Сдох я здесь! Душу, душу потерял...

Мужик. А ты поищи. Может, и труп заодно найдешь.

Инженер в кепке (*подбегает к Мальчику с железной дорогой, берет у него один из вагончиков*). Я отдам, отдам, мальчик... Я не убегу... Мне уже некуда... Боже мой... Как это всё обыденно оказалось... А ведь не война... Вагон просто какой-то... (*Поднимает игрушку вверх.*) Каких-то несколько минут, несколько человек — и ты убийца! И кого? Пенсионера!

Мужик. Можно подумать, пенсионер — не человек, убить уже нельзя.

Парень. А был ли дедушка? Я вот уже и не уверен.

Инженер в кепке (*Парню*). Вы не шутите! Не шутите! Вы не то место для этого выбрали!

Просто мужчина. Это у него нервное.

Инженер в кепке. Вы еще не поняли, молодой человек, что произошло. Мы не пенсионера убили. Понимаете? Это мы себя зарезали. Походя, в вагоне!

Парень. Как в игре — я же говорил.

Мужик (*кивает на Инженера в кепке*). Эк его разбирает-то!

Инженер в кепке (*падает на сиденье*). Эх, люди, люди...

Возвращает Мальчику с железной дорогой игрушечный вагончик, обхватывает голову руками. Мальчик с железной дорогой пристегивает вагончик к игрушечному локомотиву и втягивает в игру Маму.

Остальные потихоньку, пряча глаза, подтягиваются к Бабе с пакетами.

Мужик. Мать, не будет пожрать чего? Оголодал я.

Баба с пакетами. *Йиж, йиж, сынку... Тоби с сыром чи з ковбасой?*

Мужик. И с тем, и с тем... И откуда у тебя столько жарчки?

Баба с пакетами. Та я ж у ресторане работаю. Со смены еду. Вы *йижтэ, йижтэ...*

Баба с пакетами угощает бутербродами и других. Все начинают жадно жевать.

Инженер в кепке (*разжав руки и подняв голову*). Даже сейчас... даже когда у нас труп... вы **едите**... никуда не **едете**, а **едите**... все, как один... Ну что вы за люди!..

Мужик (*с набитым ртом*). Так нет трупа-то... Ты чего? Нет трупа — нет проблемы. Это ж — здорово!

Инженер в кепке. О! Как это всё... Уже с ног на голову...

Женщина с длинными ногтями (*обращаясь к Инженеру в кепке*). Вы, конечно, где-то правы, но при нашей жизни, скорости, смене впечатлений... СМИ, наконец... Убийство уже не так и удивляет. Мы, в некотором смысле, даже привыкли. Смерть еще не пришла, а мы уже венки заказываем. (*Откусывает от бутерброда.*)

Инженер в кепке. Так это-то и ужасно! Для нас жизнь человеческая — пшик! Вы вот жуете, а мне кусок в горло не лезет!

Мужик. Надо себя заставлять... А то вондохлый какой, кто ж тебя на тяговую подстанцию возьмет?

Женщина с длинными ногтями (*Инженеру в кепке*). У меня просто трезвый ум и хороший аппетит. Почему я должна умирать из-за какого-то там пенсионера? Ну, убили... Да, согласна, нехорошо получилось. Страшно. Ну так ведь не я же убила, я в этом точно уверена. А милиция — она разберется. На то она и милиция. (*Кивает в конец вагона, в котором сидит нервно курающийся Лейтенант.*) Понимаете, в этой жизни каждому — свое...

Инженер в кепке (*открыв рот и хватая воздух, точно рыба*). Ничего себе позиция! Так и концлагеря можно оправдать.

Женщина с длинными ногтями. Знаете, никого не хочу

оскорбить, но и концлагеря порой очень даже... А то некоторые сильно в развитии отстают. Не поймешь, умерли давно или живут еще...

Инженер в кепке. Да вы фашистка! Вы с когтями!

Женщина с длинными ногтями. Нет, я просто сильный человек, в отличие от вас. И принимаю жизнь такой, какая она есть. Без ваших розовых очков и глупостей про жертв-убийц в одном лице. Всё это не ново, а выдается вами чуть ли не за озарение. Пошлость это всё – ваши образы...

Инженер в кепке. Человека убить – пошлость?!

Женщина с длинными ногтями. Не человека – убить, а кричать после убийства: «Позор мне! Как же я так пал?!» Вы же не любите жизнь, вы ее ненавидите... Если вы думаете, что это система вас довела до такого состояния, что вы, как говорили, с двумя высшими образованиями десять тысяч получаете, так, может, следует задуматься, а почему так? Почему один миллионом ворочает без какого-либо вообще образования, а другой – вот как вы...

Инженер в кепке. Потому что ворье вокруг сплошное!

Женщина с длинными ногтями (*вытирая губы платочком и обращаясь к Бабе с пакетами*). Спасибо. Очень вкусно было. (*Затем – к Инженеру в кепке.*) А я так не думаю. Я считаю, что один – сильный, а другой – слабак. И образования тут ни при чем. Вы к деньгам как относитесь?

Инженер в кепке. А как к ним еще относиться можно? Грязь это!

Женщина с длинными ногтями. Ну, я так и думала... Я вот иначе полагаю: я считаю, что деньги – это огромное счастье, это чудо, которое делает человека свободным. Более того, человек с большими деньгами, он же и других осчастливить может. Что бы вы, к примеру, сделали, если бы у вас появился миллион долларов?

Инженер в кепке (*в полном замешательстве*). Что бы... что бы... Да не знаю я, что... Ну, в начале сослуживцев бы угостил... (*Загибает мизинец.*) Жене шубу... (*Пауза.*) Не очень доро-

гую... *(Загибает безымянный палец.)* А, да! Ремонт бы обязательно сделал... У меня молдаване есть знакомые... Работящие, не пьющие, и берут недорого... А то, как вы перестроились все, лет пятнадцать к квартире не притрагивался... *(Загибает большой палец.)* «Девятку» бы купил... Тюнинг сделал, стекла затонировал... Или нет... иномарку какую-нибудь... «Daewoo», например, или «Hyundai»... *(Смотрит на оставшиеся два пальца – выбирает указательный. Застывает. Тут же прячет руку в карман.)* Остальное – в банк, под проценты...

Женщина с длинными ногтями. Не будет у вас миллиона.

Инженер в кепке. Почему это?

Женщина с длинными ногтями. Размаха нет. А если б и появился вдруг, совершенно мистическим образом, у вас миллион, то сослуживцев вы бы не угощали, а в лицо им плюнули.

Инженер в кепке. Это еще с чего бы?

Женщина с длинными ногтями. А вы их ненавидите. Вы вообще всех ненавидите. Власть, людей, деньги. Вы за маской инженера разрушителя прячете.

Инженер в кепке. Да? А вы, вы? Что бы вы сделали, если б у вас миллион был?

Женщина с длинными ногтями. А мне он не нужен.

Инженер в кепке. Всем нужен, а вам – нет?! *(Злобно.)* Ин-те-ре-снень-ко...

Женщина с длинными ногтями. А у меня уже есть.

Все перестают жевать.

Инженер в кепке. Да, да... *(С сарказмом.)* Поэтому на метро ездите...

Женщина с длинными ногтями. Да нет, конечно. Банальная ситуация просто вышла. Я у подруги задержалась на дне рождения. Выпили, разговорились... Честно говоря, не думала, что так задержусь. А водитель пораньше отпросился. Вот на метро и поехала... Лучше б, наверное, на такси. Но на такси как-то... в наше время...

Инженер в кепке (*язвительно*). Что-то слабо верится в вашу историю. Ну, и как вам метро *наше*? Не боязно?

Женщина с длинными ногтями. Терпимо. Как везде. Вы, Игорь Сергеевич, не обижайтесь. И правда, постарайтесь все-таки на вещи добрее смотреть.

Инженер в кепке (*с ненавистью смотрит на Женщину с длинными ногтями*). Мне кажется, мы не того убили...

Женщина с длинными ногтями (*высокомерно, с усмешкой*). Больше позитива!

Лайфист. Вот-вот. Позитивней надо!

Мужик. Глядите-ка, Арнольдик проснулся... Где был, голуба? Медитировал? Чё-то мы давно нашего зайца не слышали! Может, психотренинг со скидочкой проведешь? А то мы слегка невменяемые... А, заланец наш американский?

Лайфист. Не хочу. Устал. Завтра приходите, у вас на карточке адрес есть.

Мужик. Приду я, как же. Завтра. Вот приедем, только вы меня и видели все.

Парень (*вдаль*). А завтра так никогда и не наступило...

Женщина с длинными ногтями. Перестаньте уже. Не смешно. Предлагаю всем просто расслабиться и немного отдохнуть. Андрей Викторович, что у вас там за слово не разгадывается?

Мужчина с кейсом. Да вертится на языке, а всё никак... Вот смотрите...

Женщина с длинными ногтями. Интересно...

Инженер в кепке. Очень это по-русски...

Женщина с длинными ногтями. Что – по-русски?

Инженер в кепке. Человека убить, труп спрятать, потом сидеть – кроссворды решать.

Женщина с длинными ногтями. Что вы как... как... я не знаю... как Герцен, в самом деле? Вас, что, декабристы разбудили? Вас растревожили?

Инженер в кепке. Кстати, о декабристах! Кстати, о Герцене! Да! Разбудили! Да! Растревожили! При Герцене хоть жизнь была! Литература! Театры! Искусство!

Мужчина с кейсом (*обращаясь к Женщине с длинными ногтями и расстроено опуская кроссворд*). Ну зачем вы начали... Теперь его не остановишь.

Женщина с длинными ногтями. Чем же вас современное искусство не устраивает?

Инженер в кепке. Мерзостью! Плагиатом! Халтурой! Всех купили! Всех! Литературой уже давно «Макдоналдс» правит! Да что там... Вы кого последнего читали?

Женщина с длинными ногтями. У меня нет времени на всякую бесполезную ерунду, я только «по делу» читаю... Хотя... когда-то очень Чехова любила... (*Пауза*) А сейчас что в литературе? Вы бы кого порекомендовали?

Инженер в кепке. А никого! Никого, равным счетом! Я вот читал... всех их, всех читал... (*Делает круговое движение рукой*) Их нету. Они пишут, а их нет.

Мужчина с кейсом. Это еще как так?

Инженер в кепке. А вот так — это такие специально обученные издателями роботы, которые выдают на-гора всякую дрянь. И чем больше в книге дряни, тем выше ее тираж.

Женщина с длинными ногтями (*в усмешке*). Я так полагаю, вы и гонорары их подсчитали.

Инженер в кепке. Да, да, подсчитал. И что с того? Не в них дело. Пусть они писать научатся вначале, чтоб такие гонорары получать.

Женщина с длинными ногтями. Вы опять о деньгах. Как-то вам надо...

Инженер в кепке. Да! И о деньгах тоже! Потому что купили их всех — писателей! Я их читал, когда они только первые шаги в литературе делали. Так это на нормальные шаги похоже было, на искусство!.. Пусть тиражи небольшие, но хоть содержание вменяемое... А тут будто разом продались все! Трахаются только в романах и анашу курят! (*Обращается к остальным женщинам*.) Извините, пожалуйста...

Женщина с длинными ногтями. Ну, вообще-то писатель, как правило, окружающую действительность отображает.

Инженер в кепке. То есть солнце уже не заходит и не восходит? Пшеница не колосится?

Парень. Согласитесь, про колосья — это уже раз сто было, еще в школе.

Инженер в кепке. Ага, а вам больше всем про косяки нравится!

Парень. Ну, в общем...

Инженер в кепке. В общем, не в общем, но так не бывает. Я не против такого искусства, но это же засилье какое-то... А кино? А биеннале эти безумные с извращениями?.. Сплошь тусуются все — и хвалят друг дружку... (*Ходит по вагону гусем.*) Талантов-то настоящих — нет! Деланое это! Вы фамилии на обложках книг поменяйте, никто и не поймет, что автор другой... Потому что кругом — одни фаллосы... И критики вокруг них, обласканных издателями, увиваются и крупички истины выискивают... Нет там истин! Нет — и никогда не было! Какашки это всё, а не творчество!

Парень. Зря вы, конечно, женщина, про Герцена начали. Разбудили вы его. (*Обращается к Инженеру в кепке.*) Нормально всё читается, прикольно...

Инженер в кепке (*взрываясь*). Не «прикольно» должно быть, не «прикольно»! Когда о книге говорят — «прикольно», это значит, что книга ужасная! Книга учить должна, сердце будоражить, мозги, наконец!.. (*Пауза.*) А эти философы заморские, со своими путями-поисками?.. Я это всё у Киплинга в «Киме» еще читал, так там хоть написано было, выписано как!.. (*Поднимает указательный палец вверх.*)

Парень (*морщась*). Киплинг, кажется, «Маугли» написал...

Инженер в кепке. Это для таких, как вы, он «Маугли» написал, чтоб доходчивей... А для думающих он «Ким» написал... Что, неизвестна вам эта книга?.. А потому что — не «Макдоналдс»!

Просто мужчина. Такие, как вы, костры из книг жгут.

Инженер в кепке. А такие, как вы, в таком случае, всемирные потопаы устраивают... из макулатуры... Нельзя это продавать!

Нельзя! Плохо это! Дурно!.. Вот, девушка, скажите, вам имя Гессе говорит что-нибудь?

Девушка в мини (*жуя жвачку*). Без понтов. Чё я, лохушка какая?

Инженер в кепке. И что же?

Девушка в мини. Это кофе с мороженым. На Тверской.

Инженер в кепке (*перебивая*). Гессе – это писатель! Это не кофе! Это – «Сиддхартха»!

Девушка в мини. Чё он гонит? Глясе – это кофе. Или я попутала?

Парень. Попутала, попутала. Не парься.

Инженер в кепке (*победно*). Вот вам, пожалуйста!..

Женщина с длинными ногтями (*примирительно*). Ну, всё знать нельзя...

Инженер в кепке. Но основное-то – необходимо! Понимаете, просто жизненно необходимо... Чтобы выжить! Чтобы не «Макдоналдс»!.. А они нам своих закордонных чаек с алхимиками подсовывают... И так, знаете, по-простецки, каждую фразу разжевывая, чтоб любой даун понять мог... Что-нибудь вроде... «Наш герой вышел на край берега. Ему показалось, что птица парит в воздухе. Но это была не совсем птица. Это в небе парила его душа...» Да у Андерсена «Гадкий утенок» в сто раз больше чайкой был!

Женщина с длинными ногтями (*поправляя Инженера в кепке*). Лебедем.

Мужик. Хорошо не голубем, да, Арнольдик? (*Кидает на Лайфиста оценивающий взгляд*.)

Лайфист. Оставьте меня в покое, наконец!

Мужик (*напевая*). А я не знаю почему, а ты мне нравишься... А он мне нравится, нравится, нравится... (*Останавливается*.) Голубь по имени Арнольд...

Инженер в кепке. Да какая разница! Лебедем, не лебедем! Вы же понимаете, о чем я говорю! Нас пичкают всякой требухой, выдавая за деликатес, а мы жрем и жрем, вот как бабка!

Баба с пакетами. У мэнэ нервическое...

Инженер в кепке. Тупическое! Тупическое у нас всех! Актеров на сериалы разобрали, писателей на китайщину и японщину какую-то подсадили, художники кроме инсталляций вообще уже ничего путного сотворить не могут. «Это у вас что такое – красное в разводах?» – «Это инсталляция «Мать-Революция». – «А это что? Черное, разчувырканное?» – «Закат». Какой это, мать вашу музу, «Закат», какая «Мать-Революция»?! Это – паранойя! Чистой воды паранойя и бездарность!..

Баба с пакетами. Ты б, сынку, пойив чево-нибудь... А то кричишь, кричишь, как оглашенный!..

Женщина с длинными ногтями. И в самом деле, успокоились бы вы... Вы что, прозаик? Вас, что, романы с фаллосами писать заставляют? Сядьте, перекусите!..

Инженер в кепке. Так я только и делаю, что перекусываю!.. То книжку какого-нибудь распиаренного графомана почитаю – очередного гения от литературного стойла, то на биеннале схожу – на инсталляции попялюсь, низ с верхом поищу... То на статью маститого критика натолкнусь. И что удивительно – там, где он, критик этот доморощенный, кого-то с дерьмом смешал, там-то истинный художник и кроется, а вот там, где статья хвалебная – там миазмы сплошные... Ну, загадка!.. Страна – загадок! Королевство кривых зеркал прямо какое-то!.. А сериалы? А театр «за жисть»?.. *(Пауза.)* Всё перекусываю и перекусываю!..

Просто мужчина. Не доверяете критикам – читайте мнения обывателей в Интернете, там еще не то найдете.

Инженер в кепке *(будто его замкнуло).* ...всё перекусываю и перекусываю... перекусываю и перекусываю... А постоянно голодный!

Парень *(с усмешкой).* А вы не пережевывайте. Вы – сразу заглатывайте. Чтоб желудочный сок зря не гонять!..

Инженер в кепке. Вот вы всё шутите, а они – серьезно, между прочим. *(Вскидывает правую руку, очерчивает над кепкой круг.)* Понимаете, они с нимбами! Они с венками лавровыми! У них же словно взаправду всё... Будто это и есть жизнь – но это не жизнь, не жизнь! Я отказываюсь!

Парень (*подходит к Бабе с пакетами. Берет у нее бутерброд и огурец. Направляется к Инженеру в кепке*). Поешьте.

Инженер в кепке. Спасибо. (*Принимается жевать*.) Всё как взаправду. Всё! Как жить, как жить?!

Мужчина с кейсом (*поправляя очки*). Вообще как-то странно получается. Всё, что вы говорите, вроде правильно, а слушать вас не хочется. Почему так?..

Пауза.

Инженер в кепке. Правду никто слушать не хочет!

Просто мужчина. Слабак потому что.

Мужик. Глядите-ка, аппетит проснулся... Жрет!

Инженер в кепке. Я не жру! Я – вкушаю!

Просто мужчина. Это еще как посмотреть...

Женщина с длинными ногтями. Предлагаю все-таки вернуться к кроссворду...

Инженер в кепке. К какому кроссворду?! Мы человека убили! Где он?!

Мужик (*подходит к Инженеру в кепке, хлопывает его по плечу*). Тихо, тихо, юридивый. Всё хорошо... Нет его, и не надо... Зачем нам этот геморрой? Не было пенсионерчика, не было... Ему и так по жизни всего ничего оставалось... Всё, затихни... Не бы-ло!.. (*С этими словами разворачивается к остальным, внимательно заглядывает каждому в глаза*.) Так ведь?

Все одобрительно кивают. Мужик, удовлетворенный увиденным, возвращается на свое место.

В динамиках вагона что-то шумит, раздается скрежет, пассажиры напряженно прислушиваются. Голос машиниста: «Уважаемые пассажиры! Аварийная ситуация на линии устраняется. Убедительная просьба оставаться на своих местах. В ближайшее время поезд отправится. Приносим свои извинения за доставленные неудобства».

Тихо начинает звучать музыка.

Просто мужчина. Какой-то он подозрительно вежливый.

Мужчина с кейсом. Как не в метро прямо. И мелодия эта...

Инженер в кепке. Еще бы им не вежливыми быть... Знают ведь, что теперь по судам затаскают. Один моральный ущерб чего стоит... Впрочем, в нашей стране – это недоказуемо.

Женщина с длинными ногтями. Это если не попробовать никогда.

Мужик. Главное, объявились. Ща я им скажу, чё я о них думаю. *(Подходит к сигнальному устройству, уверенно давит на кнопку – в ответ ни звука.)* Тьфу! Ни фига. Как так?

Инженер в кепке. А как всё у нас. Связь в одну сторону. Сверху вниз.

Женщина с длинными ногтями. Ну так что, кроссворд, – или потанцуем?

Инженер в кепке. Вы в своем уме? После того, что случилось...

Мужик. Так, я не понял. Чё случилось, Игорек? Чё случилось? Мы же договорились. Так или нет? Я тя спрашиваю, Игорек. Или ты не с нами?

Инженер в кепке *(отводя глаза).* С вами, с вами...

Мужик. Ты смотри мне, порву. На кепки. А они пусть танцуют – дело молодое.

Мужик указывает на Деву в мини, которая уже вьется у поручня. Рядом с ней, в такт попсовой мелодии, перебирает ногами Парень. Просто мужчина сидит и отбивает руками ритм. Напротив него устроился вернувшийся Лейтенант, который напинает дружинника на дискотеке «застойных» времен.

Парень *(машет рукой).* Давайте разомнемся! Что вы там расцелись, как пенсионеры!

Женщина с длинными ногтями *(Парню, тоже машет).* Спасибо, мы лучше здесь загадки порешаем! Вы танцуйте!

Инженер в кепке *(в сторону).* Каждому – свое...

Женщина с длинными ногтями *(приглашающим жестом).* Ну

что ж, а нашему поколению остается кроссворд. (*Берет у Мужчины с кейсом брошюру с кроссвордами и сканвордами, читает вслух.*) По горизонтали — вид пассажирского транспорта, перспективный в условиях больших городов с насыщенным уличным движением. Отличается высокой эксплуатационной скоростью... Дальше пятно. Кровь, наверное... Пять букв.

Инженер в кепке (*задумчиво*). И там, и там пять.

Женщина с длинными ногтями. Где?

Инженер в кепке. Пятно. Кровь.

Женщина с длинными ногтями. Ну, с вами всё понятно. Пётр?..

Мужик. Поезд.

Женщина с длинными ногтями. Да ну нет, конечно. Metro это.

Инженер в кепке. Издевательство просто какое-то!

Женщина с длинными ногтями. По вертикали. Тоже пять букв. Несамостоятельное, а при оборудовании мотором — самостоятельное транспортное средство, движущееся по рельсам.

Инженер в кепке. Вагон!

Женщина с длинными ногтями. Правильно. Подходит. В нашем с вами случае, как вы понимаете, это средство самостоятельное... А вот это посложней. Девять букв. Координатор, контролирующий и регулирующий ход производственного процесса, график выполнения работ, выпуск продукции, и, как вы все, наверное, догадались, движение транспортных средств. Ну же, ну? Я вот догадалась. На «Д» начинается...

Мужик (*радостно*). Дегенерат!

Женщина с длинными ногтями (*жестко*). Нет.

Мужик. Как нет? Девять букв же?

Женщина с длинными ногтями. Это еще не значит, что оно подходит. Оно же с другими словами коррелировать должно...

Мужик. Коля... чё?

Женщина с длинными ногтями. Да ну вас... Диспетчер это. Так, пишем...

Инженер в кепке. Что это за кроссворд у вас такой? Что это

за измывательство?! Откуда вы его выкопали?!

Мужик. У пенсионера утянули. Ему уж всё равно. Не чтец. Но ежели он попросит, мы ему тут же – в момент – возвернем. Вот те крест – возвернем! Тока он уже никогда не вернется. По-нял? Не вер-не-тся. *(Показывает Инженеру в кепке кулак.)*

Мужчина с кейсом. И правда, странный кроссворд какой-то... *(Берет у Женщины с длинными ногтями брошюру, читает название.)* Сборник кроссвордов и сканвордов, выпущенный ко Дню Метрополитена.

Инженер в кепке. И что, там всё на одну тему?

Мужчина с кейсом *(перелистывая страницы).* Надо думать...

Инженер в кепке. Уберите его, уберите, наконец! И так тошно!..

Мужчина с кейсом *(откладывая брошюру в сторону).* Вы только успокойтесь. Вам и правда «Лайф-Лайф» бы не помешал.

Лайфист. Да, да!

Женщина с длинными ногтями. Я получше тренинг знаю. Сама иногда практикую. Хотите расскажу?

Инженер в кепке. И вы? И вы? Боже мой – кругом зомби!

Женщина с длинными ногтями. Ну так как, рассказывать?

Мужик. Валяйте, всё равно делать нечего... Бабка, попить нет чего?

Баба с пакетами. Минералочка.

Мужик. Давай. *(Берет бутылку, сосет из горлышка.)*

В этот момент к сидящим подсакивают Парень и Девица в мини.

Парень. Давайте расслабимся, нельзя же так!

Девица в мини. Оттяг! Оттяг!

Увлекают Инженера в кепке, Мужчину с кейсом и Женщину с длинными ногтями за собой. Все начинают пританцовывать. К ним присоединяются Лайфист и Просто мужчина.

Женщина с длинными ногтями (*в танце, обращается к Инженеру в кепке*). Вы послушайте, а там сами решайте. Это к «Лайф-Лайф» и прочим сектам никакого отношения не имеет. И денег платить никому не надо.

Лайфист (*подергивая тазом; недоверчиво*). Да?

Женщина с длинными ногтями. Представьте себе. Это, считайте, «Лайт-Лайф». Легкая, светлая и ясная жизнь! (*Обращается к Просто мужчине.*) Покрутите меня...

Просто мужчина (*крутит Женщину с длинными ногтями, недоверчиво замечает*). Ну, это только в мышеловке сыр бесплатным бывает.

Женщина с длинными ногтями (*вертится*). Я тоже вначале так думала. А оказывается, что мышеловка, мышь и сыр – это, по сути, лишь возможность выбора. И дело просто в том, кем вы себя считаете.

Инженер в кепке (*неуклюже переминается рядом, пытается поймать всё время ускользающую Женщину с длинными ногтями*). Человеком я себя считаю. Нормальным человеком! Читал... До сегодняшнего момента, как с вами со всеми познакомился.

Женщина с длинными ногтями (*хохочет*). Человеком-сыром или человеком-мышью?

Парень (*выделявая ногами кренделя*). Человеком-вагоном он себя считает... (*Напевает, перефразируя песню «Человек-свисток».*) Человек-ва-гон, человек-ва-гон...

Инженер в кепке (*обиженно*). Ваш этот символизм непонятный... И вообще, я устал... Я танцевать не умею.

Парень. А, всё равно музыка кончилась. (*Плюхается на сиденье*.) Класс!

Девушка в мини. Суперски!

Женщина с длинными ногтями (*усаживается, отдувается, обращается к Инженеру в кепке*). По-моему, это вы с символизма начали. С вашими «ту-ту, ту-ту»... Уф, здорово потанцевали...

Инженер в кепке. Да, неплохо... Так что вы там про «Лайт-Лайф» говорили?

Женщина с длинными ногтями. Что? А, ну да... Вам правда

интересно?

Инженер в кепке. А что еще делать остается? *(С издевкой.)* Человека убили, пожрали, потанцевали – самое время психотренингом заняться.

Женщина с длинными ногтями *(усмехаясь)*. Сарказм ваш принимается. Ну, ладно, поскольку и вправду заняться нам нечем, то слушайте. Существует методика так называемого альфа-уровня. Я не инженер по образованию, как вы, Игорь Сергеевич, но даже мне понятны основные положения этой концепции. Суть ее в том, что мозг человека излучает и принимает определенные волны. То есть одновременно является и приемником, и передатчиком. Поверьте мне на слово, но это уже давно доказано учеными и проверено на практике. Если мы находимся в состоянии активности, т.е. на так называемом бета-уровне, мозг работает в режиме четырнадцати-двадцати герц; когда же человек засыпает или просыпается, то это – альфа-уровень, при котором мозг генерирует частоты от семи до четырнадцати герц. Далее идут другие уровни, но нас они на данном этапе интересуют меньше всего, поскольку относятся к состояниям разных фаз сна. В чем же суть альфа-уровня?

Баба с пакетами. В чем?

Женщина с длинными ногтями. А в том, что это пока единственный открытый уровень, при котором человек может сознательно программировать свое подсознание и, наоборот, брать из него нужные ему программы. *(К Бабе с пакетами.)* Я не очень запутано?

Баба с пакетами. Не... Я поняла... Как с холодильником... Ложишь, берешь, ложишь, берешь...

Женщина с длинными ногтями *(снисходительно)*. Примерно. Но попробую объяснить иначе.

Парень. На нашем уровне.

Мужик. Дай послушать.

Женщина с длинными ногтями. Я продолжаю?

Парень. Угу.

Женщина с длинными ногтями. Спасибо. Так вот. На созна-

тельном уровне мы, что называется, разъединены, как отдельно взятые вагоны. А вот все вместе на уровне подсознания — вы, Пётр, вы, Игорь Сергеевич, вы, Андрей Викторович, и я — все-все — представляем собой единое целое. Один, так сказать, поезд. А поезд — это как бы всё человечество. Только вместе со всеми нами он может двигаться и достичь пункта своего назначения.

Мужик. То есть типа если мы наляжем, так он поедет?

Женщина с длинными ногтями. Понимаете, Пётр, это — образы. Поезд, вагоны... Жизнь так устроена, что каждый едет в своем вагоне. Но движется он только вместе с поездом. Пока человек этого не понимает, он стоит на месте, именно поэтому нужно всегда думать о целом составе. О своем месте в нем... о том, что вы везете в своем вагоне... Нужны ли вы поезду? Не отцепят ли вас где-нибудь в депо за ненадобностью? Но думать надо каждый день, постоянно, — будто вы подбрасываете дрова в топку. Каждый, каждый день...

Длинная пауза.

Молчание. Слова, произнесенные Женщиной с длинными ногтями, наводят всех на мрачные мысли.

Инженер в кепке снова берет у Мальчика с железной дорогой один из игрушечных вагончиков, вертит в руках, крутит колесики. Резко возвращает. Остальные, кроме Бабы с пакетами, которая занята поглощением пищи, на какой-то миг застывают. В тишине вагона слышится только шорох сумок и пакетов.

Мужик (почесывая макушку). А ведь дело! Это как про меня прям... Две ходки... семь лет в общей сложности... Вроде из тюрьги вышел... думал, по-новому заживу... вперед двигаться буду... семью, наконец, заведу... а чё семь лет назад, чё щас... стою, топчусь, а время идет себе... тик-так, тик-так... (В безнадеге машет рукой.) Ээ-х!

Инженер в кепке (вдруг вскакивая). Да не про вас это! Что вы лезете все! Про меня это! Это я всю жизнь топчусь! Женился, де-

тей нарожал, диссертации эти незащищенные... А как-то... будто на месте...

Мужчина с кейсом (*задумчиво кивает*). Да, да. Теплоизоляция... А зачем? Кому? Этим? Тем?

Просто мужчина (*хмуро*). Жена, развод, жена, — круговорот...

Парень. Я смотрю, ваш вагончик стихи повез.

Просто мужчина (*точно открыв для себя истину*). Я же холо- стьяк по натуре! Зачем я это всё?..

Женщина с длинными ногтями. Это потому, что своего поез- да не знаете.

Парень. Ну, ведь вы тоже с нами... тут... как бы... застряли...

Женщина с длинными ногтями. Юноша, я про поезд жизни говорю. Не про вагон, а про метрополитен! Понимаете меня?

Парень. Да понимаю я, понимаю... Только при чем здесь этот ваш альфа-уровень?

Женщина с длинными ногтями. А потому, что он с подсозна- нием связан. Там вы можете свои цели, свои чаяния программи- ровать. Вы рисуете картинки, а они потом материализуются... Человек картинками живет, которые рисует сам. Сам рисует, и сам в них живет.

Пауза.

Баба с пакетами. Знаю, знаю... Я *колы* сильно хочу шо-то, за- вжды *маю*. *Учора хотила* красенького крепленого, так со сва- дьбы, шо у нас у ресторане гулялы, две сумки уволокла... Еле до- перла...

Женщина с длинными ногтями. Не очень удачный пример, но правильный, скажу вам. Главное — желание и картинка. По- нимаете? Это не всем удастся — хотеть и получить, но это можно запрограммировать. А потом эта программа в сознательный уро- вень выплескивается, и картинка материализуется.

Инженер в кепке. Но мы же не компьютеры, в самом деле! Что вы говорите такое?

Женщина с длинными ногтями. В том-то и дело, что компью-

теры! Именно! Только в отличие от какого-нибудь «Пентиума» у нас есть право — запрограммировать себя самим.

Мужик. А чё, это только задавая храпака можно сделать? Мне ваще слово не нравится... Альфа эта... Мурашки по коже... Будто наручники щелкают.

Женщина с длинными ногтями. Это же название только. Вы всему свои имена вольны дать. Тут главное понять, что сознание — это ваш вагон, а поезд — он в подсознании находится. Вагон может сдвинуться с места, только когда поезд движется. Вот у вас есть мечта, юноша?

Парень. Да. *(Пауза.)* Я актером хочу стать.

Женщина с длинными ногтями. И? Учитесь уже где-нибудь?

Парень. На экономическом. На втором курсе.

Женщина с длинными ногтями. Вот, юноша. Ваш вагон стоит.

Парень. С чего бы это? У меня после окончания работа будет, зарплата хорошая. Экономисты сейчас везде нужны.

Женщина с длинными ногтями. Юноша! Бросайте вы ваш экономический. Не нужен он вам. Идите в кинематограф, в театр. Вы же хотели.

Парень. Ну, не знаю. Я с отцом говорил, у него связи только на экономическом... В кино нет никого. Да и конкурс там — закупаешься.

Женщина с длинными ногтями. Юноша, не становитесь вы чужим вагоном, не надо! Это всё папа, понимаете? Это папино «хочу», не ваше! Человек создан, чтобы быть счастливым, человек создан для того, чтобы реализоваться, чтобы достичь своих целей, чтобы все его мечты сбылись, а вы стоите на месте... вы цепляете свои вагоны к чужим поездкам.

Парень *(неуверенно).* Ай, да нормально всё... Никого я не цепляю.

Женщина с длинными ногтями. А надо бы цеплять. Надо бы. Поступками. Действием. Безумными выходками, наконец. Потому что в старости вы вдруг поймете, что всю жизнь простояли в депо, что всю свою жизнь только и думали, что выйдете из ремонта и встанете на новые рельсы. А нет там для вас места уже!

Нету!

Инженер в кепке. Куда я попал? Куда попал?.. Это палата для умалишенных! Что она говорит, что?! Эти вагоны какие-то, поезда, рельсы... Это... идиотизм какой-то! И что самое, самое... это... Это правда всё! Мы же не хотим двигаться, мы же все только рассуждаем о движении! А по сути-то — стоим!

Парень. Ну хорошо, брошу я экономический, а где гарантия, что...

Женщина с длинными ногтями. Вера — ваша гарантия. Желание. Вы же даже не пробовали хоть один шагок сделать. У вас картинка перед глазами неправильная. Понимаете, вы видите свой провал на конкурсе. Вы с вашим папой, который со связями, программируете в себе позицию неудачника. Вы уже сейчас... изначально обречены... Вы себя бухгалтером видите, а не актером.

Парень. Нет, ну почему... Закончу экономический, встану на ноги... и когда-нибудь...

Женщина с длинными ногтями (жестко). Не будет этого «когда-нибудь» с такой позицией. Подумайте, хорошо подумайте.

Баба с пакетами. Ну и як в эту альфу, прости Господи, входьты?

Женщина с длинными ногтями. Очень просто. Расслабьтесь, закройте глаза и то, что я буду говорить, тихо повторяйте за мной. Только глаза не открывайте.

Парень (мстительно). Типа как в «мафии»?

Лайфист. И с чего вы вообще взяли, что ваша лженаука... (Осекается.)

Мужик (показывает Лайфисту кулак). Глохни, ущербный!

Баба с пакетами (мистически, будто ей было знамение). Цэ вона, вона — вбывыця...

Мужик. Цыц! Никакая она не «вбывыця». И ваще, не было никакого трупа.

Лейтенант, Мужик, Девушка в мини, Баба с пакетами, Инженер в кепке, Просто мужчина и Парень расслабляются, закрыва-

ют глаза и хором повторяют за Женщиной с длинными ногтями. Лайфист кривится, но молчит, прочие с интересом наблюдают за происходящим.

Женщина с длинными ногтями (*мягким мелодичным голосом*). Мое тело совершенно расслаблено. Я глубоко вдыхаю, и на выдохе вижу падающие цифры. Глубокий вдох. На выдохе – три, три, три. Глубокий вдох. На выдохе – два, два, два. Глубокий вдох. На выдохе – один, один, один. Тело мое совершенно расслаблено, оно неосвязаемо. Я вижу шпалы. Я парю над ними. Я спускаюсь вниз. Я иду, считая шпалы. Я считаю их в обратном порядке. Глубокий вдох. Десять. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Девять. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Восемь. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Семь. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Шесть. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Пять. Выдох – всё дальше и дальше.

Баба с пакетами заваливается на сиденье и начинает похрапывать. Женщина с длинными ногтями ее не тревожит. Остальные продолжают сидеть в расслабленных позах.

Женщина с длинными ногтями продолжает:

Глубокий вдох. Четыре. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Три. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Два. Выдох – всё дальше и дальше. Глубокий вдох. Один. Выдох – всё дальше и дальше... Я вижу перед собой свой вагон... (*Длинная пауза.*) А теперь войдите к себе – в вагон. Что вы видите в нем? Что бы хотели изменить? Посмотрите, подумайте... Начнем с вас, Пётр... Только негромко...

Мужик (*вполголоса*). Тут решетки везде... и нары вместо сидений... я иду... параша... тьфу, хрень какая...

Женщина с длинными ногтями. Представьте, что вы держите в руках тряпочку. А то, что вы видите, нарисовано мелом на доске. Стирайте ваш образ, Пётр, стирайте. Берите новый мелок,

другого цвета, и начинайте рисовать. Пусть то, что вы нарисуете, оживет...

Мужик (*морщится, пыхтит, крутит головой. Через минуту*). Оба-на! Пацаны... Двое... И баба... Ла-а-дная... Не, ну титьки!..

Женщина с длинными ногтями. Некоторые мысли, Пётр, лучше не высказывать вслух, пусть они останутся вашими. Любите эту женщину, любите...

Мужик. Ну дык...

Женщина с длинными ногтями. А вы, Филимонов, что в вашем вагоне?..

Лейтенант. Там решетки везде... и нары вместо сидений... а на нарах... (*Пауза.*) Пётр...

Мужик. Я те ща!..

Женщина с длинными ногтями. Пётр, успокойтесь... Сейчас мы Филимонову всё исправим. Вы, Филимонов, сотрите всё, как я рассказывала, и нарисуйте что-нибудь приятное... Можете это даже в тетрадке школьной проделать, с карандашами и ластиком... давайте я вам помогу. Пусть это будет большая такая звездочка... Внутри нее бриллиант... От звездочки идет муаровая красная лента... Звездочка непростая, звездочка – маршальская... Вы в кабинете, коньяк...

Лейтенант. И жена Петра...

Мужик. Я его ща ухайдохая! (*Вскакивает с места, но глаза тем не менее не открывает.*)

Женщина с длинными ногтями. Пётр, сядьте! Лейтенант, прекратите! Что вы его провоцируете?

Лейтенант. Что представлялось, то и программировал.

Женщина с длинными ногтями. С вами невозможно работать. Так же нельзя... Что у вас, девушка?

Девушка в мини. Прям тут, при этих ка-азлах?!

Парень (*не открывая глаз*). Тебе привыкать, что ли?

Женщина с длинными ногтями. Не будем развивать тему, хорошо?.. Что у вас, многоуважаемый наш Игорь Сергеевич?..

Инженер в кепке. Это вы мне?

Женщина с длинными ногтями. Естественно.

Инженер в кепке (*удивленным голосом*). Многоуважаемый? Ко мне никогда так не обращались...

Женщина с длинными ногтями. Ну, это от содержимого ва-шего вагона зависит... Так что у вас?

Инженер в кепке. Они визжат, а я их стегаю. Они у меня по вагону ползают, прощенья просят... А я их плетьюми, плетьюми!.. Весь вагон в крови уже... Но нет им пощады, нет!

Женщина с длинными ногтями (*с интересом*). Кто же они?

Инженер в кепке. Известно кто... Олигархи, писатели эти, ки-нозвезды... Бомонд, короче.

Парень. По-моему, это он все-таки... пенсионера...

Просто мужчина. Вряд ли... Масштаб не тот.

Женщина с длинными ногтями. Мрачно, мрачно вы себе свой вагон представляете, Игорь Сергеевич. Вы сотрите всё и представьте, будто вы журнал с вашей фотографией рассмат-риваете. «Time», например... Или еще лучше, Канны, красную дорожку, вспышки фотокамер, вы с женой, под ручку...

Инженер в кепке. А кого ж я тогда стегать буду?

Женщина с длинными ногтями. А никого стегать не надо. Поезд сам поедет.

Просто мужчина. Такой поезд никуда не поедет... (*Открыва-ет глаза*.) Я вас, женщина, понял. Все мы свои вагоны рисуем... И пока у нас с рельсами в голове непорядок – никакого движе-ния из тоннеля не будет...

Женщина с длинными ногтями. Ну, примерно... Жаль, конеч-но, что вы все...

Она не договаривает. Резко гаснет свет. Поезд начинает двигаться.

Голоса в темноте.

Девушка в мини. Поехали! Суперски!

Женщина с длинными ногтями (*победно*). Я же говорила!..

Мужик (*напевая*). «Вагончик тронется, перрон – останется»...

И тут поезд снова останавливается. Свет не загорается.

Парень. Что?! Опять?!

Инженер в кепке *(с издевкой)*. Плохо запрограммировали, надо еще раз попробовать...

Мальчик с железной дорогой. Ма-ма! Ма-ма!..

Мама. Скоро приедем, сынок.

Загорается свет.

Мальчик с железной дорогой испуганно жметя к Маме. Она гладит его по голове. Успокаивает.

Мужчина с кейсом. Что это было? Мы же вроде поехали...

Инженер в кепке. Всё у нас «вроде»... Вроде столица, а вроде – деревня... Вроде едем, а вроде – стоим...

Мужик *(вскочив с места и широко раскинув руки)*. По-здра-вля-ю вас всех! По-здра-вля-ю! *(Начинает дико гоготать.)*

Женщина с длинными ногтями. Что еще случилось?

Мужик. А вы не видите, да? Не видите? И правильно, что не видите... *(Хохочет.)*

Мужчина с кейсом. Говорите яснее, в конце концов... Что с вами, Пётр?

Мужик. Куда уж яснее... Мента-то нет. Растворился...

Инженер в кепке *(поворачивая голову туда, где сидел Лейтенант)*. Да это черт знает что... вообще... что тут... это мистика ка-кая-то!..

Парень. Шок – это по-нашему!

Девца в мини *(надувая жвачный пузырь и хлопая по нему ладошкой)*. Опа! Сега-мега-драйф-ф-ф! Суперски исчезают!

Парень. В Москве появилась новая коллекция шапок-невидимок... Продаются в «Метро»...

Мужик. Он, наверное, за пенсионером пошел... Или альфовцы забрали... Чё, впрочем, одно и то же...

Мужчина с кейсом. Но это же... Нет, это как-то... Такого просто быть не может! Это чья-то шутка!

Мужик. Ты себя попрограммируй, попрограммируй... Предлагаю никого не искать. *(Обращается ко всем.)* Народ! Всё, всё! Стоп! Стоп-кран, говорю! Слуш меня! Трупа нет, мента нет... Чё у нас, значит, получается? А? А?.. Шевелите извилинами. Это, значит, нет ни убийства, ни сопротивления власти... Всё – чистые мы. *(Вытирает ладонь о ладонь.)* А ножичек мы сейчас выбросим. *(Направляется к храпящему Бомжу, приподнимает баул, брезгливо вытаскивает двумя пальцами за кончик лезвия нож и выбрасывает его за окно, после быстро-быстро затирает ногами остатки малинового следа, тянущегося по вагону, которые не стерли танцующие, и, довольный, садится на свое место.)* Всё! Баста!

Мужчина с кейсом. Да не бывает так! Это розыгрыш!

Инженер в кепке *(с совершенно серьезным видом).* Если это розыгрыш, и если это кто-нибудь, кроме нас с вами, видел, то это очень злой розыгрыш... Вы хоть понимаете, что мы все... мы все... души здесь наизнанку вывернули... Мы же так обнажились, что уже не оденемся никогда... Мы же теперь голые навсегда... Голые и грязные... Нам уже не отмыться! *(Застывает около одного из окон и читает вслух.)* «Места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми». *(Бездумно повторяет.)* «Места для инвалидов... Для инвалидов...» *(Приседает, бьет себя по коленям и заходится в нездоровом смехе.)*

Со своего места поднимается Бомж, подходит к пассажирам и тычет каждому в лицо дном бутылки.

Бомж. Ну что, долбаки... Поехали?..

На его фразу никто не реагирует.

Поезд трогается и постепенно набирает обороты. «Тудум-тудум, тудум-тудум...»

Все бросаются друг к другу, обнимаются, поздравляют. Будят Бабу с пакетами, увлекают в свой круговорот Бомжа. Обнимают и его. Мужик показывает в сторону зрительного зала:

«Народ! Уже станция! Станция! Это дело надо отметить! Тут недалеко кабак есть!.. Во! Во! Вагон другого поезда!», – машет зрителям: «Эге-гей!» Девушка в мини подпрыгивает: «Суперски!» Парень: «Ур-раа!» Мужик бросается к Женщине с длинными ногтями. Сгребает в охапку, смачно целует в губы: «Это всё альфа твоей! Это ого-го!» Женщине с длинными ногтями не очень приятны его прикосновения, но она тоже счастлива, и потому старается не подавать вида. И только Инженер в кепке постоянно спрашивает: «А где труп? Труп – где? Мы же все-таки человека убили!.. Он же как бы человек был... хоть и пенсионер...» Ему отвечают чуть ли не хором: «Да это неважно! Важно, что мы из тоннеля выбрались! Вот что важно... Сейчас по домам все...» Инженер в кепке: «А как же лейтенант? Он же там, наверное, в тоннеле остался?» – «Да сам выйдет, что вы переживаете! И вообще он – мент, ментом больше, ментом меньше... Всё так здорово!» – «Но ведь человек все-таки... хоть и мент...» – «Не берите в голову! Смотрите, нас уже встречают! Видимо, и правда что-то серьезное на линии произошло. Мы, считай, герои!.. Смотрите-ка... ка... камеры!»

*Вагон останавливается, и к нему со всех сторон сбегаются люди. У одних в руках камеры, у других – микрофоны. Впереди шествует в джинсовом костюме **седой** сухопарый **человек** со смеющимися глазами.*

Мужик (широко улыбается в объектив телекамеры). Да всё пучком у нас! Не парьтесь! Поначалу, конечно, непросто было, но когда люди кругом хорошие... (Прихватывает Лайфиста, тот оказывается у него под мышкой и начинает жадно хватать ртом воздух.)

Инженер в кепке (позирует фотографам и говорит в поднесенные микрофоны). Спасибо, господа, спасибо. Хочу выразить огромную благодарность нашему правительству за оперативное разрешение чрезвычайной ситуации на линиях самого красивого метрополитена в мире.

Баба с пакетами (машет в объектив). Доньку, цэ я! Маты

твоя! Сюды казаты, да? (Тычется в микрофон.) Хочу передать привет усим своим родственникам. Леша, Миша, диду Женя, я вам гостинцев видправыла... с человеком... Там икорки четыре банки, черной, и сервелату восемь палок... (Камера продолжает снимать.) А, забула... Диду Женя, вид геморрою чаю попей, почечуйного... и осиновые листья – пид зад! Диду Женя, листья на два часа засунь, на два!.. Не больше! (Склоняется над сумками.) Пидожды, рецепт скажу!..

Остальные тоже позируют, как на фотосессии, и дают интервью.

Девица в мини. А вы нас по TV покажете? Мы типа герои, да?

Седой мужчина. Герои, герои, девушка... Все вы герои... Примите наш поклон – от меня как режиссера и от всей съемочной группы нового реалити-шоу «Метрополитен»... Сердечно вас всех поздравляю с удивительным и незабываемым дебютом... Спасибо!

*В вагоне открываются два металлических ящика, находящиеся под обитыми дерматином скамьями. Из них поднимаются **Пенсионер** (без кроссворда) и **Лейтенант**, они выходят из вагона и направляются к собравшимся. К ним присоединяется **Бомж**.*

Щелкают затворы фотоаппаратов, глаза слепят вспышки.

«Герои» впадают в ступор. Мужик выпускает Лайфиста, тот плавно и медленно опускается на пол. Затем поднимается на четвереньки и застывает. Кажется, он вот-вот залает. Женщина с длинными ногтями нервно мнет подушечки пальцев. Девица в мини стоит в позе «Не усекла» – ноги на ширине плеч, руки в боки, пирсинг вперед, рот открыт. Баба с пакетами, нагнувшись к поклаже, так и застывает. При этом голова чуть приподнята, а глаза косят как-то снизу вверх на Пенсионера, помятого Лейтенанта и совершенно трезвого Бомжа. Из глотки булькает: «Чур меня, чур...» Мужчина с кейсом прижи-

мает в отчаянии чемоданчик к груди, будто защищается щитом. Парень заходится в смехе. Мама придерживает Мальчика с железной дорогой за плечи, в руках у него коробка с игрой — из которой один за другим выпадают вагончики. Он пытается одновременно ловить игрушки и не выпускать коробку из рук. Инженер в кепке то снимает головной убор, то надевает. Из рта вываливаются слова: «Честь и достоинство... По судам...» Просто мужчину зациклило, он стоит напротив Пенсионера, смотрит на него и начинает делать бессмысленные движения — поправляет галстук и чешет нос, поправляет галстук и чешет нос, поправляет галстук и чешет нос... При этом, как заезженная пластинка, повторяет: «Так, так, так... Вот, значит, как... Так, так, так...»

Седой мужчина. Познакомьтесь, господа. Актеры театральной труппы «Вагонетка»¹, которые были с вами всё это время и полностью контролировали ситуацию. А здесь наш самый главный реквизит. (Показывает нож с секретом, пакетик с малиновой жидкостью, затем берет у Бомжа бутылку и поднимает ее высоко вверх.) Наша главная скрытая камера!

Мужик (первый приходит в себя). Реалити... угу... шоу... угу... На всю страну, значит... Я же чувствовал, что он липовый, мент ваш... (Тянется к бутылке Бомжа, которую держит Седой мужчина.) Дай, не балуй...

Женщина с длинными ногтями. Пётр, Пётр... не надо... не надо... я прошу вас...

Просто мужчина. Подождите. Не сходится что-то. (Все поворачиваются к нему.) Кто-то еще должен быть... Ведь драка... (Пауза.) Там же лейтенанта не было, а пенсионер с бомжом... (Пауза.) Они же просто сидели. (Начинает озираться.) Кто-то четвертый должен быть... тот, кто драку начал...

¹ Может быть использовано название театра, в котором ставится пьеса.

Парень (*хохоча*). Вы еще не поняли? Нет никакого четвертого! Это мы!.. Мы!..

Все теряют интерес к Просто мужчине и переключаются на Мужика.

Мужик. Дай, не балуй...

Седой мужчина. Извините, не могу.

Мужик. Дай, говорю. Не понтись, фраер!

Седой мужчина. Не могу.

Мужик. Дай!

Инженер в кепке. Петя, Петенька... Третий срок – дадут...

Последняя фраза явилась для Мужика катализатором.

Мужик (*рванувшись вперед*). УБЬ-ЮЮЮ!

От удара Седой мужчина падает на пол. Мужик подворачивает ногу и валится на него. Операторы продолжают снимать происходящее с разных ракурсов. Седой мужчина и Мужик крутятся по сцене волчком. При этом каждый норовит не только ударить соперника, но одновременно дотянуться до бутылки. Остальные, за исключением Мамы и Мальчика с железной дорогой, которому она закрывает ладонями глаза, наваливаются на съемочную группу. Крушат камеры и лампы. Раздаются возгласы: «А вот сейчас всё будет по-настоящему!.. Это – мафия!.. Убью!..»

Поезд набирает обороты. В левом верхнем углу сцены зажигаются электронные часы, отмерявшие продолжительность спектакля. Под «Тудум-тудум, тудум-тудум» на сцену опускается полотно экрана. Кадры показывают зрителей, входящих в фойе театра, проходящих турникеты и занимающих свои места в зале. Зрителей – смотрящих спектакль.

Голос машиниста

(бархатистый и одновременно бесстрастный)

«УВАЖАЕМЫЕ ПАССАЖИРЫ!

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ, ВАС МОЖЕТ СНИМАТЬ СКРЫТАЯ КА-
МЕРА».

Занавес.

Москва, 18 – 25 июня 2006 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ИЗЮМИНКИ И БЕЗУМИНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Главным событием культурной программы VIII фестиваля театров малых городов России в Вышнем Волочке была встреча зрителей, участников и гостей фестиваля с писателем и драматургом Глебом Нагорным, сыном известного поэта, заслуженного деятеля искусств РФ, Юрия Кобрин. Литературный псевдоним Глеб Юрьевич взял по девичьей фамилии матери. Он – член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза театральных деятелей Российской Федерации, лауреат ряда литературных премий, автор романа «Флёр», сборника новелл и рассказов «День Города», пьес «Лайф-Лайф», «Салон ритуальных услуг» и «Красная Мельница».

По первой и основной профессии он – юрист. Член Адвокатской палаты г. Москвы, Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы и Профессионального союза адвокатов России. По его собственному признанию, именно юриспруденция дает ему средства к существованию. Но к своему увлечению литературным творчеством, театром и кинематографией он подошел вполне профессионально – к трем высшим образованиям (юридическому, экономическому и психологическому) прибавился факультет кинорежиссуры ВГИКа им. С. А. Герасимова (мастерская М. М. Хуциева), школа актерского мастерства при театре-студии под руководством В. А. Конкина и актерский курс при театральном центре «Гримерка» в Москве. Снимался в кино и выступил в качестве режиссера-постановщика ряда короткометражных фильмов, кандидат в члены Гильдии кинорежиссеров России.

На этом фестивале поставленный по его пьесе спектакль

«Life-Life» с успехом показал в конкурсной программе Молодежный драматический театр города Тольятти. Спектакль стал лауреатом фестиваля в номинации «Лучшая сценография». По традиции фестиваля сразу по окончании показа состоялся арт-клуб – обсуждение спектакля с участием артистов и членов жюри. Критики сошлись во мнении, что пьеса – образец хорошей литературы. Кандидат искусствоведения из Москвы Ольга Игнатюк отметила, что в отличие от большинства современных драматургов, автор словно бы прорезиссировал будущую постановку. Его ремарки отличаются обстоятельностью и дотошностью – «Бери и ставь!» Жюри фестиваля присудило Глебу Нагорному диплом за создание пьесы на современную тему.

А вот какой разговор с драматургом состоялся в театральной гостиной.

– Что больше всего Вам понравилось на фестивале?

– Вышневолоцкие зрители. В зале было много молодежи, подростков. Они оказались очень подготовленными и благодарными зрителями, живо реагировали на все, что происходило на сцене. После антракта начали аплодировать еще до открытия занавеса. А когда артисты вышли на поклон, зал приветствовал их стоя. Это очень приятно и говорит об отношении публики не только к просмотренному спектаклю, но и к театру вообще.

– Какую сверхзадачу Вы ставите перед собой, приступая к написанию пьесы?

– Я стараюсь писать так, чтобы это было литературное произведение, которое интересно читать. Ведь обычно пьесы тяжело читаются и далеко не все ставятся. Это большая удача, если кто-то из режиссеров выберет твою работу, да она еще и приживется в репертуаре театра. Или по твоему сценарию поставят фильм.

– Над чем Вы сейчас работаете, какие темы Вас волнуют?

– Работаю параллельно над несколькими вещами. Правлю пьесу «Русский Хэллоуин», действие которой происходит в Ан-

глии. Изредка пишу новеллы и рассказы. Но катастрофически не хватает времени, поскольку с головой погружен в адвокатскую деятельность, а творчество для меня только хобби.

Что касается тем, которые меня волнуют, то мне интересна судьба небольших провинциальных городов и их жителей. Например, в пьесе «Красная Мельница» действие происходит на шерстомойной фабрике, которая на первый взгляд выглядит гротескно, но такая фабрика существует в действительности. Жаль только, что и такие фабрики, и такие города, как Вышний Волочек, если ничего не предпринимать, через несколько десятков лет могут просто исчезнуть. Надо об этом писать и говорить, надо бить в набат, поскольку в этом целиком и полностью виновата проворовавшаяся исполнительная власть, рассекающая по рытвинам и ухабам наших городов на джипах.

— Как Вы относитесь к современной драматургии?

— За современной драматургией я слежу. К сожалению, в ее потоке много вещей, далеких от литературы — автор что видит, то и поет, калькируя действительность и напрочь забывая об изобразительных средствах. Более того, есть вещи, которые ни при каких обстоятельствах нельзя показывать со сцены. Это уже вопрос эстетической культуры и хорошего вкуса. Много «чернухи», к тому же авторы зачастую небрежно обращаются со своими героями и фактическим материалом. И все это выплескивается на зрителя.

Однако произведения молодых драматургов надо читать, в их потоке можно и нужно искать и находить по-настоящему интересные работы.

— В наше время опубликовать любое литературное произведение — проблема, пьесу — тем более. Есть опасение, что самое интересное как раз и окажется неопубликованным...

— Для этого есть Интернет. Я, как и множество других авторов, этим широко пользуюсь, и все мои тексты, как опубликованные в печати, так и ждущие своей очереди, размещены не только у меня на сайте, но и на серьезных литературных ресурсах — «Журнальный зал», «Читальный зал», «Мегалит», «То-

пос», «45-я параллель».

– Какие ощущения вызывают у Вас постановки ваших пьес?

– Мне интересно увидеть каждое режиссерское прочтение. Например, спектакль «Life-Life» два сезона при полном аншлаге шел в Русском драматическом театре Литвы и третий сезон идет в Ставропольском академическом театре драмы имени М. Ю. Лермонтова. Сейчас готовится постановка в Мурманском областном драматическом театре. В Ставропольском академическом театре пойдет пьеса «Салон ритуальных услуг». У режиссеров разные подходы к теме, спектакль живет и развивается. Мне было бы интересно, как его поставят на других подмостках, например, в Вышневолоцком драмтеатре или в Москве. Даже если пьесу в разных театрах ставит один и тот же режиссер, спектакли похожими не бывают, поскольку артисты, сценографы, музыка и, конечно, зрители – другие.

– Что Вас затронуло в последнее время из увиденного в театре или кино?

– Знаете, я всегда стараюсь объективно воспринимать то, что вижу на сцене, безотносительно к личности авторов и режиссеров. Скажем, мне не все нравится у Кирилла Серебренникова и не очень понятна ситуация с его назначением художественным руководителем Театра имени Гоголя, но «Зойкина квартира» в МХТ им. А. П. Чехова в его постановке – блестящий спектакль. Кроме изумительной режиссуры, сценографии и актерских работ там много всяких изюминок, фишечек и фенечек. И при этом не потерялся Булгаков, остался его мастерско-маргаритовский взгляд.

В кинематографе из последнего я в восторге от «Фауста» в режиссерском прочтении Александра Сокурова и «Меланхолии» Ларса фон Триера. Из прочитанного – любопытны пьесы братьев Пресняковых. Их тексты с безуминкой, но без безумия.

– Какие черты характера Вы особенно цените в людях?

– Обязательность и верность слову. В Москве есть замечательный литератор Евгений Степанов – гендиректор холдинга

«Вест Консалтинг» и главный редактор нескольких газет и журналов, в том числе журнала «Дети Ра», в рекордные сроки опубликовавший мои новеллы и рассказы в ряде изданий.

Для Москвы это вообще редчайший случай, чтобы человек дал слово не ради красного словца, а ради конкретного дела, и сдержал это слово. Я, конечно, Евгению Викторовичу за это очень признателен.

– Вы автор романа «Флёр». Есть задумка написать другой роман?

– У меня есть черновики еще двух незаконченных романов. Но для того, чтобы книги дошли до своего читателя, нужен хороший менеджмент. К сожалению, издатели романа «Флёр» оказались симпатичными людьми, но исключительно непрофессиональными менеджерами. Они издали роман с изумительными иллюстрациями и потрясающей полиграфией, но ровным счетом ничего не делали для продвижения романа на рынке.

Подобная ситуация была, если не ошибаюсь, у Пауло Коэльо с издательством «София», когда его книги кормили мышей на складах, пока в издательстве не поменяли менеджерский состав.

В итоге с издателями «Флёра» пришлось поступить достаточно жестко, но справедливо, через два года раздувания щек, обещаний и ничего не делания с их стороны — я расторг договор. В настоящее время все авторские права в полном объеме принадлежат мне. Видимо, люди забыли, что я прежде всего адвокат, а потом уже писатель.

– Сейчас театр все больше склоняется в сторону режиссерского театра, а актеры там только выполняют замысел постановщиков. Как Вы к этому относитесь?

– Когда я учился в институте кинематографии, у нас в группе были все режиссеры. А откуда брать актеров? Из своих. И когда я снимался в качестве актера, режиссерские амбиции приходилось прятать подальше. Иначе на съемочной площадке воцарится хаос. То же самое и на сцене. Пожалуй, я соглашусь с режиссерским театром.

– Вот пьеса написана. Как дать ей сценическое воплощение?

– Написал я «Лайф-Лайф» в 2006 году и начал ходить с распечатками по театрам Москвы. Так вот, в МХТ им. А. П. Чехова в 11 часов утра на проходной у секьюрити уже лежала пачка пьес. Сами понимаете, при такой конкуренции пробиться крайне тяжело. Правда, пьесу через неделю после написания собирался ставить Леонид Трушкин в Театре на Малой Бронной. Мы вели переговоры, и он предлагал мне писать специально для театра в год по пьесе, но что-то у него не сложилось с труппой, и худруком театра он пробыл очень не долго. В итоге постановка так и не сложилась.

А Владимир Хрущев из Молодежного драматического театра города Тольятти увидел эту пьесу уже в Ставропольском академическом театре в постановке Юрия Попова, и она ему очень понравилась. Что из этого получилось, зрители и коллеги видели на фестивале. Нередко случается, что сначала пьеса идет по провинции, а потом ее замечают в столице. Так было, если не ошибаюсь, с «Одноклассниками» Юрия Полякова. А вообще, на пробивание своих вещей, к сожалению, уходит больше времени, чем на написание. У нас ведь совершенно не развита система продюсирования. По уму, автор должен только писать, а доносить его произведения до читателя и зрителя должны литературные агенты и продюсеры. В Российском книжном союзе около 150 издательств, но политику определяют два гиганта, и авторы зачастую становятся заложниками политических игр на этом поле.

– Кого из драматургов XX века Вы выделяете?

– Пожалуй, Вампилова. А вот Эжена Ионеско я не люблю, хотя его «Носорог» сценически сделан безукоризненно. Но если в «Носороге» есть метафоричное содержание и форма, то в «Лысой певиче», «Уроке» и «Стульях», на мой взгляд, есть только форма. Понимаете, я не люблю откровенный бред, который мне активно подают ангажированные критики под соусом интеллектуального абсурда.

— А что из западной классики любите?

— Это покажется странным, но писать я начал после прочтения Генри Миллера. Люблю Ремарка, хотя оба эти автора стали с годами повторяться. Вообще, я учился в школе, которую мы в шутку называли школой с англо-литературно-историческим уклоном, и литературу в нас буквально вбивали, поэтому мы, как могли, изворачивались, используя в сочинениях чужие рецензии. А когда я прочитал Миллера, то понял, что, оказывается, можно писать по-другому — не хрестоматийно, не по правилам. Очень люблю Набокова. Особенно ценю умение работать со словом, что, как правило, не свойственно современным прозаикам. Не говоря уже о том, что многие занимаются самоплагиатом и переписывают самих себя. Те же Пелевин и Сорокин сегодняшние ничем не отличаются от самих себя десятилетней давности.

— Вам не хочется самому поставить свою пьесу или снять по ней фильм?

— Знаете, каждый должен заниматься своим делом. Но, как говорится, не зарекаюсь. Вообще, в институт кинематографии я поступал уже после тридцати лет на платное отделение, реализовав свою давнюю мечту. Думал, что достаточно заплатить для поступления. Но оказалось, что на каждое место претендуют около 24 человек, а приемные экзамены шли в четыре тура и продолжались с апреля по сентябрь. В итоге я был принят в мастерскую народного артиста СССР М. М. Хуциева — человека удивительно талантливого.

Многие из моих сокурсников сняли фильмы, получили какие-то премии на кинофестивалях, но почти все возвратились в свою прежнюю профессию, потому что надо кормить семью и иметь стабильный заработок.

Конечно, есть мечта снять свой фильм, но для этого нужны колоссальные деньги. Поэтому скорее всего это будет авторское малобюджетное кино. Но хочу заметить: неправда, что нет хороших современных пьес и сценариев. Они есть, их много, но им очень трудно пробиться на театральную площадку, не говоря

уже о кино.

– Почему с темой постановки своей пьесы Вы связали кино, а не театр?

– Наверное, потому что по одному из образований я кинорежиссер. А вообще, у нас в семье разделение труда. Отец отвечает за поэзию и мемуары, а я – за прозу, драматургию и публицистику. Мама – литературный редактор и самый строгий критик. Но повторюсь, каждый должен делать свое дело. И как можно лучше...

Беседовала Нина АЗАРИНА

«Дети Ра»,

№2 (100), февраль 2013 г.;

«Поэтоград»,

№6 (57), февраль 2013 г.;

«Тверской курьер»,

№17 (493), 16 ноября 2012 г.

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН – НЕ БЕССМЫСЛЕННЫЙ, НО БЕСПОЩАДНЫЙ

– Глеб, нам интересна судьба «Русского Хэллоуина», за который вы получили не одну, и не только литературную, а даже политическую (Демьяна Бедного) награду – ведь это был сначала роман, а потом роман-перформанс. Вам не кажется, что образ олигарха по-прежнему недовоплощён в отечественном искусстве – если не считать исчерпывающим одноимённый фильм (а он и впрямь едва выпрыгивает за уровень детективного сериала) по мотивам биографии покойного Березовского. Образ же ныне здравствующего Абрамовича, ставший в «Хэллоуине» центральным – пытался кто-то перетаскивать на сцену, ведь роман в модификации перформанса это и предполагал?

– Вообще говоря, «Русский Хэллоуин» изначально задумывался не как роман, а как сиквел пьесы «Салон ритуальных услуг». Насколько мне известно, в драматургии только Сухово-Кобылин использовал этот приём. В кинематографе, безусловно,

есть и сиквелы, и приквелы, но, насколько я знаю, в современном театре аналогов этому нет. Что касается главного героя, то ни к Абрамовичу, ни к Березовскому он, конечно, никакого отношения не имеет. Это некий собирательный олигархический образ, который в пьесе «Салон ритуальных услуг» вообще являлся второстепенным героем. И поскольку в «Салоне ритуальных услуг» действие, разворачивающееся на Рублёвке, заканчивается тем, что олигарх уезжает в Шотландию, то в «Русском Хэллоуине» всё как раз с Шотландии и начинается, а второстепенный герой становится главным.

В любом случае, это не роман, который стал перформансом, а наоборот, пьеса, которая по объёму и содержанию превратилась в роман. При этом драматургическую форму я сохранил. То есть вещь выполнена на стыке двух жанров – прозы и драматургии. Я вообще люблю искать редкие, необычные формы. Наверное, поэтому «Русский Хэллоуин» получил не только премии в драматургии, прозе и инсталляциях, но и вошёл в лонг-лист литературной премии Международного кинофестиваля имени Саввы Морозова.

Что касается судьбы «Русского Хэллоуина», то вполне возможно в ближайшие полгода состоится постановка по мотивам романа: в Москве, в «Театральном особняке» под руководством Леонида Краснова. Но загадывать не буду.

Театральный мир настолько изменчив, что строить какие-либо планы на будущее бессмысленно. Скажем, на постановку спектакля по «Салону ритуальных услуг» у меня года четыре как заключён договор с одним театром, тем не менее спектакль до сих пор не поставлен. И это при наличии подписанного контракта. Что там у худсовета в отношении пьесы кардинальным образом изменилось, какие «духовные скрепы» не в те пазы вошли, я уже, признаться, даже не интересуюсь.

– В целом, наш читатель чаще гадает, чем знает точно – как происходят те или иные награждения, кто курирует и финансирует литературные и театральные премии. Просто возникает очередной автор с очередным «орденом» и вроде бы –

вот оно, признание... В коридорах этой власти вам удалось почерпнуть что-то интересное не только как претенденту на премию, а ироничному наблюдателю?

— Откровенно говоря, если бы за мной стоял издатель, литературный агент или театральный промоутер, я бы палец о палец не ударил, чтобы участвовать в каких-либо конкурсах и премиях, поскольку у меня отношение к творчеству предельно конкретное: проза должна выходить в книгах, а драматургия — ставиться в театрах. Все эти дипломы, знаки отличия и премии приятны первые десять минут, и если они не имеют финансовой составляющей или не становятся трамплином к последующим публикациям или театральным постановкам, то, по большому счёту, это просто красивые бумажки в рамках. Иногда с вензелями и печатями. Дело в том, что я вынужден участвовать в различных литературных премиях и конкурсах, чтобы хоть как-то донести свою прозу до читателей, а драматургию до театров. Что касается «коридоров власти», то это давно уже секрет Полишинеля. Почти все драматургические премии так или иначе находятся под жёстким контролем «новой драмы», абсолютно во всех престижных литературных премиях вы будете с завидным постоянством наткнуться на одни и те же издательства, «толстяки» и фамилии шорт-листеров. Это даже обсуждать как-то неловко. На эти темы написаны десятки разоблачительных статей, а воз и ныне там. За последний выбор Нобелевского комитета вообще стыдно. «Политическая пощёчина» Белоруссии и России, думаю, не стоит того, чтобы из-за этого обойти вниманием более талантливых претендентов, чем Светлана Алексиевич. В частности, тот же Харуки Мураками с точки зрения писательской амплитуды, художественного дара и мирового признания объективно более достойный кандидат.

— **Никита Михалков подал свою очередную кинематографическую неудачу на «Оскар» — не сам, конечно, подал, но мы догадываемся, как оно происходит и как оно там у него всё «схвачено». Вопрос в связи с этим — а какова вообще система отбора**

и на скольких кинофестивалях можно «покрутить» своё кино?

— Неудача — это ещё слабо сказано. Вообще говоря, есть категория режиссёров, которым после определённого возраста категорически нельзя снимать. Вспомните, какую конъюнктурную чепуху в конце восьмидесятых-начале девяностых снимал Гайдай. В случае же с Михалковым это ещё и сусально-благодостная конъюнктура. Иначе как «гротескным реализмом» я это назвать не могу. И это снял тот же человек, который подарил миру прекрасные картины, которые по праву стали классикой кинематографа. Честно говоря, я это могу объяснить только какими-то глубокими возрастными изменениями... Что касается кинофестивалей, то это отдельная и очень масштабная тема. На мой взгляд, все эти кинофестивали огромная профанация, рассчитанная на обывателя. Люди, которые не имеют никакого отношения к кинематографу, ведутся на эти премии, поскольку не имеют ни малейшего представления, как это на самом деле происходит.

Первый раз я заинтересовался кинофестивалями, когда мой приятель принёс DVD с фильмом какого-то не то алжирского, не то марокканского режиссёра. Эта дичайшая лабуда была вся увенчана лавровыми венками. После просмотра, я приятелю прямо заявил, что более унылой и беспомощной вещи мне видеть не приходилось, на что получил от него вполне резонный обывательский ответ: «А как же премии? Посмотри сколько наград!» И вот тут я заинтересовался этим процессом. Признаться, даже не ожидал, что так легко можно сделать себе имя на кинематографическом поприще. Хотя, казалось бы, кино делать сложно и достаточно затратно, если это, конечно, не авторское малобюджетное кино, как в блестящих случаях с «Пылью» Сергея Лобана и «Портретом в сумерках» Ангелины Никоновой, когда бюджет первого фильма обошёлся всего в три тысячи долларов, а второго — в двадцать тысяч.

Чтобы было понятно, я приведу только цифры. Для сравнения возьмём литпроцесс. Если подсчитать все русскоязычные престижные литературные премии, достойные фестивали-кон-

курсы, все драматургические конкурсы, серьёзные поэтические награды и премии «толстых журналов», то в общей сложности по всему русскоязычному миру и во всех жанрах их наберётся немногим больше пятидесяти. При этом драматурги и поэты будут связаны по рукам и ногам только своими жанрами, а стало быть, и конкурсами очень узкой направленности. В русскоязычной драматургии их вообще не больше десяти.

А теперь поговорим о кинопремиях. Режиссёр Алексей Учитель в одном интервью назвал цифру – вы только вдумайтесь – 2000 кинофестивалей по всему миру. Я в СМИ наталкивался на цифру вообще в 4000. Только в России проводится порядка 100 кинофестивалей. Но что удивительно, полнометражных художественных фильмов в России тоже снимается плюс-минус 100. И представьте, что вы не лентяй, и сильно озаботились фестивальной судьбой своей киноленты. Делаете титры к фильму на английском языке и совершенно свободно начинаете окучивать фестивали от Канады до Австралии.

В качестве примера приведу два фильма без оценки качества кинолент и таланта авторов. Полнометражная картина Славы Росса «Сибирь. Монамур» взяла 70 наград на различных кинофестивалях, короткий метр Сергея Цысса «Второе дыхание» участвовал в 300 фестивалях 50 стран мира и получил около 60 наград, то есть фактически «выстреливал» каждый пятый фестиваль. А теперь вообразите, что вы отправили свой фильм даже не на 300, а хотя бы на 100 фестивалей. Предположим, на 50 фестивалях вашу ленту по тем или иным причинам в конкурсную программу не отобрали: не понравилась работа, не подходит по тематике фестиваля, вы в соцсетях зацепили кого-то из членов жюри и т. п. А в 50, напротив, к фильму отнеслись вполне благосклонно. Если вы сняли не откровенную чушь, то 5–10 наград вам обеспечено. Причём на кинофестивалях номинаций же масса: Гран-при, лучшая режиссёрская работа, лучшая операторская работа, лучший сценарий, лучшая мужская роль, лучшая женская роль, лучшая роль второго плана, лучшая музыка, приз зрительских симпатий. Конечно, на «Оскар» сам

себя, любимого, не подашь, тебя должны именно «выдвинуть», но для участия в большинстве кинофестивалей вообще никто не нужен. Зачастую достаточно в электронном виде заполнить анкету и выслать ссылку на скачивание фильма. И это при том, что возможность участия в подавляющем количестве фестивалей вообще бесплатная, а где-то имеет очень символическую сумму. Более того, это участие, как правило, ещё и не ограничено географически. Как я говорил, вам достаточно сделать титры.

Скажу больше, существует ряд компаний, которые специализируются на продвижении и отправке фильмов на российские и зарубежные кинофестивали. Например, услуги «Сinergo» стоят «6 500 руб. ежемесячно за 200 +\– фестивалей в год, что составляет по 15 +\– фестивалей в месяц». И вот вы уже во Франции, Италии, Германии. И тут ведь есть ещё один нюанс. Обыватель не делает различия, скажем, между конкурсной программой короткометражных фильмов Каннского кинофестиваля и «Short Film Corner» Каннского кинофестиваля.

Поясню, чтобы было понятно. Представьте себе Московский зоопарк, около которого ютится небольшой зверинец. Вот этот «Уголок короткого метра» и есть тот самый зверинец при Каннском фестивале, который прямого отношения к конкурсу короткометражных фильмов не имеет, являясь всего-навсего «площадкой для творческого и делового общения профессионалов и продвижения короткометражного кино», что, собственно говоря, прямым текстом следует из информации, размещённой на официальном сайте Каннского кинофестиваля. Фактически это такой ларёк «Союзпечати», примкнувший к супермаркету. Поэтому когда какой-нибудь режиссёр бахвалится в СМИ и блогах участием в Каннском фестивале, не поленитесь, помониторьте, в какой программе его фильм принимал участие.

Теперь по поводу уровня фестивалей. Многие российские режиссёры делают упор только на международные кинофестивали категории «А», которые утверждены Международной федерацией ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF), такие как Каннский, Берлинский, Венецианский, Шанхайский кинофести-

вали, фестиваль в Локарно, в Карловых Варах, ММКФ и т.п., либо ориентированы на достаточно знаковые российские кинофестивали, скажем, «Кинотавр», и вообще больше чем в десяти-двадцати фестивалях участия не принимают, берут, что называется престижем, а другие, напротив, «режиссёрский вес» набирают количеством и шлют свои фильмы от Торонто до Сиднея, от Камчатского края до Калининградской области. Ведь сегодня любая уважающая себя «деревня» считает своим долгом пустить «красную дорожку» к клубу. И всё что потом требуется от режиссёра, это просто ездить по этим «деревням» за своим детищем, отлавливать журналистов и раздавать интервью. Всё. Иллюзия «режиссёрского имени» создана. Дальше уже идёт манипуляция гипотетическим зрителем в соцсетях, который видит только скан диплома где-нибудь в фейсбуке и нежное нарциссическое селфи со статуэткой, не понимая, что эта премия никакого престижа в кинематографической среде вообще не имеет. Тем не менее по соцсетям тут же несётся лава из любвеобильных лайков и щедрых перепостов, а журналисты подхватывают режиссёрские байки про международные награды. Таким образом аудитории очень легко запудриваются мозги.

Я не буду называть фамилию одной дамы, но как-то на ютубе я посмотрел её совершенно чудовищную короткометражную работу. Причём — что с точки зрения содержания, что с точки зрения технического уровня. И что бы вы думали? Работа завоевала две премии в США на каких-то одному американскому богу известных фестивалях. О чём это говорит? О том, что даже откровенный бред имеет все шансы получить награду. Словом, колоссальная девальвация кинопремий произошла. И причина тут одна — это их неимоверное, совершенно запредельное количество. Обыватель же, как я говорил ранее, с одинаковым успехом проглотит и Каннский кинофестиваль, и его «уголок».

— **Политическая конъюнктура в истории всех награждений Михалкова очевидна: в начале 90-х требовалось «советское покаяние», оно и было получено в «Утомлённых солнцем»,**

но вряд ли можно на этом закончить список «политически подгадавших». Появление, например, в кинопремиантах такой упаднической вещи, как «Овсянки» — чем на ваш взгляд может быть обусловлено? Сползанием «прогрессивной» интеллигенции через православие уже в откровенное язычество?

— Всё гораздо проще. Дело, конечно, не в православии и не в язычестве. Надо просто понимать, что конъюнктура бывает двух видов. Патриотическая и либеральная. Часть фестивалей, они как раз ватнического толка, часть, напротив, белоленточного. И аудитории у этих премий соответствующие. Тут главное держать нос по ветру. А большинство режиссёров, к сожалению, ориентированы не столько на зрителя, сколько на статуэтку, поскольку сегодня во главу угла ставится не талант, а тщеславие. В киносреде даже есть такая шутка: «Хочешь оторвать премию? Посмотри, какой фильм получил на этом фестивале в прошлом году Гран-при и сними нечто похожее». Поэтому множится очень много унылого авторского кино «за жисть». С утомительным и длинными планами, чернушной драматургией, маргинальными героями. Этакий а-ля русский экзистенс. «Овсянки», к слову сказать, не такое уж плохое кино. Есть гораздо более фестивально-унылая тягомотина, мало имеющая отношения к жизни. В итоге получается никому не нужное плагиативное «фестивальное кино», в котором по едкому замечанию Светланы Проскуриной «человек два часа конструируется по экрану». Помню, во ВГИКе даже ходил анекдот на тему премиального кино. Режиссёр говорит актёру, стоящему на берегу моря: «Походи у воды. Посмотри вдаль. Постой, покури. И побольше задумчивости». Актёр спрашивает режиссёра: «А о чём всё-таки этот фильм? Какая моя сверхзадача?» Режиссёр: «Тут нет сверхзадачи. Это фестивальное кино. Оно о нас, о всех о нас...» Вот в таком ключе, к сожалению, сегодня российское кино и снимается. Якобы про нас, но почему-то в это невозможно поверить, да и смотреть можно только хорошо насосавшись водки и желательного с кокаином. А проблема тут одна: дело в том, что не рассказываются внятные, креп-

ко сбитые, драматургические истории. В киноленте будет что угодно: шалтания-болтания героев по экрану, длинные планы, будут задействованы краны, рельсы, стэдикамы и «долли», но не будет главного — взаимоотношений между людьми. Но зато в каждом режиссёре откроет глазки маленький Тарковский или Герман-старший. Из всего потока киноработ прошлого года я вообще могу выделить только две киноленты — это «Дурак» Юрия Быкова и «Класс коррекции» Ивана Твердовского. Поэтому не стоит удивляться, что наш кинематограф находится в глубокой, ну, вы поняли где... И тут, конечно же, дело не в зашоренных недалёких зрителях, а в самих режиссёрах. Снимая кино «не для всех», они фактически снимают кино «ни для кого». Поскольку всё это кино из разряда «для меня, членов юри и моего кота на кухне». Ни о каком серьёзном прокате тут речи быть не может, поскольку и бесплатно в Интернете это зачастую смотреть невозможно... А вспомните одиозный «Левиафан» Звягинцева. Если заметили, это был чуть ли не единственный фильм прошлого года, который просто казнили в соцсетях за сценарий. Там же веры нет прежде всего в бытовые отношения между героями. То есть показана такая сценарная чушь, якобы происходящая в российской глубинке, которая очень по сердцу либералам-западникам, но в которую крайне сложно поверить, просто начав анализировать сам сценарий и взаимоотношения между героями. И я, откровенно говоря, удивлён, что Звягинцев снял визуально любопытное кино с крепким актёрским ансамблем и, как всегда, изумительной операторской работой, но при этом на таком рыхлом материале. В принципе, я предполагаю, почему это происходит. Дело в том, что Звягинцев — это такой Михалков наоборот. И если один стал снимать пафосную белиберду для «людей в погонах», то другой с упорством плодит фестивальную конъюнктуру для «любителей печенек».

— **А сами не хотите что-нибудь снять? У вас же одно из образований ВГИК-овское, мастерская великого Марлена Хуциева.**

— Это сложный вопрос. С одной стороны, я очень не люблю

незавершённые гештальты, с другой, прекрасно понимаю, что в индустрии могу рассчитывать только на малобюджетное авторское кино. И тут есть большой соблазн начать снимать фестивальный унылый бесперспективняк, просто потому что нет ничего проще, как слепить нечто тягостное и якобы элитарное. А плодить очередной деструктив мне искренне не хочется. Снимать же ради того, чтобы снимать — я тоже не вижу смысла. Есть и ещё одна проблема. Кино для меня это как раз тот случай, когда мне мешает собственное воображение. Многие сравнивали мой роман «Флёр» с киноработами Терри Гиллиама. Но то, что я могу себе позволить в прозе, невозможно воплотить в кино без наличия колоссального бюджета. А его не будет, тут надо быть реалистом. Но желание снимать, безусловно, есть. Тем более, что с технической точки зрения снять кино сегодня можно и без вложения огромных средств. Поэтому дело осталось за малым. Наступить на горло собственному воображению, не прельститься фестивальными ветрами и веяниями и постараться снять что-нибудь просто человеческое.

Беседовал Дмитрий ЧЁРНЫЙ

«Литературная Россия»,

№36 (2719), 16 октября 2015 г.

ПИСАТЕЛЬ — ЭТО СТИЛЬ

Нашумевший «роман-файл», как называет его автор, а вслед за ним и критики, и читатели, ставший на данный момент самым известным произведением Глеба Нагорного, бесспорно, хорош и интересен. Но творчество этого автора не ограничивается лишь одним произведением, а сами его работы отличаются друг от друга и по стилю, и по реализации. Главы его нового произведения вы можете увидеть на страницах бумажного издания «Контрабанды». А сегодня мы поговорим с их автором — юристом Глебом Нагорным. Это не ошибка, Глеб Нагорный в самом деле юрист. Но, кроме этого, он еще и писатель. О том, кого в нем больше, писателя или юриста,

о его старых и новых книгах и немного о вечном.

«Контрабанда»: Ваш роман называют «роман-файл». Это рождает много ассоциаций с компьютерами, техникой, программированием... это намеренно? В нем есть какая-то «программа», которая взаимодействует с «пользователем»?

Глеб Нагорный: Безусловно. Тем более что главный герой, Флёр, сам является одновременно и файлом, и романом. Это намек на то, что все мы без исключения являемся файлами и живем в своеобразном компьютере. По моему глубокому убеждению, люди рождаются неравными по определению — с изначально заложенными в них программами, разными потенциалами и векторами. Понимаете, чтобы стать Ломоносовым, нужно родиться с талантами Ломоносова. Грубо говоря, быть запрограммированным. Поэтому вопли о всеобщем равенстве и братстве и единых для всех правах — все это от лукавого. Человек, рожденный в фавелах Рио-де-Жанейро или трущобах Дели, уже по вложенной в него программе не равен младенцу из Виндзорской династии. Да что там далеко ходить, соционика насчитывает шестнадцать психотипов. Все это совершенно разные люди-файлы. А теперь относительно самого компьютера. На протяжении всего своего существования человечество не выдумывало ничего, что бы ни наличествовало в том или ином виде в природе. Скажем, летательные аппараты — все это трансформации уже существующих в мире конкретных примеров. Попросту говоря, пернатых. Так и с компьютером. Сильно подозреваю, что кто-то гениально считал суть, если хотите, внутреннюю изнанку мира и в итоге создал пластмассовую коробку с программами, файлами, всемирной паутиной и виртуальной жизнью. Кто вы? Человек или блог? Файл дрожащий или право имеете? Примерно это я и пытаюсь донести до читателя-пользователя.

«Контрабанда»: Когда Вы начали писать, как сами отреагировали на это? Вот жил человек, работал, и вдруг — писатель... Как оно было?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, никаких особых изменений я в себе не ощутил. Мне было просто любопытно попробовать. Я попробовал. Вроде бы получилось. Стал продолжать. Тем более что для писательства никто, кроме самого себя и ноутбука, не нужен. В отличие, скажем, от кинотворчества с колоссальными финансовыми вложениями или изобразительного искусства с приобретением холстов, красок, багетов и прочих материалов. В этом плане прозаикам или поэтам, конечно, гораздо легче, чем людям других творческих профессий. Да и энергетические затраты у них, на мой взгляд, существенно ниже. А я, надо сказать, человек достаточно ленивый.

«Контрабанда»: **Кем Вы себя ощущаете – писателем, который еще и работает в юриспруденции, или юристом, который пишет книги?**

Глеб Нагорный: Я, безусловно, юрист. Но, скажем так, с творческим потенциалом. Но писателем, тем не менее, себя не ощущаю. Дело в том, что за двадцать лет я так ни разу своей профессии и не изменил. Может быть, и хотел бы что-то кардинально поменять с профессиональной точки зрения, поскольку, откровенно говоря, юриспруденция достаточно скучна и однообразна, но творчество сейчас мало кого кормит. Поэтому вопрос писательства для меня скорее просто забавное времяпрепровождение. Тем более что мало кто в наше время может назвать себя писателем, зарабатывающим именно литературным трудом. Таких людей, наверное, по пальцам пересчитать можно. Литературные журналы в подавляющем большинстве гонорары не платят, а если и платят, то этих денег хватает на пару бизнес-ланчей. Колоссальное количество книг выходит в самиздате. Даже под шапкой именитых издательств. Есть, конечно, топовые авторы. Но их с десяток-другой. Остальные, как вы понимаете, сидят в фейсбуке – разбрасывают ссылки на свое творчество и, к сожалению, нередко вынуждены собирать деньги на издания своих книг краудфандингом. Даже союзы писателей давно превратились в формальные организации, которые многие годы попросту не выполняют своих непосред-

ственных функций – защиты и материальной поддержки авторов. А успешный писатель – это ведь не только чистое искусство, это еще и тиражи, и гонорары, и выделенная от союза квартира, и творческие путевки. Как, собственно говоря, было четверть века тому назад. Вообще творческий человек не должен быть сирым и убогим, иначе он плохо кончит. Фраза «художник должен быть голодным» – это, на мой взгляд, редкая по своей циничности демагогия. А за последние тридцать лет творческая среда оказалась, к сожалению, полностью разваленной и финансово незащищенной. Причем это происходит не только в литературной сфере, но и в театральной, и в кинематографической. На десяток топовых писателей приходится десятки тысяч членов разнообразных союзов. ВГИК, ГИТИС, Щукинское и Щепкинские училища ежегодно выпускают тысячи безработных актеров и режиссеров. А на экранах при этом мы видим одни и те же лица. Творческая профессия сегодня фактически убита государством – и, на мой взгляд, это не менее актуальная проблема, чем проблемы мизерных пенсий, деградирующего образования и некачественной медицины. И если раньше люди рвались в творческие союзы и гильдии, считали за честь быть принятыми в профессиональные ряды, то сегодня все эти союзы-гильдии превратились в пустой звук. Не говоря уже о том, что только в нашей стране возможна ситуация, когда знаменитый писатель, актер или режиссер умирает в глубокой нищете.

«Контрабанда»: А что вообще, по Вашему мнению, делает человека писателем? Что он должен сделать, сказать, каким быть, чтобы иметь право называться писателем?

Глеб Нагорный: Ну, прежде всего, он должен владеть языком. Под этим я подразумеваю не просто навык соединять слова во фразы, а умение из этих слов и фраз создавать самобытные сюжеты. Причем не только основанные на содержании, но и на стиле. Вы никогда не перепутаете, скажем, Гоголя с Набоковым, а Набокова с Булгаковым. Дело в том, что писателями их делали в первую очередь уникальный стиль и неповторимый

язык. К сожалению, современная литература очень «размыта» в этом плане. Вы можете прочесть, на первый взгляд, топовую книжицу популярного автора, — как принято говорить, «знакового», — но на поверку окажется, что такую книжку мог бы с легкостью симитировать его коллега по цеху. Блины, как известно, все умеют печь, а вы попробуйте бисквитный торт создать. Так что: писатель — это стиль.

«Контрабанда»: Вы продумываете идею или она приходит и требует быть написанной, а Вы уж после ее шлифуете и вносите правки?

Глеб Нагорный: Зависит от конкретного произведения. Скажем, роман-файл «Флёр» — был чистой идеей, пришедшей извне. Безусловно, после написания я вносил правки и шлифовал, как, собственно говоря, всегда делаю со своими произведениями, но что-либо придумывать... Нет, скорее я просто успевал отображать события и записывать за героями. Но, конечно, есть и такие вещи, которые мной, если так можно выразиться, «спланированы» от начала и до конца. Скажем, рассказ «День Города» или пьеса «Русский Хэллоуин». В любом случае, просто одной идеи, пусть и пришедшей извне, недостаточно. Этому еще надо придать форму. А форма придается писательским опытом, мало имеющим отношения к чистому творчеству. Это уже — работа. Где-то даже ремесло.

«Контрабанда»: Если бы Вы знали, что следующий Ваш роман изменит жизнь каждого, кто его прочитает, о чем бы Вы написали?

Глеб Нагорный: Честно говоря, я не верю в то, что какой-то роман может изменить жизнь каждого. Люди по своей природе очень не похожи друг на друга. На мой взгляд, это было бы бессмысленное рассуждение — голословное и умозрительное. Вот, к примеру, Библия. Казалось бы, универсальная книга. Наравне с ней существуют Бхагавад-гита, Тора, Коран. Тоже не менее уникальные произведения человеческого ума и духа. И все они вроде бы об одном и том же. О Боге, любви, всепрощении. А посмотрите, сколько крови от этих книг. От их универсальности

и уникальности. Потому что не от книг это зависит, а от тех, кто их читает. Один Библию прочтет и покается, изменит в себе что-то, придет к переосмыслению всей своей жизни, неблагоприятных поступков, а другой, — с этим же Священным Писанием под мышкой, — побежит в супермаркет людей расстреливать, жарить «майские шашлычки», мародерствовать.

«Контрабанда»: Где выход из тупика однообразности современного искусства?

Глеб Нагорный: Выход очень простой. Стараться не равняться на других. Не превращаться в креативное стадо, которое все время оглядывается на моду, тенденции и тусовку. Делайте свое, пишите, как *вы* чувствуете и как именно *вы* видите этот мир. Тогда и однообразие исчезнет. Но языку учиться, в любом случае, надо у классиков.

«Контрабанда»: Как Вы думаете, бумажная книга умрет, уступив место цифре, или труд писателя, перенесенный на бумагу, всегда будет привлекать настоящих ценителей литературы?

Глеб Нагорный: Я думаю, они будут существовать, не мешая друг другу. Потому что это вопрос скорее привычки. Кто-то предпочитает читать цифровую книгу. Для кого-то приятней держать «живую» книгу в руках. Конкретно про себя могу сказать, что в метро я стараюсь читать «цифру» — это просто эргономичней. Но дома я, безусловно, беру в руки реальную осязаемую книгу. Пахнущую типографской краской. На самом деле никто здесь никому не наступает на «информационные пятки». Это скорее вопрос удобства получения информации из разных источников. Лично во мне «цифра» с бумагой в жесткое противоречие не вступают.

«Контрабанда»: Мода в литературе — это хорошо или плохо?

Глеб Нагорный: Это не хорошо и не плохо. Это — данность. Как новые модели кроссовок с липучками и пиджаков с «локтями». Что-то становится классикой, что-то живет один сезон. мода необходима, но надо отдавать себе отчет, что все, что модно сегодня, не факт, что будет оценено завтра, да и вообще кому-либо нужно. Поэтому не стоит гнаться за модой. Много вы знае-

те тряпок из 70-ых, которыми восторгались наши родители, отстаивая километровые очереди, и которые ровно так же востребованы сегодня? Вот с литературной модой ровно то же самое. В классику войдут десятки, а то и единицы. Как бы ни хотелось туда попасть всем союзам писателей с их «почвенниками» и «постмодернистами». Кто останется? Никто этого не знает. Но уже сегодня очевидно, что далеко не все «модные литературы» будут нужны литературе в ее пафосном понимании. Поскольку мода на этих авторов зачастую поддерживается не за счет качества произведений, а искусственным путем: при помощи массированных пиар-атак. Какие только маркетинговые ходы тут не задействованы: и СМИ, и соцсети, и резонансные статьи, и рецензии критиков, и интервью по ТВ, и баннеры на улицах, и реклама в метро. Примерно таким же образом у нас зубную пасту и стиральные порошки продают. По сути, все это «Основы маркетинга» Филипа Котлера. Отношения к литературе и искусству это не имеет.

«Контрабанда»: Часто успешные вещи сейчас получают продолжение, что в литературе, что в кино. А кто-нибудь еще «попадет в файл»? У Вашего самого знаменитого романа ожидается продолжение или это Вам не интересно?

Глеб Нагорный: Сложно сказать. Задача, которую я поставил себе этим романом, на мой взгляд, была мной полностью реализована. Роман состоит из многочисленных пластов и подтекстов. Этого я, собственно, и добивался. Но помимо содержания, я еще делал акцент и на игре с языком: на аллюзиях, метафорах, афоризмах, неологизмах, каламбурах и т. п. Не могу сказать, что мне сегодня особо интересно к этому возвращаться. Но, если и вернусь, думаю, это уже будет немного другая история. Вопрос в другом. А есть ли смысл входить в одну реку дважды?..

Беседовала Алёна МОРГУНОВСКАЯ

«Контрабанда»,

№3 (29), декабрь 2014 г.

**ИСКУССТВО ПРИЗВАНО РОЖДАТЬ,
А НЕ РАЗРУШАТЬ**

Понять, с кем мы в данном случае имеем дело, не трудно. Достаточно посмотреть на объём этой беседы. Да, всё верно: перед вами писатель. Встречайте, Глеб Нагорный! Прошу любить и жаловать, ибо есть за что. Мы пытались скомпрометировать его. Задавали неловкие вопросы, искали лазейки для провокаций, а он ни в какую.

– Приветствую вас, Глеб! Наши вопросы могут местами показаться провокационными и претенциозными. Таковы условия среды. Вы готовы?

Глеб Нагорный: Ну, если и вы будете готовы к моим ответам. Надеюсь, ваше самочувствие позволит вам выслушать всё то, что я скажу.

– Как бы вы охарактеризовали то направление, в котором работаете в рамках прозы? Что, по-вашему, вообще представляет собой мышление прозаическим текстом?

Глеб Нагорный: Никогда не задавался этим вопросом. Вы просто садитесь и начинаете писать. И либо ангел вам на плечо в этот момент сядет, либо птичка отметится. Тут уж кому как повезёт. Если серьёзно, то это некий, часто неосознанный, поток, не до конца сформулированная идея, которую слово за словом, фраза за фразой необходимо структурировать в текст и придать этому тексту цельную логичную форму. Не очень сложно? Тогда скажу проще – если начать задавать себе такие вопросы, то можно вообще перестать писать. От шока. А как я это делаю? Что касается «направления», то возникшая идея, как правило, предопределяет выбор жанра. Скажем, роман-файл «Флёр», на мой взгляд, больше тяготеет к постмодернистским традициям. Что касается драматургии, то пьесы у меня написаны в жанрах трагифарса, гротеска, один критик даже назвал меня родоначальником «макабрической антиутопической буффонады». С чем это едят, мне, признаться,

сложно сказать. Некоторые рассказы у меня очень депрессивны и, скажу немного высокопарно, экзистенциальны, другие, напротив, тяготеют к шутовству и сатире.

Вообще, «мышление прозаическим текстом», на мой взгляд, это невозможность кратко и доступно, как поэт, выразить какую-то одну мысль. Отсюда начинаются многостраничные словострадания, если не сказать грубее. Ну а что касается моих писательских предпочтений, то они основаны, безусловно, на моих читательских запросах. Скажите, что вы читаете, и я скажу вам, что вы пишете. Мне, например, нравятся длинные, протяжённые во времени вещи, именно поэтому я совершенно равнодушен к поэзии и, в общем-то, со скепсисом отношусь к рассказам. Всё это можно очень красиво написать, но по содержанию всё равно выглядит как-то куце. Только начинаешь вчитываться в произведение, а оно уже закончилось. По той же причине в кинематографе я отдаю предпочтение полнометражным фильмам и блестящим американским и английским сериалам, появившимся в последние годы, в то время как к коротким метрам отношусь более чем прохладно.

— Что побудило вас когда-то начать заниматься творчеством? Как давно это произошло и что с тех пор изменилось?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, я никогда не собирался писать. У меня не было и до сих пор нет желания становиться писателем в общепринятом смысле. Это скорее хобби, не более того. В конце концов, кто-то после работы ходит в спортзал, кто-то увлекается литрболом, кто-то прожигает время в соцсетях, собирая комменты и лайки, ну а я иногда пишу. Переворот же в моём сознании произошёл после прочтения Генри Миллера. Я это часто в разных интервью говорю. Дело в том, что в школе нас постоянно убаюкивали классикой, а Генри Миллер показал, что можно писать вообще по-другому. Со временем я, правда, разочаровался в его творчестве, поскольку, на мой взгляд, Генри Миллер, как и большинство успешных авторов, сел на объезженного конька и стал, как в цирке, ездить по кругу собственной прозы, но толчком, тем не менее, послужил именно он. Потом я

открыл для себя Бориса Виана. Полюбил Гофмана, Кафку, Гессе, Кортасара, Оруэлла. Этот список можно продолжать до бесконечности. А первая моя публикация, если не ошибаюсь, была публицистической, в ведущем литовском еженедельнике «Республика». Было мне тогда лет восемнадцать-девятнадцать, и учился я на юридическом факультете Вильнюсского университета.

Что с этого времени изменилось? Ну, во-первых, я стал адвокатом и одновременно закончил мастерскую Марлена Хуциева во ВГИКе. Во-вторых, у меня пошли литературные публикации, вышел роман, пьесы начали ставить в театрах, появились литературные награды. Но произошло и в-третьих... Это любопытные перемены во мне самом. Возникло какое-то буддистское спокойствие на грани с равнодушием. Думаю, это связано с тем, что некоторые вещи приходилось пробивать в прямом смысле годами, а когда я дошёл до определённых целей, к тому моменту они оказались не столь значимыми и актуальными в моей жизни. Сейчас у меня совсем другие приоритеты – семья, дети, квартира. Обыденные человеческие ценности. Популярность и лауреатства я давно для себя вынес в разряд суеты и мишуры. Все это, конечно, интересно, но лишь постольку-поскольку. И вообще, надо отдавать себе отчет, что любой творческий человек – это не только его творчество. Многие ставят между своим «я» и своим творчеством знак равенства. А человек – это совокупность и творчества, и семьи, и работы, и взаимоотношений с людьми. Как только происходит у человека перекосяк в какую-то одну сторону, жизнь начинает рушиться. К сожалению, на моем жизненном пути попадались в достаточной мере одарённые люди, которые на поверку оказывались заражёнными звёздной болезнью или, напротив, страдаемыми недугом непризнанной гениальности. Как с людьми с ними было просто невозможно общаться, настолько они были зациклены на своем «я» в искусстве. В результате такого рода зацикленность зачастую оборачивалась для них трагедией в семье и во взаимоотношениях с окружающими. А виной тому стано-

вился как раз творческий эгоцентризм, который реализовывался часто только в одном — в безоглядном и беспринципном использовании других людей ради своих целей. Вообще, знаете, что скажу, — поменьше надо знакомиться с известными людьми. Звёзды должны быть недосыгаемыми, иначе очень быстро может наскучить та незвёздная пыль, которую они после себя оставляют.

— Как бы вы определили понятие вдохновения? Имеет ли здесь место нечто мистическое или же всё математически точно и ясно?

Глеб Нагорный: Лично для меня — это только мистика. Как и говорил, я, например, никогда не собирался писать ни прозу, ни уж тем более пьесы. Но, видимо, сработали какие-то кармические законы и гены — поскольку отец у меня заслуженный деятель искусств РФ, поэт Юрий Кобрин. Да и большинство идей, надо сказать, почти всегда приходило спонтанно. Тот же роман-файл «Флёр». Та же идея пьесы «Лайф-Лайф». В моменты написания крупных вещей на меня находит... не знаю даже, как точно выразиться... это сродни болезни. Пока вещь до конца не доведёшь — не выздоровеешь. Но я вам скажу — это прекрасная болезнь. И окончательно выздороветь означает для меня перестать быть тем, кто я есть. А так называемая «математика» появляется в другой момент — в момент правки, редактуры произведения. Технической отточки.

— Так или иначе, вы работаете, используя классические формы выражения. Проза и романы уже с давнего времени живут на последнем издыхании, а пьесы так и вовсе принято считать вымершим жанром. Есть ли срок годности у художественной формы, и есть ли смысл с ним считаться?

Глеб Нагорный: Помните, что Рудик-Родион говорил в «Москва слезам не верит»? «Ничего не будет. Ни кино, ни театра, ни книг, ни газет — одно сплошное телевидение». Это всё из той же оперы. Кто сказал, что проза и романы на последнем издыхании? Что же тогда, по-вашему, высылают на «Большую книгу», «Букер», «Нос», «Национальный бестселлер»? Это, мягко

говоря, не очень-то похоже на посты и комменты из блогов. Кто сказал, что пьесы — вымерший жанр? Какой-то доморощенный театральный критик, адепт так называемой новой драмы? Поверьте, ни один уважающий себя профессиональный театральный режиссёр не будет братья за ваш рыхлый текст, который ему придётся самому же потом переписывать и переделывать за вас под пьесу. Хотя есть, конечно, и такие «виртуозы». Всё это сейчас мы в полном цвете наблюдаем во всяких расплодившихся «новодрамовских» постановках-однодневках.

По большому счёту, все эти заявления продвигаются дилетантами, не умеющими писать и не желающими учиться писать. Они таким образом прикрывают собственную несостоятельность. Это своего рода жульничество, напёрсточничество, пляски и игрища голых королей. Поэтому говорить о том, что пьесы принято считать вымершим жанром, мягко скажем, преждевременно. Принято определённой тусовкой. А на смену любой тусовке, как известно, приходит другая. Пьесы же как были пьесами, так ими и останутся. В этом смысле, кстати, очень показательна американская сценарная школа. Ни одна американская кинокомпания не возьмёт у вас текст, который не выдержан в форме сценария. Попробуйте с такими заявлениями выйти, скажем, где-нибудь в Голливуде и объяснить им, к примеру, что сценарии приказали долго жить, а у вас просто такое своеобразное видение будущего фильма.

— Важным моментом в ваших работах является ностальгическая интонация. Где-то это ностальгия по личному прошлому, а где-то — по историческому и культурному. Что такое ностальгия, или почему вас так тянет к прошлому?

Глеб Нагорный: Никакой ностальгии я не испытываю. Жить прошлым означает не развиваться. С другой стороны, естественно, за мной есть определённый жизненный опыт, любовные переживания, потери, разочарования. Родился я вообще в Советском Союзе, до тридцати лет жил в независимой Литве, в тридцать переехал в Москву. У меня достаточно длинная и интересная судьба. Со всеми полосами зебры. И самое гре-

ховное, порочное, что может себе позволить творческий человек, — это забыть себя. Забыть чёрные полосы. А этих полос много. Поверьте, на десятерых хватит. И как только вы из зебры превращаетесь в белое парнокопытное в яблоках, можете смело на себе крест ставить. Даже не на творчестве, а на себе как на человеке. Но тут не в ностальгии, конечно, дело. Не стоит возвращать то, что само по себе осталось в прошлом. Но из этого прошлого можно взять хорошее, извлечь уроки. И уж, конечно, не стоит перечёркивать то, что нарабатывалось годами, а то и кровью. Я имею в виду нашу историю и культурные традиции. Поэтому когда по Эстонии и Латвии маршируют фашисты с зигами, гомосексуалисты в некоторых особо продвинутых странах усыновляют детей, а наши дети сдают бредовый ЕГЭ по европейским лекалам — мне и правда хочется вернуться в прошлое.

— Если современные русские философы стремятся миновать постмодернистскую традицию философствования, то вы признаёте его, но всячески критикуете. Чем вам так не угодил постмодернизм и, если он так плох, как предлагаете с ним бороться?

Глеб Нагорный: Я ничего против постмодернизма никогда не имел. Напротив, ряд моих произведений написан именно в постмодернистском, я бы даже сказал, гиперэкспериментальном ключе. Это касается и ряда новелл с рассказами, и романа «Флёр».

Другое дело, вы, наверное, имеете в виду слова одного из героев романа, которые он говорит в главе «Погасшее Окно». Мол, пуст постмодернизм. «Пустмодернизм». Но, во-первых, это слова героя, а во-вторых, в них тоже есть своя правда. Понимаете, обеденный стол не может состоять только из десертов, так может аллергия начаться. Это я к тому, что повальное увлечение постмодернизмом становится неинтересным, пресным, скучным и очень предсказуемым. Начинается своего рода постмодернистский чёс: литературный чёс, театральный чёс, киночёс.

Но, с другой стороны, если произведение сделано талант-

ливо, то не имеет равным счётом никакого значения, в каком ключе, жанре, стиле или «-изме» оно выполнено. Хотя в классицизме, хоть в копрофилизме. Показатель таланта — сам талант, и он самодостаточен. Течения не играют равным счётом никакой роли.

— Как вы считаете, должно ли искусство оперативно отвечать вызовам современности? Собственно, ставит ли современность какие-то задачи перед искусством?

Глеб Нагорный: Если искусство оперативно отвечает вызовам современности, оно моментально становится конъюнктурным. Великие романы пишутся годами, а то и десятилетиями. Полотна пишутся не за сутки. Удачные спектакли не ставятся с бухты-барахты. Очевидно же, что, скажем, постановки шайкилейки в подвале «Театра. doc» вроде «Час 18» о гибели Магнитского в «Матросской тишине» и «БерлусПутин» — это паразитирование на больных темах и спекуляции, не имеющие равным счётом никакого отношения к искусству, поскольку всё это привлекает зрителей только в определённый политический момент.

Другое дело, о самой современности нужно писать и необходимо ставить спектакли, но таким образом, чтобы это было интересно и через пять-десять лет, а не делалось на потребу дня. Ведь чем хороши классики? Они же тоже писали о своей современности и своих современниках, но использовали при этом архетипичные и в то же время самобытные образы, не педалируя сиюминутные политические процессы. Потому что Драконы — они во все времена одинаковые, с тем же смрадным запахом из пасти и болотным цветом бликующей чешуи.

— Как бы вы охарактеризовали ту ситуацию, в которой находится сегодня отечественное современное искусство?

Глеб Нагорный: Отсутствие уникальных идей, самобытного почерка, неповторимого стиля — вот чем характеризуется современное искусство. Слишком много вторичного, подражательного и, как результат, — посредственного. По этому поводу вспоминается блестящая шутка. На одном художественном конкурсе надо было нарисовать картину на тему голода. Так вот, один ху-

дожник представил на суд зрителей анальное отверстие, затянутое паутиной. Примерно так я и вижу современное искусство. В качестве примера, всё более-менее образованные, начитанные и зрительно подкованные люди хают фильмы с плинтусным юмором вроде «Самый лучший фильм» и т. п. В качестве противовеса, естественно, появляется артхаус, так называемое фестивальное глубококомысленное кино ни о чём.

Наши доблестные режиссёры почему-то полагают, что раз Тарковский, Сокуров, Герман-старший, Балабанов и прочие столпы кинематографа смогли, то и они не хуже. Итог: вы сидите и полтора часа, а то и больше, дремлете в кинозале, потому что уже с первого кадра понятно, чем всё закончится. Как-то в течение одной недели я посмотрел ряд фильмов наших «добрых» артхаусников. Во всех фильмах совершенно разных режиссёров, возможно даже друг с другом незнакомых, в финале главный герой либо покончил самоубийством, либо его убили, либо он кого-то убил, либо вообще всё вместе. В общем, все умерли. И всё это прикрывается социальной значимостью произведения. Потом авторы почему-то удивляются, что их фильмы проваливаются в прокатах. Это и есть анальная трещина в паутине. Потому что всё это на самом деле стороны одной медали. С одной стороны — нескончаемая ржака, с другой — унылая беспросветная депрессуха, замешенная на социалках.

А мир-то — он хитрый, он как раз где-то посередине, если хотите, на ребре медали. Я не говорю, что не появляются талантливые произведения, — они, безусловно, есть. И, бесспорно, не весь артхаус такой. Но вот тенденция делить искусство на ржаку и чернуху, на белое и чёрное, на левых и правых, конечно, удивляет.

— Кто такой русский? Какие антропологические изменения происходят с ним в современности?

Глеб Нагорный: Русский — это тот, кто думает на русском и видит сны на русском. Во мне смешено три крови, родился и вырос я вообще в Литве, десять лет живу в Москве, мои родители говорят на русском, отец пишет стихи на русском, в моей

семье говорят на русском, пишу, думаю и вижу сны я тоже на русском. Кто я, по-вашему? Конечно, русский. При этом чисто русской крови во мне нет. Знаете, у меня есть забавный приятель, который откопал в своей крови далёкий немецкий гемоглобин. Нет ничего смешнее — наблюдать за его мимикрией. Лет десять он всем рассказывает, что он немец. Начал оправдывать фашизм, хотя его дед прошел Великую Отечественную войну, лет семь безуспешно пытается уехать на ПМЖ в Германию, хотя за тридцать с лишним лет ни разу не был за границей и о Европе имеет такое же смутное представление, как я, скажем, о бозоне Хиггса. А до того как он откопал у себя не то бабушку, не то прабабушку, был среднестатистическим выходцем из российской провинции с абсолютно ординарными русскими внешностью, именем и фамилией. Таким, кстати, как вы понимаете, и остался. Любопытные, конечно, метаморфозы с людьми порой происходят. Именно поэтому Гоголь, безусловно, русский писатель, как бы ни хотелось думать некоторым ультрарадикальным украинцам. Национальность, унаследованная от праотцов, и штамп в паспорте тут особой роли не играют. Что в ваших «снах и думах», то вы и есть. Что же касается антропологических изменений, тут я особых изменений не заметил. Хвост вроде бы ещё ни у кого не вырос, но айфон у некоторых, конечно, прирос к руке намертво.

— В каком соотношении, по-вашему, находятся сегодня мода и искусство? Как бы вы определили понятие моды?

Глеб Нагорный: Они как сиамские близнецы, как шерочка с машерочкой, всегда бок о бок ходят. И часто так случается, что именно мода помогает появиться каким-то уникальным вещам в искусстве, каким-то новым течениям, открытиям. Но случается и так, что мода есть, а произведения по какой-либо причине не выстреливают и надолго в памяти не остаются. Почему так происходит? Ответ, собственно, на поверхности. Прежде всего надо делать произведения искусства, невзирая и не оглядываясь на моду. Если хотите, мода — это волна, которая может либо поднять сокровище со дна творческого океана, либо превра-

титься в солёную пену на замусоренном берегу. То, что мы сегодня наблюдаем, к сожалению, как раз больше всего напоминает именно ту самую пену.

– Отталкиваясь от вашего эссе «Радикализация искусства», задам вполне закономерный вопрос: к чему ведёт радикализация художественных жестов? Есть ли тупик, обусловлен ли он временем, и что будет после радикальности?

Глеб Нагорный: Ну, эссе – это громко сказано. Скорее, это рассказ со стёбом. Как и всегда, за этим идёт обновление. Радикалы, анархисты, PussyRiot, яйцеприбивальщики на площадях всегда появлялись во времена морака. Но главная проблема в том, что для борьбы с политическим мракобесием они сами же выбирают сатанинские методы. Да и вообще, был уже и твякающий Кулик, всё ещё где-то задрал хвост бегающий. И по пьяни захлебнувшийся в лягушатнике Мамышев-Монро. И матюги на Красной площади из тел выкладывали, и фаллос на разводном мосту калякали, и прочие юридические не раз и не два отмечались. Проходили. Скучно.

Но глубокое их заблуждение в том, что они создают искусство. Всё это – хлам, пыль, шелуха. Поскольку не имеет никакой художественной ценности и по природе своей нежизнеспособно. То есть это разовые акции, эпатаж, быстродействующий самопиар. Очевидно же, что такого плана акции будут жить ровно до той поры, пока кто-нибудь не догадается взблевнуть, скажем, в Госдуме или помочиться на Мавзолей. По мне так ряд таких действий – это вообще чистой воды административно наказуемое хулиганство и девиантное поведение творчески малоодарённых людей, которые хотят как-то о себе заявить. Таким вот, мягко говоря, странным образом.

Ведь тут в чём соль? Если я или, предположим, вы нагадите в каком-нибудь музее, то нас, естественно, посадят в спецприёмник или определят в стационар жёлтого дома. И, в общем-то, правильно сделают. Но если мы раструбим в интернете, что это политическая акция, направленная на свержение власти, что мы на самом деле есть группа художников-радикалов, и не ради ка-

ла, извините за седобородый каламбур, это сделали, не ради дефекации, то мы тут же становимся творцами с большой буквы, революционерами, популярными личностями, за нас ещё, не дай Бог, ООН вступится. А ведь разницы на самом деле никакой: фекалии и у художника, и у простого смертного отличаются только квинтэссенцией съеденного на завтрак.

Вообще, так скажу, с властью не стоит бороться провокациями, с властью можно бороться только при помощи искусства. Потому что власть спит и видит, когда же вы оступитесь, когда начнёте нарушать законы, когда позорно высечете сами себя, как та унтер-офицерская вдова, когда вы своими поступками, наконец, превратитесь в жупел для ваших гипотетических сторонников. Более того, такими акциями быстро пресыщаешься.

Поэтому лично я думаю, что дальше пойдёт обновление. Новый виток. Если хотите, современный ренессанс. Потому что искусство призвано рождать, а не разрушать. И вообще, вандалы, если помните, плохо кончили. С другой стороны, этому нет смысла уделять столько внимания, лишний раз подливая воду на пиар-мельницу. Всё это само собой рано или поздно схлопнется, как картонный домик. Чуть подтолкни — и посыплется. И уж тем более не надо никого сажать по уголовным статьям. Во-первых, такие наказания, конечно же, не соответствуют масштабам деяний, это я уже как адвокат говорю, во-вторых, это, безусловно, лишний пиар создаёт. Кстати говоря, нет ничего более радикального, эффективного и зрелищного, чем прилюдная лоботомия или акт самосожжения. Предлагаю некоторым «художникам» серьёзно задуматься над такими инсталляциями. Не знаю, как вы, но я бы с удовольствием сходил посмотреть. Жаль, что это, возможно, только одноразовые инсталляции будут. Но славы, поверьте, у этих троллей будет вагон и маленькая тележка. И в анналы они войдут, и кривоногих последышей в виде орков обретут.

— Как прочно вписан художник в контекст капиталистической системы? Возможно ли вырваться из этого контекста, и что для этого нужно?

Глеб Нагорный: Это касается каждого художника отдельно. Его психологического и соционического типов. Скажем, Пикассо и Дали — великие уникальные художники, успешные самопиарщики и делатели огромных состояний. В то же время — нищий безумно-гениальный Ван Гог. Вспомните ошалелые, с падениями и взлётами, судьбы того же Генри Миллера и Чарльза Буковского. Таких примеров сотни, если не тысячи. И зачастую это вопрос не столько таланта, сколько массы слагаемых: характера, связей, коммуникабельности, судьбы, стечения обстоятельств, ваших пороков или, наоборот, добродетелей. Например, бесфамильно, если позволите... Есть масса талантливых современных русских писателей, которые у всех на слуху, но когда читаешь некоторые их книги, зачастую ловишь себя на мысли: а ведь влёгкую с этим романом имярек мог бы оказаться где-нибудь в самиздате в Тмутаракани. Но так сложились звёзды, что живёт он в Москве, опубликовало его крупное издательство и ещё пиар-фея в чело поцеловала.

По поводу второго вопроса. Возможно ли вырваться из контекста капиталистической системы? Тут нужно чётко и честно задать себе ряд вопросов и обозначить свои цели. Если вы хотите славы и денег, то будьте готовы к тому, что талант должен быть с ногами: бегайте, пиарьтесь, дружите, скандальте, пишите резонансные статьи, бухайте с известными личностями, набейте кому-то морду, дайте себе набить — и слава вам обеспечена. Только писать при этом, конечно, не забывайте. Желательно хорошо. А то у некоторых всё в беготню уходит, да и со стороны это выглядит довольно смешно и нелепо.

Но если вы к этому относитесь более или менее равнодушно, то зарабатывайте деньги другим ремеслом, а свои труды выставляйте в интернете. Вот вы и вырвались из-под капиталистического Молоха. Читатели всегда найдутся. Другое дело, конечно, той славы и тех денег, как у тех, у кого «талант с ногами», у вас никогда не будет. Максимум — известность в блогах, среди френдленты. Тут другой вопрос: а надо ли вам всё это? Я, например, для себя давно решил. Бегать за славой, тусовать-

ся, пиариться, разбрасывать ссылки и т. п. я не буду. Мне лень, мне это всё скучно и неинтересно. Не говоря уже о том, что это ко всему прочему колоссальная трата времени. И вообще, я законченный интроверт на грани с социопатом. Мне за глаза хватает себя самого и моей семьи. От скопища людей я сильно устаю.

Что касается популярности, то нет ничего приятней, чем получать восторженные имейлы от читателей и приглашения от изданий, которые сами тебя находят, чтобы взять интервью. Как ваше, например. Мне этого более чем достаточно. Считаю, что это и есть наивысшая оценка моего творчества. И не надо по этому поводу суетиться. Как говорил Воланд: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»

— В Европе, начиная примерно со второй половины двадцатого века, активно изобретаются принципиально непродаваемые творческие жесты. Естественно, многое из изобретённого уже обкатано буржуазией, однако сам этот левый запал кажется до сих пор перспективным и плодотворным. Как вы относитесь к непродаваемому искусству вроде перформансов, инсталляций и т.п.?

Глеб Нагорный: В том-то и парадокс: ничто так хорошо не продаётся, как инсталляции и перформансы. Потому что лепить их можно килограммами и километрами. Вот вам навскидку. Стена. На стене рама. В раме — пистолет. Подпись под рамой — Маяковский. Петля на стене — Есенин. Колесо. Из него вьётся длинный алый шарф — Айседора Дункан. На стене распята телогрейка с гулаговской нашивкой — Солженицын. Рядом пришпелены смокинг с бабочкой — Бродский. Початая бутылка водки, из горлышка торчит шприц — Высоцкий. Ещё с десятков таких придумок внаброс — и можно смело открывать какое-нибудь биненале, посвящённое, ну, не знаю, скажем, судьбам и вехам XX века. Тут же обязательно появятся окологкультурные проходимцы, которые привлекут критиков, и те заявят, что это «новое течение», «новый взгляд», «прорыв», «новация», и нагородят ещё

с три короба подобной лабуды. Обязательно откликнутся и здравомыслящие люди, которые будут крутить пальцем у виска, отметятся в блогах и ёрнически откомментируют происходящее под хвалебными статьями. И вот тут-то и произойдёт резонанс. Народ валом повалит.

Понимаете, в чём дело: для перформансов и инсталляций не нужен особый талант. Это нам внушили, что это не клоунада, а элитарное искусство избранных и для избранных. Поскольку всё это, в принципе, может сделать любой среднестатистический человек из толпы. А вот спектакль поставить или картину написать — это совсем другое. Тут, как минимум, нужны талант, мастерство, наработанное пробами и ошибками, самоотдача и многолетний опыт. И отличие тут существенное. Спектакли и картины изначально нацелены на искусство, а перформансы и инсталляции заточены под резонанс, эпатаж и рубилово баббла. И знаете, по-моему, уже давным-давно пора срывать маски с этих ряженных морд и начать всё своими именами называть. А то не ровён час, мы на полном серьёзе в медицинских анализах начнём копать и искусствоведческие беседы на эти темы проводить: Шанель это или что-то существенно иное? У меня, кстати говоря, по этому поводу есть рассказ «СЛОН, или биеннале национального идиотизма». Я его написал как раз после посещения какого-то очередного московского биеннале современного искусства. Так вот, многие воспринимают этот рассказ как документальный очерк, публицистическую статью. А рассказ от начала до конца выдумка. Написан, наверное, за полчаса. Тем не менее, инсталляций, набросанных в нём, хватит на целый бомжатник от современного искусства. Я бы сказал ещё грубее, но, к сожалению, в СМИ сейчас запрещены более хлёсткие слова.

— Возможны ли, по-вашему, объективные критерии в оценке выходящего из под пера кого бы то ни было? Какие бы вы предложили варианты проверки на вшивость?

Глеб Нагорный: Ну, проверка на вшивость простая. Если вы, положим, акцент в своём творчестве делаете на маргиналах

и фекальных массах, забывая при этом, не буду говорить высокопарно, о душе, забывая о конфликтах, о взаимоотношениях между людьми, о подтекстах, то очевидно, что вы эпатируете публику, а не создаёте искусство. Если же для вас драматургический конфликт первоочередной, то пишите хоть о педофилах. Вспомните ту же набоковскую «Лолиту». Суть Гумберта – не педофилия, а внутренний надлом, поиск, разрыв внутреннего «я». Тут очень важно понять, кроется что-то за вашими эрекциями или там только спермотоксикоз.

Что касается объективности в оценке вышедшего из-под пера. Все вещи в мире, безусловно, основаны на субъективной оценке – нравится-не нравится, но есть вещи универсальные. Скажем, в прозе это язык. Вы можете писать о чём угодно и как угодно, но если у вас скудный словарный запас, деепричастные и причастные обороты для вас пустой звук и у вас напрочь отсутствует образное мышление, то, пожалуй, вы не на ту дорогу свернули. Драматургия без определённой жёсткой формы и видения автором сцены по сути нежизнеспособна. Иначе, как я и говорил, получается текст, который приходится адаптировать для сцены. Иными словами, заново переписывать.

– Над чем вы работаете в последнее время? Какие вопросы исследуете, чему планируете посвятить себя в ближайшее время?

Глеб Нагорный: В последнее время, как, собственно, и в прошлое, я собираюсь посвятить себя адвокатской практике. Что касается творчества, – повторюсь, моего хобби – тут сложнее. Есть у меня несколько вещей, которые требуют правки, но... не буду зарекаться, всему свое время. Одно могу сказать точно – останавливаться я не собираюсь.

Беседовал Иван СПИЦЫН

«Литературная Россия»,

№18 (2654), 2 мая 2014 г.;

«Большая книга», 2 мая 2014 г.;

«Русская жизнь», №6, 2014 г.;

«Abje.tk», 27 января 2014 г.

Глеб Нагорный

Лайф-Лайф
Пьеса

Глеб Нагорный — адвокат, прозаик, драматург, публицист. Член МФРП, СП XXI века, СП Москвы и СТД РФ. Включён в биографическую энциклопедию успешных людей России «Who is Who в России» (Швейцария). Кавалер ордена «Серебряного орла». Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных премий «Золотое перо Руси», «Литературная Россия», «Славянские традиции», «Русский Stil» (Германия), «Пражский фестиваль» (Чехия), «Время драмы», «ЛитоДрама», имени Демьяна Бедного, имени де Ришелье и др.

«По большому счёту, „Лайф-Лайф“ — это пьеса о наших метаморфозах, туда можно посмотреть, как в зеркало, и ужаснуться». Алексей Битов, театральный критик

«Пьеса — современный городской трагифарс (одновременно и психологический триллер), в котором ощутимы мистические традиции Юрия Мамлеева. Пьесу можно было бы назвать „Затерянные под землёй“ — поскольку речь идёт о вагоне метро, остановившемся в туннеле... Перед нами оказался некий ковчег современников...»

Ольга Игнатюк, «Страстной бульвар, 10»

